

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Общественная жизнь античного мира

2022 Том 14 № 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, Москва, Российская Федерация

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Научный редактор выпуска

Т.Б. Гвоздева, кандидат исторических наук

Члены редакционной коллегии

Баكري Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики (до 16 октября 2022 г.), 5.6.2 Всеобщая история (с 1 февраля 2022 г.), 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки) с 30.06.2022.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов Российская Федерация,

115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 20.07.2022. Выход в свет 30.07.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 836. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

Social Life of the Ancient World

2022 VOLUME 14 NUMBER 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Scientific Editor of the issue

Tatiana Gvozdeva PhD in History

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ АНТИЧНОСТИ

Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх 243

Коровчинский И.Н. Зарождение «культы звезд» игры в мяч в эллинистических Афинах 257

Хапаев В.В., Глушич А.М. Спортивная жизнь провинциальных городов Восточной Римской империи в IV–VI веках 267

IUS ANTIQUUM

Логинов А.В. Развитие вещных форм обеспечения исполнения обязательств в Древней Греции 280

Гвоздева И.А. Аренда во владельческих отношениях на Ager Colonicus в Риме I–II вв. н.э. 289

Конюхов А.В. Ager exceptus и fundi excepti: к вопросу о социальном значении «исключенных» полей 297

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РИМСКОГО МИРА

Махлаюк А.В. «Любовь к отечеству» и гражданская идентичность в дискурсе латинских и греческих надписей 308

Никишин В.О. Этнолукизм как фактор в отношении римлян к германцам 328

ИСКУССТВО АНТИЧНОСТИ

Налимова Н.А. Декорация храма Аполлона Сминфея в Троаде: визуальная риторика в контексте эллинистического святилища 338

CONTENTS

SPORTING LIFE IN ANTIQUITY

- Gvozdeva T.B.** Juniors age categories of athletes at the Panathenaic Games 243
- Korovchinskiy I.N.** Inception of the ‘cult’ of ball game ‘stars’ in Hellenistic Athenes 257
- Khapaev V.V., Glushich A.M.** Sports life in the provincial cities of the Eastern Roman Empire in the 4th-6th centuries..... 267

IUS ANTIQUUM

- Loginov A.V.** Development of real security for obligations fulfillment in Ancient Greece 280
- Gvozdeva I.A.** Rent in ownership relations on Ager Colonicus in Rome (1–2 centuries AD)..... 289
- Konyukhov V. A.** Ager exceptus and fundi excepti: on the question of social significance of «excluded» fields 297

THE CIVIC IDENTITY OF THE ROMAN WORLD

- Makhlaiuk A. V.** “Love for the Fatherland” and civil Identity in the discourse of Latin and Greek inscriptions* 308
- Nikishin V.O.** Ethnolookism as a factor in the attitude of the Romans towards the Germans 328

THE ART OF ANTIQUITY

- Nalimova N.A.** Sculptural Display of the Smintheion in Troas: visual rhetoric in the context of a Hellenistic sanctuary 338

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ АНТИЧНОСТИ SPORTING LIFE IN ANTIQUITY

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256

Научная статья / Research article

Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 tbgvozdeva@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам античной атлетики классического периода. Автор прослеживает историю формирования программы Олимпийских игр и ее влияния на программы панэллинских и местных игр. Популярность панэллинских игр привела со временем к усложнению программы и увеличению количества атлетов-участников игр, для которых были выработаны разные системы возрастных классификаций. На Олимпийских и Пифийских играх все атлеты были разделены на две возрастные группы: *paides* и *andres*, тогда как на Истмийских и Немейских играх было три возрастные группы атлетов: *paides*, *ageneioi* и *andres*. Автор исследует историю Панафинейских игр в Афинах, которые часто называют «пятыми» панэллинскими играми. В статье показано, что программа Панафинейских игр с одной стороны создавалась на основе программ Олимпийских и Пифийских игр, с другой стороны отличалась от нее тем, что включала в себя целый ряд состязаний, в которых могли принять участие только афиняне. Автор статьи обращает внимание, что состязания «только для афинян», а также введение младших возрастных групп спортсменов создавали на Панафинейских играх больше возможностей добиться успеха именно местным атлетам и таким образом способствовало развитию атлетики в Афинах.

Ключевые слова: Великие Панафинеи, Панафинейские игры, возрастные категории атлетов, Олимпийские игры, Пифийские игры, панафинейские призовые амфоры

История статьи: Поступила в редакцию: 02.02.2022. Принята к публикации: 28.02.2022.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 243–256. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256>

© Гвоздева Т.Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Juniors age categories of athletes at the Panathenaic Games

T.B. Gvozdeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russia, 117198
 tbgvozdeva@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to some aspects of ancient athletics of the classical period. The author traces the history of the formation of the Olympic Games program and its influence on the programs of Pan-Hellenic and local Games. The popularity of the Pan-Hellenic Games led over time to the complication of the program and an increase in the number of athletes participating in the games, for whom different age classification systems were developed. At the Olympic and Pythian Games, all athletes were divided into two age groups: *paides* and *andres*, whereas at the Isthmian and Nemean Games there were three age groups of athletes: *paides*, *ageneioi* and *andres*. The author explores the history of the Panathenaic Games in Athens, which are often called the “fifth” Panhellenic Games. The article shows that the program of the Panathenaic Games, on the one hand, was created on the basis of the programs of the Olympic and Pythian Games, on the other hand, it differed from it in that it included a number of competitions in which only Athenians could take part. The author shows that both the competitions “only for Athenians” and the introduction of younger age groups of athletes created more opportunities for local athletes to succeed at the Panathenaic Games and thus contributed to the development of athletics in Athens.

Keywords: Greater Panathenaia, Panathenaic Games, age categories of athletes, Olympic Games, Pythian Games, Panathenaean prize amphorae

Article history: Received: 02.02.2021. Accepted: 28.02.2022.

For citation: Gvozdeva TB. Juniors age categories of athletes at the Panathenaic Games. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):243–256. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256>

Введение

Важной чертой эллинского духа была агональность, которая наиболее ярко проявлялась в панэллинских и местных играх, бывших составной частью полисных праздников. Главным праздником Афин были Великие Панафинеи, посвященные покровительнице полиса — Афине. Сначала праздник назывался Афиней, и его программа состояла из состязаний, процессии и жертвоприношения богине на Акрополе [1. С. 262]. Однако, в 566 г. до н.э., в архонтство Гиппоклида, была проведена реформа старого праздника. К процессии и жертвоприношению был добавлен гимнический агон (Euseb. Chron. Ol. 53.3–4). Отныне праздник, подобно Олимпийским играм, стал проводиться раз в четыре года и получил новое название — Великие Панафинеи (Marcel. Vit. Thuc. 3–4 = Pherecyd.

FGrH3F2). Программа Панафинейских игр начала оформляться в эпоху тирании Писистрата, постепенно изменялась, и в IV в. до н.э. состояла из так называемых «больших агонов», включавших в себя гимнические, конные и мусические состязания, открытые для всех эллинов, и «малых агонов», к участию в которых допускались только граждане Афин. И если «малые агоны», в которые в сер. IV в. до н.э. входили пирриха, эвандрия, факельная эстафета и состязание кораблей, являлись состязаниями, характерными для местных игр, то программа «больших агонов» была ориентирована на программу панэллинских игр, в первую очередь Олимпийских и Пифийских игр. Подобно Олимпийским играм, в гимническом агоне Панафинейских игр могли принять участие эллинские атлеты разных возрастов.

Программа Олимпийских игр

Ко времени реформы Панафинейских игр (566 г. до н.э.) Олимпийские игры существовали уже почти два века¹, и их программа была почти полностью оформлена. Она состояла из состязаний гимнического и конного агонов. Гимнический агон включал в себя разные виды бега, пятиборье и единоборства (борьба, кулачный бой и панкратион) (Paus. V.8). Самым ранним состязанием был «короткий бег», т.е. бег на 1 стадий² (776 г. до н.э.), на 14–15 Олимпиадах (724–720 г. до н.э.) были добавлены «двойной» бег и «длинный» бег³ (Paus. V.8.6–7), на 65-й Олимпиаде (520 г. до н.э.) — гоплитодромос, т.е. бег вооруженных гоплитов (Paus. V.8.10). С 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.) в программу Олимпийских игр вошло пятиборье (пентатлон) (Paus. V.8.7)⁴. Что касается единоборств, то они были добавлены в программу немного позднее. Так, с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.) в олимпийской программе появилась борьба, с 23-й Олимпиады (688 г. до н.э.) — кулачный бой, с 33-й Олимпиады (648 г. до н.э.) — панкратион (Paus. V.8.7–8).

Сохранившиеся списки олимпиоников позволяют предположить, что в VIII–VII вв. до н.э. Олимпийские игры были еще местным праздником, так как победители игр в большинстве или пелопоннесцы или дорийцы. Но к VI в. до н.э. Олимпийские игры постепенно приобретают надрегиональный характер. И хотя можно отметить, что все еще превалируют атлеты из Пелопоннеса, но уже заметно присутствие атлетов из Фив, Фессалии, Кеоса,

¹ Согласно Павсанию дата первой Олимпиады — 776 г. до н.э., когда был проведен «короткий» бег. Первым олимпиоником стал Кореб из Элиды (Paus. V.8.6).

² 1 олимпийский стадий = 192,27 м.

³ Двойной бег = 2 стадия, длинный бег мог быть от 7 до 24 стадиев.

⁴ Пятиборье состояло из короткого бега, борьбы, прыжков в длину, метания копья и диска.

Эвбеи, Опунта, Дельф, Лемноса и Афин⁵ [3. S. 48]. Следствием растущей популярности Олимпийских игр стало учреждение в VI в. до н.э. Пифийских игр в Дельфах (586 г. до н.э.), Истмийских игр в Коринфе (582 г. до н.э.), Немейских игр в Аргосе (573 г. до н.э.) и Панафинейских игр в Афинах (566 г. до н.э.). И хотя главными на Пифийских играх были мусические состязания, к ним позднее были добавлены разные виды бега, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратион, а также скачки на лошадях и ристания колесниц (Paus. X.7.2–7). Что касается Истмийских и Немейских игр, то их программы включали в себя не только гимнические (бег, борьба, панкратион, кулачный бой) и конные (ристанья колесниц и скачки на лошадях) соревнования, но и мусические состязания (Plut. Mor. 676f) [4. P. 177–181; 5. P. 107].

Программа Панафинейских игр

Восстановить историю формирования программы Панафинейских игр не просто, ибо данные фрагментарны, и в основном это поздние источники. Если говорить о классическом периоде, то в нашем распоряжении свидетельства литературных источников, в первую очередь эпиникии Пиндара, посвящение атлетов, призовые панафинейские амфоры и призовой панафинейский список сер. IV в. до н.э. (IG.II².2311), который является единственным полным списком состязаний и наград Панафинейских игр. Надпись открывается списком наград призеров состязания рапсофов, певцов и музыкантов, потом следует перечень наград гимнического и конного агонов, затем состязаний, предназначенных только для афинских граждан («малые агоны»). В надписи указаны как индивидуальные, так и командные состязания в разных возрастных категориях атлетов, а также призы за второе место. И если некоторые конные состязания и командные соревнования были предназначены только для афинян, то гимнический агон явно формировался под влиянием Олимпийских игр.

Дж. Шер полагает возможным рассмотреть историю программы Панафинейских игр, опираясь на данные панафинейских призовых амфор. Она отмечает, что датировать по ним те или иные состязания можно с изрядной долей условности, так как призовые амфоры изготавливались по решению Совета задолго до проведения Панафинейских игр, и возможно, что их использовали для награждения сразу на нескольких Панафинейских играх [6. P. 232–234]. Ранние призовые амфоры с изображением короткого бега датируются 560–550 гг. до н.э. (Met. Mus. of Art, NY., 1978, 11.13: Bentz 6.007; Cham. Col. Geneva: Bentz 6.006; Keram. Exc., Ath., P. 443: Bentz 6.004; Nat. Mus., Ath.,

⁵ Афинские атлеты стали одерживать победы на Олимпийских играх с VII в. до н.э. Первый афинский олимпионик, Пантакл, победил на 21-й Олимпиаде (696 г. до н.э.) в коротком беге, на следующей, 22-й Олимпиаде (692 г. до н.э.), он выиграл два олимпийских венка — в коротком беге и в двойном беге [2. no. 25–27].

Акр. 1043: Bentz 6.046; Agora Exc., Ath., P 9529: Bentz 6.010.), с изображением двойного бега — ок. 550 г. до н.э. (Nat. Mus., Ath., 2468: Bentz 6.044), длинного бега — 530—520 гг. до н.э. (Mus. of Fine Arts, Boston, 99.520: Bentz 6.058), конского бега — 560—550 гг. до н.э. (Arc. Mus., Naup., Glym.Col. 1: Bentz 6.051), бега вооруженных гоплитов — 550—540 гг. до н.э. (Nat. Mus. Ath., Акр. 921: Bentz 6.014) [6. P. 274–279]. Таким образом, программа Панафинейских игр к 520 г. до н.э. включала в себя все виды бега, известные по программе Олимпийских игр. Причем гоплитодромос⁶ в программу Панафинейских игр был включен раньше, чем в программы Олимпийских (520 г. до н.э.) и Пифийских игр (498 г. до н.э.) (Paus. II.11.8; X.34.5) [7. P. 181; 8. P. 88; 9. P. 161; 10. P. 50]. И хотя он отсутствует в призовом панафинейском списке сер. IV в. до н.э., но упоминается в надписях II–I вв. до н.э. Что касается конского бега⁷, то на Олимпийских и Пифийских играх это состязание не проводили, но оно входило в программу Немейских и Истмийских игр (Paus. VI.16.4; ср.: Plat. Leg. 833a-c). В призовом панафинейском списке сер. IV в. до н.э. конский бег отсутствовал, однако, он упоминается в надписях II–I вв. до н.э. как состязание для взрослых атлетов. Кроме того, на Панафинейских играх проводилась факельная эстафета по командам, однако это состязание входило в так называемые «малые агоны» и было доступно только для афинян (IG. II².2311.77; IG.II².3019)⁸. Призовые панафинейские амфоры с изображением пятиборцев относятся к периоду 560–550 гг. до н.э. (Agora Exc., Ath., P 2071 + P 4340: Bentz 6.003). Самая ранняя панафинейская амфора с изображением борца датируется 540 г. до н.э. (Bad. Landesmus., Karlsruhe, 65.45), кулачного бойца — 530 г. до н.э. (Nat. Mus., Ath., Akrop. 1042: Bentz 6.158), панкратиаста — ок. 500 г. до н.э. (Met. Mus. of Art, NY, 16.71: Bentz 5. 009) [6. P. 274–279]. Таким образом, к VI в. до н.э. гимнический агон Панафинейских игр был практически полностью сформирован.

Возрастные категории атлетов на панэллинских играх

В правилах Олимпийских игр было четко обозначено, кто мог быть допущен к состязаниям, а кто нет. Из тех, кто не имел права принимать участие в Олимпийских играх, были рабы, метэки, варвары, женщины [11. P. 40; 12. С. 259–260]. Эти правила были подтверждены клятвой атлетов на алтаре Зевса Горкия. Вместе с атлетами клятву приносили элланодики («судьи эллинов»), которые принимали решение о допуске атлетов к участию в Олимпий-

⁶ Дистанция гоплитодромоса в Афинах была 2 стадия (Schol. Aristoph. Av. 291–292). 1 аттический стадий = 177,6 м.

⁷ Конский бег = 4 стадия (Vaccil. Istm. X.19–26; Paus. VI.16.4).

⁸ Общая дистанция факельного бега в Афинах на Панафинейских играх составляла более 2,5 км [5. P. 141].

ских играх (Phil. Gymn. 25). Возможно, что подобные правила отбора участников применялись и на других панэллинских играх, а также на Панафинейях. Позже к ним добавили правила, связанные с введением возрастных категорий атлетов. Согласно Павсанию, с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.) впервые атлеты на Олимпийских играх были разделены по возрасту на две группы — *paides* («мальчиков») и *andres* («мужчин») (Paus. V.8.9).

В отличие от современного спорта греческая атлетика не знала разделений по гендерному принципу [11. Р. 119]. Женщин чаще всего просто не допускали к гимническим соревнованиям, а иногда даже не позволяли присутствовать на них в качестве зрителей. Чего стоит рассказ о Каллипатере (Ференике), которая тайно пробралась на Олимпийские игры, чтобы быть свидетельницей спортивных успехов своего сына Пейсирода в кулачном бою (Paus. V.6.7–8; ср.: Paus. VI.6.2) [13. С. 116–117]. Также следует отметить тот факт, что в единоборствах не было деления по весовым категориям. Атлет в легком весе мог оказаться в паре с «тяжеловесом», что подчас определяло исход поединка. В. Петермандл предполагает, что частично решить эту проблему должны были возрастные категории атлетов. Он подчеркивает, что в полисе всегда важным был возрастной критерий между взрослыми мужчинами и молодежью, т.е. между теми, кто уже вступил в права гражданства, и теми, кто еще не был записан в списки граждан [14. Р. 243]. Этот принцип, по его мнению, мог оказать влияние на введения возрастных групп на Играх. Н. Кроутер считал, что нельзя утверждать, возникли ли олимпийские правила из законов полиса [15. Р. 39]. М. Голден полагал, что целью деления атлетов на возрастные группы могло быть желание организаторов Игр предотвратить в единоборствах столкновение отца и сына в одном поединке [16. Р. 121]. Известны примеры «спортивных династий» с несколькими поколениями победителей панэллинских и местных Игр. Спортивная «карьера» атлета вполне могла охватывать около двадцати лет, и таким образом отец и сын могли оказаться лицом к лицу в одной схватке, и сын мог превзойти отца. Особенно это могло быть нежелательным в кулачном бою и в панкратионе, поскольку они заканчивались только тогда, когда один боец сдавался или не мог продолжать поединок [17. Р. 58]. Это вполне могло быть одной из причин существования двойной системы возрастных категорий, которая, по-видимому, была самой старшей возрастной классификацией в спортивных соревнованиях [18. Р. 112, 139; 19. Р. 91–93].

На 37-й Олимпиаде (632 г. до н.э.) впервые были проведены состязания для юных атлетов (*paides*) в беге и борьбе (Paus. V.8.9)⁹. Так начала формироваться особая программа Олимпийских игр для *paides*¹⁰. В 38-ю Олимпиаду

⁹ Филострат отмечает, что на 46-й Олимпиаде (596 г. до н.э.) впервые был введен короткий бег для мальчиков (Philostr. Gymn. 13).

¹⁰ Павсаний называет первого победителя среди *paides* — бегун Полиник из Элиды, победивший в коротком беге (Paus. V.8.9), тогда как Филострат указывает, что первым был Полиместор из Милета (Philostr. Gymn. 13).

(628 г. до н.э.) для них было добавлено пятиборье (Paus. V.9.1), в 41-ю Олимпиаду (616 г. до н.э.) — кулачный бой (Paus. V.8.9–10), в 145-ю Олимпиаду (200 г. до н.э.) — панкратион (Paus. V.8.11). Вслед за Олимпийскими играми возрастные категории атлетов стали вводить как на панэллинских, так и на местных играх. Очевидно, у эллинов существовало несколько систем возрастной классификации атлетов. Самую простую, и вероятно, самую древнюю из них, и применили на Олимпийских играх, а вслед за ними и на Пифийских играх¹¹ — разделение атлетов на две возрастные категории: *paides* («мальчиков») и *andres* («мужчин») [18. Р. 112, 139; 19. Р. 91–93]. Однако нельзя сказать, что программа мальчиков полностью повторяла программу взрослых атлетов. Так, на Олимпийских играх для *paides* были введены только короткий бег и единоборства. Интересно отметить, что программа для мальчиков не была единой на всех панэллинских играх. В отличие от Олимпийских игр, на Пифийских играх для *paides* было три вида бега (короткий бег, двойной бег и длинный бег); тогда как бег вооруженных гоплитов предназначался только для взрослых атлетов и в Олимпии и в Дельфах. В программу Пифийских игр входил пентатлон для *paides*, тогда как на Олимпийских играх его ввели на 38-й Олимпиаде (628 г. до н.э.) и сразу отменили на 39-й Олимпиаде (624 г. до н.э.) (Paus. V.9.1). Что касается единоборств, то на Пифийских играх, в отличие от Олимпийских игр, не было кулачного боя для *paides*, зато гораздо раньше для них был введен панкратион (346 г. до н.э.), чем на Олимпийских играх (200 г. до н.э.) [4. Р. 180].

Другую систему разделения атлетов на возрастные категории использовали организаторы Истмийских и Немейских игр. Всех допущенных к состязаниям атлетов разделяли на три возрастные группы: *andres* («мужчины»), *ageneioi* («юноши») и *paides* («мальчики»). Таким образом, к уже имеющимся двум категориям *andres* и *paides* добавляли третью — *ageneioi* (букв. «безбородые»), которая являлась промежуточной между *andres* и *paides* [17. Р. 58; 18. Р. 104–116]. Это давало организаторам возможность более внимательно подойти к атлетам юного возраста при распределении их в те или иные возрастные группы.

Возрастные категории атлетов на Панафинейских играх

Той же системы разделения атлетов на три возрастные группы придерживались и на Панафинейских играх (Phot. = Suda s.v. Panathenaia). В призовой панафинейской надписи сер. IV в. до н.э. (IG.II².2311) перечислены все три возрастные группы атлетов: сначала *paides*, потом *ageneioi*; третьими, видимо, шли *andres*, перечень состязаний и наград которых не сохранился, но был восстановлен позднее [20; ср.: 9. Р. 162]. Возможно, что три возрастные груп-

¹¹ На Пифийских играх сохранялись две возрастные группы атлетов до эпохи эллинизма.

пы атлетов могли быть на Панафинейских играх и до сер. IV в. до н.э. Так, Дж. Шер приводит в пример надпись 450–440 гг. до н.э., найденную недалеко от Саламина, с перечнем состязаний неизвестного нам афинского праздника, в которой также упоминаются три возрастные группы атлетов — *paides*, *ageneioi* и *andres* (IG I³ 1386) [6. P. 242].

На основе надписи сер. IV в. до н.э. (IG II² 2311) и панафинейских призовых амфор можно попытаться проследить историю формирования программы гимнастического агона для младших возрастных групп атлетов на Панафинейских играх. В надписи сер. IV в. до н.э. состязания для *paides* открываются коротким бегом (IG II² 2311. lin. 27). Дж. Шер отмечает, что в литературных источниках и в эпиграфике до 530 г. до н.э. нет данных о коротком беге на Панафинейских играх [6. P. 252], а в надписи сер. IV в. до н.э. нет упоминаний двойного бега и длинного бега как для *paides*, так и для *ageneioi*. Однако эти виды бега для младших возрастных групп атлетов упомянуты в панафинейских призовых надписях II–I вв. до н.э. (IG.II².2313.21,25; IG.II².2315.12,15). Ранние изображения на панафинейских призовых амфорах бега *paides* относятся к 530–520 гг. до н.э. (Mus. Naz., Vulci, 64220), длинного бега — к 440–435 гг. до н.э.; упоминания о двойном беге не встречаются до 198 г. до н.э. [6. P. 247–248]. Что касается конского бега, то в надписях II–I вв. до н.э. он упоминается только для *andres* (IG.II².2314.24; IG.II².2315.38; IG.II².2316.8). Интересна посвятельная надпись рубежа IV–III вв. до н.э. Герогейтона из Магнезии на Меандре, который прославился своими победами в беге среди *paides*. Он стал победителем в коротком беге на местных играх в Дельфах и Эфесе (ок. 300 г. до н.э.), а также в конском беге на Истмийских и на Панафинейских играх (SEG 14.459) [6. P. 247; 16. P. 81]. В посвящении бегуна Драконтоменеса, сына Гиерокла из Галикарнасса (сер. I в. до н.э.), упомянуто, что он «мальчиком» побеждал на многих панэллинских и местных играх, в том числе в длинном и конском беге на Панафинейских играх и на играх Асклепия в Эпидавре (SIG³ 1064). Но в отличие от Герогейтона, Драконтоменес успешно продолжал выступать в конском беге уже будучи *andres*, победив на Истмийских играх, Герях в Аргосе и на Асклепиях, тогда как о «взрослых» победах Герогейтона нет данных. В перечне побед Драконтоменеса нет упоминаний Олимпийских и Пифийских игр, но только потому, что конский бег не был включен в состав программы этих игр. Дж. Шер полагает, что так как оба атлета побеждали среди *paides* в конском беге на Панафинейских играх, то возможно, что в этом виде бега могли принимать участие как *andres*, так и *paides* в IV в. до н.э. [6. P. 247].

Ранние изображения пятиборья для *paides* на призовых панафинейских амфорах относятся к 500–480 гг. до н.э. (Brit. Mus., Lnd., B134; Mus. Vat., Rome, 374). На Олимпийских играх это состязание было исключено из программы для *paides*, но на Пифийских играх было с 586 г. до н.э. Раннее изображение мальчика-борца на панафинейских амфорах датируется ок. 520–510 гг. до н.э. (Mus. Nat. di Taranto, Taranto, 12220) [6. P. 277].

Возможно, что победители Панафинейских игр в борьбе среди *paides* упоминаются в эпиникиях Пиндара (2-я четв. V в. до н.э.)¹². Схолиасты Пиндара не указывают, что эти строки относятся к Панафинейцам; речь может идти о победах в Афинах на других праздниках — например, на Марафониях или на Гераклеях (Schol. Pind. Nem. IV.18–19; Schol. Pind. Ol. IX.88–90). Пиндар пишет о победе на Немейских играх борца Тимасарха Эгинского из рода Феандридов, которую тот одержал среди *paides*. Поэт перечисляет ранние победы Тимасарха, и среди них победу «в Афинах» (Pind. Nem. IV.19–21). Так как ода в честь немейской победы Тимасарха написана ок. 473 г. до н.э., когда Тимасарх выступал на Немейских играх как *paides*, то его афинская победа, возможно, могла быть датирована 474 г. до н.э. [6. Р. 258]. Победе Эфармоста из Опунта в борьбе на 78-й Олимпиаде (468 г. до н.э.) посвящена IX Олимпийская ода Пиндара. Эфармост, прославленный борец, периодоник, помимо Олимпийских игр побеждал на Пифийских играх (466 г. до н.э.), трижды — на Истмийских играх и дважды — на Немейских играх [16. Р. 60]. После перечня панэллинских побед Эфармоста Пиндар упоминает его победы на местных играх, среди которых — «детская» победа «в Афинах» (Pind. Ol. IX.88). Так как в Олимпии Эфармост победил как *andres* (Р. Оху. 222), то Дж. Шер предполагает, что его афинская «детская» победа, возможно на Панафинейцах, могла быть в 478 или 482 гг. до н.э. [6. Р. 258].

На панафинейских призовых амфорах IV в. до н.э. нет изображений мальчиков-борцов, но в надписи сер. IV в. до н.э. именно борьба открывает список единоборств у *paides* (IG.II².2311.33). Кроме того, стоит упомянуть посвящение богам на базе статуи афинянина Ксенокла, в котором речь идет о его победе на Великих Панафинейцах (ок. 350 г. до н.э.) в борьбе среди *paides* (IG.II².3131). Надпись сохранилась частично, и поэтому сложно сказать, победил Ксенокл в борьбе или в панкратионе¹³. Самые ранние изображения кулачного боя *paides* на панафинейских амфорах относятся ко 2-й четв. V в. до н.э. (ок. 475–460 гг. до н.э. — Mus. Arch. Naz. Naples, Stg. 693) и к 3-й четв. V в. до н.э. (440–430 гг. до н.э. — Mus. Nat. di Taranto, Taranto, 4601) [6. Р. 265]. В надписи сер. IV в. до н.э. кулачный бой для *paides* следует за борьбой (IG.II².2311.36). И завершается список единоборств для *paides* панкратионом (IG.II².2311.39). Что касается панафинейских амфор с изображением панкратиона, то Дж. Шер справедливо отмечает, что так как панкратион включал в себя элементы борьбы и кулачного боя, то его сложно точно идентифицировать, и нет точных примеров ваз, где можно было бы четко определить фигуру атлета как мальчика-панкратиаста [6. Р. 269]. Ксенофонт

¹² Так как их победы не были указаны как победы «на Панафинейцах», а только как победы «в Афинах».

¹³ Д. Кайл предполагает, что Автолик мог быть или борцом, или панкратиастом, тогда как Дж. Шер считает, что его победа относится к борьбе [7. Р. 209; 6. Р. 259].

упоминает о победе юного Автолика, сына Ликона, который принял участие в панкратионе на Панафинеях в юном возрасте — или как *paidēs*, или как *ageneioi* (Xen. Symp. I.2.8–9; ср.: Athen. 5.187f). Афиней добавляет, что влюбленный в Автолика Каллий III устроил пир в честь его победы, которую датирует годом архонтства Аристиона (421 г. до н.э.) (Athen. 5.187f). Однако победа Автолика вполне могла быть датирована и 422 г. до н.э. — годом Великих Панафинеих во время архонтства Алкея [7. P. 198; 6. P. 259; 16. P. 24]. Из известных афинских панкратиастов, победивших на Панафинеях, можно упомянуть Каллия, сына Дидима, первого афинского периодоника, олимпийщика 472 г. до н.э. (77-я Олимпиада) (IG.I².606). Среди панэллинских побед Каллия известны пять побед на Истмийских играх, четыре — на Немейских, две — на Пифийских, и одна — на Панафинеих играх. Хронология его побед нам неизвестна. Поскольку панкратион для *paidēs* на Олимпийских играх появился с 200 г. до н.э., то очевидно, что Каллий стал олимпийщиком среди *andres* (Paus. V.8.11). М. Голден полагает, что Каллий одержал свою панафинеийскую победу в младшей возрастной категории, что посвящения Каллия на Акрополе, возможно, были воздвигнуты в честь его побед *paidēs*, после его панафинеийской победы (IG.I².608; IG.I².174) [7. P. 202–203; 16. P. 30]. А.Е. Раубичек предположил, что «детская» победа Каллия могла датироваться 480 г. до н.э. [21. no. 21]. Дж. Шер, с учетом победы Автолика предполагает, что панкратион для *paidēs* мог быть на Панафинеях и до 422 г. до н.э. [6. P. 277–278]. В любом случае панкратион гораздо раньше был введен для *paidēs* на Панафинеих играх, чем на Олимпийских (200 гг. до н.э.) и Пифийских играх (346 гг. до н.э.).

Введение третьей возрастной группы атлетов (*ageneioi*) стало важной инновацией Панафинеих игр. Состязания для «безбородых» были добавлены в программу Панафинеих вскоре после 566 г. до н.э. Так, на некоторых панафинеийских амфорах ок. 520 г. до н.э. можно увидеть изображение безбородых юношей, состязающихся в коротком (или двойном) беге (Nation. Mus. Copenh., Chr. VIII 797 (99); Met. Mus. of Art, NY, 14.130.20; All. Pier. Mus., Amst., 1897). Длинный бег для *ageneioi* не упомянут в надписи сер. IV в. до н.э. Пятиборье для *ageneioi* вплоть до кон. VI в. до н.э. не упоминается ни в письменных, ни в эпиграфических источниках, и нет его изображений на панафинеийских амфорах. Возможно, что победителем в пентатлоне был Леагр, сын Главкона, посвящение двенадцати богам на афинской Агоре которого датируется кон. VI в. до н.э. (SEG. X.319). А.Е. Раубичек предполагал, что победа Леагра (возможно, на Панафинеях) могла быть одержана среди *ageneioi* [23. P. 160–164]. Возможно, что пятиборье для *ageneioi* могло быть введено между 500 и 480 гг. до н.э. Борьба «безбородых» изображена на панафинеийских вазах ок. 430–410 гг. до н.э. (Nat. Mus. Athens, 451)¹⁴. Для

¹⁴ К 430–420 гг. до н.э. относится изображение на панафинеийской амфоре борьбы мальчика или юноши (Mus. of Art., Baltimore, 1960, 55.3).

IV в. до н.э. нет изображений борцов *paides* или *ageneioi* в вазописи, но в надписи сер. IV в. до н.э. упоминается борьба для *ageneioi* (IG.II².2311.48). Ранее изображение кулачного боя «безбородых» на панафинейских призовых вазах относятся к кон. VI в. до н.э. (Mus. du Louvre, Paris, F278: Bentz 6.088), а также к ок. 430–420 гг. до н.э. (Univ. Mus., Univ. Of Mississippi, Oxf., 1977; 359); в надписи сер. IV в. до н.э. кулачный бой *ageneioi* следует за борьбой (IG.II².2311.51). Самое раннее изображение юноши панкратиаста на панафинейской амфоре относится к ок. 360 г. до н.э. (Nat. Mus. Athens, 20048); в надписи сер. IV в. до н.э. панкратион завершает программу *ageneioi* (IG II² 2311.53).

Награды атлетов младших возрастных групп на Панафинейских играх

Уникальность надписи сер. IV в. до н.э. состоит в том, что в ней перечислены награды Панафинейских игр для двух младших возрастных групп атлетов (*paides* и *ageneioi*) (IG.II².2311). Основной наградой на Панафинейских играх были призовые панафинейские амфоры, расписанные в чернофигурной технике (на лицевой стороне было изображена вооруженная Афина Промехос, на обратной стороне — состязания Панафинейских игр). Победители гимнического и конного агонев получали в награду панафинейские амфоры, наполненные оливковым маслом (*morai*) из священной рощи богини (Aristot. Ath. Pol. 60.1–3). Такая амфора могла вмещать ок. 36–38 л оливкового масла [5. Р. 135; 19. Р. 88]. Стоимость масла, например, в 30 амфорах была примерно такой же, как доход рабочего за целый год [17. Р. 61.] (см. статью) Ценность панафинейской амфоры состояла не только в ее стоимости, но и в сакральной символике Афин, т.е. победитель Панафинейских игр получал «благословение» самой богини (подобно священным венкам победителей панэллинских игр) [23. Р. 122].

В надписи сер. IV в. до н.э. список победителей и призеров Панафинейских игр в гимническом агоне начинается с состязаний *paides* (IG. II².2311.27). Самое большое количество призовых панафинейских амфор получил победитель короткого бега (50 амфор). Далее — 40 амфор у победителя в панкратионе, и по 30 амфор — у победителей в пятиборье, борьбе и кулачном бое. Что касается наград победителей *ageneioi*, то их награды были немного больше, чем у «мальчиков». Самой большой наградой *ageneioi* было 60 амфор у победителя короткого бега, далее — 50 амфор за победу в панкратионе, и по 40 амфор победителям в пятиборье, борьбе и кулачном бое. Принципиальной разницей между системой награждения на Олимпийских и Панафинейских играх было то, что на Панафинейских награду вручали также атлетам, занявшим второе место.

Однако их награды существенно уступали атлетам, занявшим первое место. Атлет, занявший второе место в коротком беге, среди *paides* получал всего лишь 10 амфор, в панкратионе — 8 амфор, а в пятиборье, борьбе и кулачном бое — по 6 амфор. Также и у *ageneioi* атлет, занявший второе место в беге получал всего лишь 12 амфор, в панкратионе — 10 амфор, а в пятиборье, борьбе и кулачном бое — по 8 амфор. Таким образом, атлеты, занявшие второе место, получали в пять раз меньше амфор, чем победители. Дж. Янг утверждал, что призы на местных играх, таких как Панафиней, позволяли юным атлетам использовать свои доходы для финансирования их дальнейшей карьеры [24. Р. 107]. Ему возражает М. Голден, который, соглашаясь с тем, что призы на Панафинейях были очень щедрые, подчеркивает, что далеко не все местные игры могли похвастаться таким «призовым фондом». Многие призы местных игр были гораздо скромнее, чем награды на Панафинейях [11. Р. 23–25].

Интересно, что на Панафинейских играх возрастные группы были введены не только для участников гимнического агона, в котором могли принять участие как афиняне, так и инополиты, но и для участников некоторых из «малых» агонов, в которых состязались только афиняне. 27 гекатомбеона в рамках Великих Панафиней проводилось состязание среди команд, которые исполняли военный танец пирриху, состоящий, по описанию Платона, из прыжков и движений с копьем и щитом (Plat. Leg. VII.815; ср.: Aristoph. Nub. 987–989). Дж. Шер предполагает, что пирриха входила в состав Панафинейских игр уже в к. VI в. до н.э. [6. Р. 325]. Так, изображение участников пиррихии на краснофигурном сосуде мастера Евфрония датируется ок. 520 г. до н.э. [25. Р. 236–237; 242–243; no. 58, pl. 7], а краснофигурная амфора мастера Эпиктета с изображением пиррихии датируется ок. 520–510 гг. до н.э. (ARV 273, 27 = Museo Vaticani, Rome, 506) [25. Р. 234–235, 239, no. 7]. Пирриха была командным соревнованием. Лисий отмечает, что участники пиррихии состязались хорами (Lys. XXI.1.4), для которых назначали хорега (Lys. XXI.1.4; IG.II².3025). Возможно, что пирриха была первым командным соревнованием Панафинейских игр, предназначенным только для афинян. Интересно отметить, что участники этого состязания также были разделены по возрастным группам. В кон. V в. до н.э. на Панафинейских играх проводили состязание команд пиррихов в двух старших возрастных группах — *ageneioi* и *andres* (Lys. XXI, 1; 4). В надписи сер. IV в. до н.э. упомянуты три возрастные группы пиррихов *paides*, *ageneioi* и *andres* (IG.II².2311.72–74). Для подготовки команды *andres* на Великих Панафинейях хорега тратил 800 драхм, а для команды *ageneioi* на Малых Панафинейях — 7 мин (Lys. XXI.1;4). Интересно, что команды-победители всех трех возрастов получали одинаковые призы — 100 драхм и быка (IG.II².2311.72–74).

Заключение

Популярность панэллинских праздников и сопутствующих им игр во многом способствовала развитию греческой атлетики. Атлеты имели возможность принимать участие как в крупных панэллинских играх, где наградой был священный веночек, но также могли участвовать в местных играх, где часто в качестве наград были ценные призы. И если в Олимпии или Дельфах все допущенные к Играм атлеты принимали участие в заявленных в программе агонах, то на местных играх могли быть выделены отдельные состязания как для членов полиса, устроителя Игр, так и для инополитов. Местные игры предоставляли «своим» атлетам больше возможностей как за счет более разнообразной программы, которая часто носила эклектичный характер, так и за счет особых, локальных агонов, где была «гарантирована» победа только согражданам. Увеличение притока атлетов на панэллинские и местные игры привело к появлению новых правил их организации — введение возрастных категорий атлетов. Были выработаны особые системы деления атлетов на две (*paides* и *ageneioi*) или три (*paides*, *ageneioi* и *andres*) возрастные категории. Для классического периода нам лучше всего известна программа Панафинейских игр в Афинах. Эти игры стали промежуточным звеном между панэллинскими и местными играми. Ценные призы, большой состав участников, сложная эклектичная программа — все это в программе Панафинейских игр создавалось в подражание Олимпийским и Пифийским играм. С другой стороны Панафинейские игры включали в себя и ряд состязаний, в которых могли принять участие только афинские атлеты. В выборе системы возрастных категорий атлетов Панафинейские придерживались системы, принятой на Истмийских и Немейских играх. Гимнический агон Панафинейских игр был разделен на три возрастные группы атлетов — *paides*, *ageneioi* и *andres*, программа которых сформировалась на рубеже VI–V вв. до н.э. В призовом панафинейском списке IV в. до н.э. сначала перечисляются награды атлетов младших возрастных групп *paides* и *ageneioi*. Награды *paides* и *ageneioi* не очень сильно отличаются от наград *andres*. Кроме того, в пиррихе, состязании, в котором принимали участие только афинские атлеты, все три категории участников получали одинаковые награды. Это показывает, что соревнование *paides* и *ageneioi* для Панафинейских игр были не менее важны, чем состязания взрослых атлетов.

Библиографический список / References

1. Гвоздева Т.Б. Эрихтоний или Тесей — кто основал Панафиней? // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2021а. Т. 13. № 3. 2021. С. 259–268.
Gvozdeva T.B. Jerihthonij ili Tesej — kto osnoval Panafinei? [Erichthonius or Theseus, who established the Panathenaea?]. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):259–268. (In Russ.).
2. Moretti L. *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma, 1957.
3. Hönle A. *Olympia in der Politik der griechischen Staatenwelt: Von 776 bis zum Ende des 5. Jahrhunderts*. Bebenhausen, 1972.

4. Romano DG. Athletic Festivals in the Northern Peloponnese and Central Greece. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Christesen P., Kyle DG., editors. Wiley Blackwell, 2014, p. 176–191.
5. Miller SG. *Ancient Greek Athletics*. New Haven; London, 2004.
6. Shear JL. *Polis and Panathenaia: the History and Development of Athena's Festival*. PhD. Ann Arbor, 2002.
7. Kyle DG. *Athletics in Ancient Athens*. Leiden, 1987.
8. Kyle DG. The Panathenaic Games: Sacred and Civil Athletics. *Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Greece*. Neils J. editor. Princeton, 1992, p. 77–101.
9. Kyle DG. Sport, Society, and Politics in Athens. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Christesen P., Kyle DG., editors. Wiley Blackwell, 2014, p. 159–175.
10. Weir RGA. *Roman Delphi and its Pythian Games*. PhD. Princeton, 1998.
11. Golden M. *Greek Sport and Social Status*. Austin, 2008.
12. Гвоздева Т.Б. Право участия в Великих Панафинейх // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина. СПб., 2021. С. 258–300.
Gvozdeva TB. Pravo uchastija v Velikih Panafinejah [The right to participate in the Great Panathenaia]. *Jekonomika, pravo, vlast' v drevnem mire. Posvjashhaetsja pamjati V.I. Kuzishhina*. St. Petersburg, 2021, p. 258–300. (In Russ.).
13. Гвоздева Т.Б. Женщины в спортивных играх Древней Греции // Современный юрист. М., 2018. №3 (24). С. 114–127.
Gvozdeva TB. Zhenshiny v sportivnyh igrakh Drevnej Grecii [Women in the sports games of Ancient Greece]. *Sovremennyj jurist*. M. 2018;3(24):114–127. (In Russ.).
14. Petermandl W. Growing Up with Greek Sport: Education and Athletics. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Christesen P., Kyle DG., editors. Wiley Blackwell. 2014, p. 236–245.
15. Crowther NB. Athlete and State: Qualifying for the Olympic Games in Ancient Greece. *Journal of Sport History*. 1996; 23(1):34–43.
16. Golden M. *Sport in the ancient world from A to Z*. Lnd., N.Y., 2004.
17. Golden M. *Children and Childhood in Classical Athens*. Baltimore, 2015.
18. Golden M. *Sport and Society in Ancient Greece*. Cambridge, 1998.
19. Petermandl W. Age-Categories in Greek Athletic Contests. *Nikephoros*. 2012, p. 85–93.
20. Shear JL. Prizes from Athens: The List of Panathenaic Prizes and the Sacred Oil. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2003;(142):87–108.
21. Raubitschek AE. *Dedications from the Athenian Akropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries B.C*. Cambridge, MA, 1938.
22. Raubitschek AE. Leagros. *Hesperia*. 1939;(8):160–164.
23. Kyle D. Gifts and Glory: Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes. *Worshipping Athena: Panathenaia and Parthenon*. Madison, 1996, p. 106–136.
24. Young DC. *The Olympic Myth of Greek Amateur Athletics*. Chicago: Ares, 1984.
25. Ceccarelli P. *La pirrica nell'antichità greco romano: Studi sulla danza armata*. Roma, 1998.

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0400-4589

Information about the author:

Gvozdeva Tatiana Borisovna — PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0400-4589

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-257-266

Научная статья / Research article

Зарождение «культы звезд» игры в мяч в эллинистических Афинах

И.Н. Коровчинский

Московский государственный областной университет
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
 korin3@yandex.ru

Аннотация. В наше время игры в мяч являются наиболее популярными из видов спорта, в т. ч. в России. Тем досаднее, что в российском антиковедении практически не отражены их древнегреческие истоки. Эта статья призвана восполнить данный пробел. Особый интерес представляет греческая игра в мяч в период эллинизма, когда ее значение для греков значительно возросло. Цитируемый Афинеем фрагмент комедиографа III в. до н. э. Дамоксена, традиционно понимаемый как посвященный гомосексуальным чувствам, реинтерпретирован нами как отражающий восторг афинских болельщиков перед мастерством игрока в мяч. Данный восторг, впрочем, изображен комедиографом в карикатурно-гиперболизированном виде, чем как раз и вызвано его внешнее сходство с эротической страстью. С фрагментом Дамоксена сопоставляется упоминание Афинеем значительных почестей (вплоть до дарования гражданства), оказанных Афинами Аристоннику, тренеру Александра Великого по игре в мяч. Данные почести отражены также в сохранившемся (впрочем, плохо) тексте афинского декрета в честь Аристонника. Популярность талантливых игроков в мяч в эллинистических Афинах связана с тем, что в эпоху эллинизма общегреческую популярность приобрела идея о пользе игры в мяч для тренировки воинов. Однако продолжали существовать консерваторы, считавшие игру в мяч, как и в классический период, не более чем забавой, преимущественно детской, с чем и может быть связано высмеивание Дамоксеном восторга перед талантом игрока в мяч.

Ключевые слова: история спорта, игра в мяч, эллинизм, Афины, Афиной, новоаттическая комедия, почетный декрет

История статьи: Поступила в редакцию: 06.04.2022. Принята к публикации: 04.05.2022.

Для цитирования: Коровчинский И.Н. Зарождение «культы звезд» игры в мяч в эллинистических Афинах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 257–266. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-257-266>

© Коровчинский И.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Inception of the ‘cult’ of ball game ‘stars’ in Hellenistic Athenes

I.N. Korovchinskiy

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy St, Moscow Region, city of Mytishi, Russia, 141014

 korin3@yandex.ru

Abstract. Nowadays ball games are the most popular types of sport in the world including Russia. This fact contrasts sharply with the almost total absence of research in the field of ancient Greek ball games in Russian historical science. The aim of this article is to fill that gap at least on a small scale. The history of Greek ball games in the Hellenistic period is especially interesting because of the rise of their significance at that time. The method of historicism and the comparative method are applied in this article. The most important sources for our article are the fragments of Athenaios’ *Deipnosophistai* (I, 26, 34) related to playing ball in Hellenistic times. We reconsidered the fragment by Damoxenus, the 3rd century BC writer of comedies, quoted by Athenaeus and usually interpreted as devoted to homosexual feelings. In our view it rather reflects a rapture of Athenian fans over a ball-player’s skill. However, the dramatist hyperbolizes this rapture in order to make it more comical. We correlate this fragment of Damoxenus with Athenaeus’ mention of significant honors (including granting of citizenship) given by Athenes to Aristonicus, Alexander the Great’s coach in ball games. Those honors are also reflected in the extant Athenian decree honoring Aristonicus. The talented ball-players became popular in the Hellenistic period possibly because at that time popularity was won by the idea that playing ball is useful for the military training. However conservators, continuing to regard ball games as mere entertainment (as it had been typical in the Classical period) could probably still exist, and Damoxenus’ mockery at the rapture over talent in ball game may reflect their views.

Keywords: history of sport, playing ball, Hellenism, Athenes, Athenaios, Greek New Comedy, decree of honor

Article history: Received: 06.04.2021. Accepted: 04.05.2022.

For citation: Korovchinskiy I.N. Inception of the ‘cult’ of ball game ‘stars’ in Hellenistic Athenes. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):257–266. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-257-266>

Введение

В наше время футбол является, несомненно, наиболее популярным видом спорта в мире в целом и в России в частности. Другие виды спорта с мячом — волейбол, баскетбол — также популярны. Есть свои поклонники у гандбола, водного поло, хоккея с мячом. В ряде стран очень популярны также регби, американский футбол. В целом можно сказать, что именно спорт с мячом наиболее популярен в наше время в мире и в России.

Античная история и культура также традиционно, по крайней мере со времен Петра I, вызывают значительный интерес в России. Тем более досадно и странно выглядит тот факт, что до сих пор внимание отечественной

науки практически не привлекала история игры в мяч в античном мире, хотя речь идет по существу о древнейших корнях современных европейских игр с мячом. Особый интерес представляет игра в мяч в период эллинизма, когда ее популярность в Греции заметно возросла.

Фрагмент 3 Дамоксена

Прежде всего мы предлагаем рассмотреть любопытный фрагмент аттического комедиографа III в. до н. э. Дамоксена¹ (fr. 3), сохранившийся в «Пирующих мудрецах» (I, 26):

Νεανίας τις ἐσφαίριζεν εἰς
ἐτῶν ἴσως < ἑκκαίδεκ' ἤ > ἑπτακαίδεκα,
Κῶρος. Θεοὺς γὰρ φαίνεθ' ὁ νῆσος φέρειν.
Ὅς ἐπεὶ ποτ' ἐμβλέψειε τοῖς καθημένοις,
ἢ λάμβανων τὴν σφαίραν, ἢ διδοῦς, ἅμα
πάντες ἐβοῶμεν:
' Ἡ δ' εὐρυθμία, τὸ δ' ἦθος, ἢ τάξις δ' ὄση.'
' Ἐν τῷ τι πράττειν ἢ λέγειν ἐφαίνετο
τερὰς τι κάλλους, ἄνδρες. Οὐτ' ἀκήκοα
ἔμπροσθεν οὐθ' ἑώρακα τοιαύτην χάριν.
Κακὸν ἂν τι μεῖζον ἔλαβον, εἰ πλείω χρόνον
ἔμεινα. Καὶ νῦν δ' οὐχ ὑγιαίνειν μοι δοκῶ².

Приведем выполненный нами подстрочный (в целях точности) перевод:

«Тут играл в мяч один юноша
Лет примерно <шестнадцати или> семнадцати,
Уроженец Коса. Видно, этот остров порождает богов.
Когда бы он ни смотрел в сторону зрителей (досл.: сидящих),
Принимая мяч или отдавая, одновременно
Мы все громко кричали:
«Какая ритмичность³, какой характер, какая плановность (в игре)!»
Во всем, что бы он ни делал и ни говорил, он казался
Каким-то чудом красоты, о мужи. Я не слышал
Раньше и не видал чего-либо столь же красивого.
Как бы я не почувствовал себя хуже, если бы дольше
Это продолжалось. И до сих пор мне кажется, что я не пришел в себя».

Столь бурное выражение чувств по поводу «неслыханной красоты», связанной с юношей, на первый взгляд, можно истолковать как проявление эротической страсти. Ничто в оригинальном тексте данного фрагмента не указывает

¹ См. об этом авторе: [1].

² Греческий текст Афинейя здесь и далее приводится по Thesaurus Linguae Graecae.

³ О ритмичности (εὐρυθμία) как важном качестве для древнегреческого игрока в мяч см.: [2. P. 266–267].

четко на то, что персонажем, от имени которого произносится данный текст в комедии, не является женщина⁴. Даже обращение к «мужам» (ἄνδρες) этому не противоречит. Женщины в Древней Греции допускались в качестве зрителей на большинство спортивных соревнований [3. С. 4–5]. Кроме того, хорошо известно, что гомосексуальность также чаще всего не считалась в Древней Греции аморальным явлением, и сколь угодно сильные гомосексуальные чувства могли выражаться там вполне открыто, в т. ч. в литературных произведениях. Классическим примером является 14-й фрагмент Анакреонта:

«Клебула, Клебула я люблю,
К Клебулу я как бешеный лечу,
Клебула я глазами проглочу»⁵.

Рассматриваемый нами фрагмент Дамоксена включен в сборник переводов источников «Гомосексуальность в Греции и Риме», изданный Университетом Калифорнии [4. Р. 116]. Дж. Дэвидсон, по-видимому, также предлагает истолковывать данный фрагмент именно в гомосексуальном ключе, предлагая сравнить эротические мотивы Анакреонта с «действием, которое играющий в мяч юноша оказывает на Дамоксена» [5. Р. 135]. Прежде всего, однако, стоит заметить, что в приведенном отрывке речь идет, конечно, о чувствах не самого Дамоксена (автора комедии), а его персонажа. Но еще более существенно то, что, на наш взгляд, эти чувства все же носят не эротический, а иной характер. Примечательно, что персонаж, которому принадлежит реплика, в этих чувствах далеко не одинок. При виде игры юноши все зрители одновременно кричат от восторга (ἄμα πάντες ἐβόωνεν). Трудно предположить, что даже в обществе, где «легализован» гомосексуализм, все люди, видящие конкретного человека, могут одновременно вспылать к нему столь сильной эротической страстью, чтобы начать из-за нее кричать. Вообще греческий этос предполагал определенную сдержанность и стыдливость в выражении эротических чувств, в т. ч. гомосексуальных. Характерно, что в древнегреческой любовной лирике мотив криков на публике из-за любви, насколько нам известно, отсутствует. Так не было принято себя вести, даже если ты страстно влюблен. Крики же зрителей у Дамоксена больше похожи на проявление чувств не влюбленных, а ярых спортивных болельщиков, восхищенных игрой атлета.

Далее, в приведенном фрагменте нет ни слова о внешности юноши, что было бы странно, если бы речь шла об эротике. Он «казался каким-то чудом красоты» (ἐφαίνετο τεράς τι κάλλους) не в плане внешности, а в плане того, что он «делал или говорил» (ἐν τῷ τι πράττειν ἢ λέγειν). Зрители громко восторгаются также не внешностью молодого человека, а его εὐρυθμία, ἦθος и τάξις.

⁴ Как известно, в древнегреческом языке, в отличие от русского, по родам изменяются только отглагольные имена (причастия и т. п.), но не сами глаголы. Например, форму ἀκίκοα (перфект глагола ἀκούω), которую мы перевели как «я слышал», вполне можно перевести и как «я слышала».

⁵ Перевод Я. Голосовкера.

У этих слов в той форме, в которой они приведены Дамоксеном, нет значений, которые можно было бы без дополнительных пояснений отнести к внешности. Речь идет скорее о качествах, проявляемых подростком как атлетом в ходе игры. Итак, юноша с Коса вызывает восторг и прекрасен не внешне, а своим мастерством в игре в мяч⁶.

Явно преувеличенный характер переживаний героя комедии по поводу мастерства атлета можно отнести за счет того, что перед нами отрывок из комедии, возможно, как раз высмеивающий чрезмерное преклонение болельщиков перед их кумирами. Стоит вспомнить похожий отрывок из «Лягушек» Аристофана (52–67), в котором преклонение поклонника перед талантом драматурга (Еврипида) комически сближается не только с эротической, но и с «гастрономической» страстью:

Д и о н и с

И вот, когда читал я «Андромеду»
На корабле, мне вдруг внезапно страсть
Запала в сердце, знаешь ли, какая

Г е р а к л

Большая страсть

Д и о н и с

С Молона ростом будет.

Г е р а к л

Страсть к женщине

Д и о н и с

Нет.

Г е р а к л

К мальчику

Д и о н и с

Да нет!

Г е р а к л

К мужчине

Д и о н и с

⁶ Ср. с современным жаргоном спортивных болельщиков, называющих мастерски сыгравшего спортсмена «красавцем», «красавчиком» или «красавой». Существуют даже «официальные» производные от этого жаргонизма: тематический мяч, спроектированный и изготовленный компанией Adidas для Чемпионата мира по футболу 2018 г. в России, носит официальное название *Krasava* [6], в России существует футбольный клуб «Красава» [7].

Ой-ой-ой!

Г е р а к л

Ты спал с Клисфеном

Д и о н и с

Не смейся, брат! Мне очень тяжело,
Тоска такая мне терзает сердце...

Г е р а к л

Какая же, братишка

Д и о н и с

Не могу сказать. Пожалуй, объясню сравнением.
Когда-нибудь ты жаждал страшно каши

Г е р а к л

Конечно, в жизни десять тысяч раз!

Д и о н и с

Так понял ты? Иль объяснить иначе

Г е р а к л

Про кашу? Нет, я сразу понял все!

Д и о н и с

Такая же грызет меня тоска
По Еврипиду⁷.

В ходе дальнейшего действия «Лягушек», как известно, оказывается, что на самом деле «страсть» Диониса к уже состарившемуся и умершему Еврипиду имела не большее отношение к гомозротике, чем к людоедскому желанию съесть драматурга. Речь именно о преклонении перед литературным талантом, хотя оно и высмеяно комедиографом, лично не жаловавшим творчество Еврипида, с помощью комических сравнений и гипербол.

Персонаж Дамоксена доходит до того, что намекает даже на божественность описываемого им юноши, добавляя к словам о косском происхождении последнего: «Видно, этот остров порождает богов» (Θεοὺς γὰρ φαίνεθ' ὁ νῆσος φέρειν). Для эпохи эллинизма, как известно, было характерно обожествление людей. Главным примером служат цари, но известен случай 267 г. до н.э. в Малой Азии, когда крестьяне предложили принести жертвы крупному землевладельцу и двум его агентам как богам за то, что те выкупили пленных у кельтов [8. С. 240, прим. 150]. В комедии «Погонщик ослов» новоаттического комедиогра-

⁷ Перевод Ю. Шульца.

фа Демофила, переделанной Плавтом в дошедшую до нас комедию «Ослы» (*Asinia*), юноша соглашается принести своим рабам жертвы как богам, за то, что те помогли ему вернуть любовь гетеры (Plaut., *Asin.*, 10–12, 712 и сл.) [там же; 9. P. 49]. Из этого следует, что в эллинистическом мире было возможно обожевление не только правителей, но и людей более низкого положения за какие-либо заслуги, и что комедиографы того времени эксплуатировали эту тему, стремясь ее высмеять. Вполне возможно, что и Дамоксен так же, как и Демофил, высмеивает характерную для его времени тенденцию к обожевлению людей, создав персонажа, готового признать богом подростка за спортивный талант.

Персонаж, умудрившийся за всю жизнь (притом проведенную, вероятнее всего, в Афинах, полных шедевров искусства) не заметить ничего более красивого, чем игра в мяч подростка шестнадцати-семнадцати лет, «чуть не заболевший» от восторга перед ней и объявивший этого подростка богом, несомненно, комичен. Однако этот комизм едва ли возник на пустом месте. Рассматриваемый отрывок вполне может свидетельствовать о том, что в III в. до н. э. в Греции (и, вероятнее всего, коль скоро речь идет о произведении аттического комедиографа, конкретно в Афинах) действительно имелись ярые поклонники игры в мяч, готовые преклоняться даже перед ее совсем юными «звездами», и это явление было настолько распространенным, что комедиограф счел нужным его высмеять как отрицательное общественное явление. Едва ли предметом насмешки в комедии стало бы какое-то редкостное и маргинальное чудачество, свойственное немногим и не «заразительное» для общества. «Бич сатиры» всегда обрушивается на то, что заметно и существенно. Конкретно Дамоксен, несомненно, «держал руку на пульсе» тенденций общественной жизни его времени, о чем говорит самый крупный и знаменитый его фрагмент (fr. 2) — монолог повара, презирающего всех, кто не придерживается философии Демокрита и Эпикура [1]. Мода на Эпикура — несомненно, весьма актуальное явление для Афин и Греции вообще в период раннего эллинизма.

Отсюда следует, что в 3-м фрагменте Дамоксена описано не что иное, как далекий прототип столь характерного для нашего времени преклонения болельщиков перед талантливыми игроками в футбол и другие игры с мячом.

Аристоник Каристиец

В связи с только что сказанным можно вспомнить другое место из «Пирующих мудрецов» Афиней (I, 34): *Ἀριστόνικον τὸν Καρύστιον, τὸν Ἀλεξάνδρου σφαιριστὴν, Ἀθηναῖοι πολίτην ἐλοίψαντο διὰ τὴν τέχνην καὶ ἀνδριάντα ἀνέστησαν* — «Афиняне даровали гражданство и поставили статую каристийцу Аристонику, тренеру Александра по игре в мяч, за его мастерство»⁸. Этот фрагмент опять подтверждает, что игра в мяч в период раннего эллинизма ценилась

⁸ Перевод автора. Каристиец — уроженец Кариста, города на юге о. Эвбея.

афинянами чрезвычайно высоко, так что за мастерство в ней можно было удостоиться увековечения в виде статуи и даже полисного гражданства.

До нас дошел даже непосредственно текст афинского почетного декрета в честь Аристоники (SEG 21:341). Увы, сохранность его чрезвычайно плоха. Достаточно сказать, что в декрете было 18 строк, т. е. он был достаточно объемным, но полностью сохранившихся слов в нем всего 4 (ὄτι, ἀπό, τοῖς и ἀεὶ). Нетрудно заметить, что все это вспомогательные слова (местоимение, предлог, артикль и наречие). Правда, несмотря на это, издатели предложили реконструкцию полного текста декрета. Из этой реконструкции следует, что, помимо почестей, упомянутых Афинеем, Аристоник удостоился еще целого ряда других, вплоть до знаменитого обеда в пританее за государственный счет. Если эта реконструкция верна, то получается, что уже в конце IV в. до н. э. престиж мастеров игры в мяч в Афинах был огромен. Правда, применительно к Аристонику данный престиж еще можно объяснить тем, что тот не просто мастерски играл в мяч, но и был приближен к самому Александру Великому. Но фрагмент Дамоксена показывает, что, во всяком случае, уже в III в. до н. э. афиняне если не на государственном, то на личном уровне могли очень высоко ставить просто мастеров игры в мяч, независимо от наличия или отсутствия у тех связей с выдающимися политиками.

Причины популярности игры в мяч в эллинистических Афинах

Л. О'Салливан в своей работе «Игра в мяч в Древней Греции» обращает внимание на то, что в архаический и ранний классический период во всех полисах, кроме Спарты, игра в мяч, хотя и существовала и была популярна, воспринималась как забава, преимущественно детская [10. Р. 19–20]. Только спартанцы придавали ей серьезное значение как средству военной подготовки [10. Р. 22–28]. Возможно, не без влияния успехов Спарты, особенно ее победы в Пелопоннесской войне, в IV в. до н. э. игре в мяч начинают придавать значение и в других государствах греческой культуры. Платон (являвшийся, как известно, афинянином) в «Законах» (830e) рекомендовал σφαίρομαχεῖν (дословно «сражаться мячами») в целях военной тренировки [10. Р. 27]. Александр Великий также активно играл в мяч до конца жизни [10. Р. 22]⁹. Вполне вероятно, как указывает Л. О'Салливан, что и он тратил время на эту игру не случайно, а именно с целью развития и поддержания воинских качеств в себе и своем окружении [10. Р. 33]. Об Антигоне Монофталме Плутарх (Reg. et imp. arorphth., 182a) сообщает, что он поощрял игру в мяч среди своих воинов. Если же именно он тот Антигон, о котором как о любителе игры в мяч пишет Афинея (Deipn., I, 26), то этот диадокх и сам был не чужд данной игре

⁹ Из источников помимо вышеприведенного указания Афинея см. Plut., Alex., 39, 73.

[10, р. 22]. Как известно, Антигон Монофтальм был весьма успешен в войнах в Греции и, в частности, вместе с сыном, Деметрием Полиоркетом, освободил Афины от власти Деметрия Фалерского. В связи с этим его пример наверняка был особо значимым для афинян.

Как полагает Л. О’Салливан, именно военные успехи тех, кто активно практиковал игру в мяч — сначала спартанцев, а затем Александра и Антигона — послужили причиной роста популярности игры в мяч в Греции в период эллинизма. Именно в этот период начали появляться даже специальные помещения для нее — сферистерии. По сути, игра в мяч начала рассматриваться тогда как средство военной подготовки [10. Р. 32–33].

Мы со своей стороны добавим, что именно этим могло быть вызвано и бурное восхищение талантливыми подростками — игроками в мяч, в которых начали видеть будущих отличных воинов. Но это новое отношение к игре в мяч могло натолкнуться на неприятие и иронию со стороны более консервативной части афинян, продолжавших по старинке видеть в такой игре не более чем забаву, преимущественно детскую. Именно точку зрения таких консерваторов и мог отразить в своей комедии Дамоксен, представивший восхищение яркой игрой в мяч как нечто чрезмерное, нелепое и больше всего похожее на слепую любовную страсть — только, в отличие от обычной любовной страсти, «коллективную». Можно вспомнить в качестве аналогии высмеивание Аристофаном Еврипида и Сократа — новаторов греческой культуры, не понятых консервативным большинством афинян.

Заключение

Итогом нашего исследования можно считать вывод о том, что люди, проявившие талант в игре в мяч в качестве игроков или тренеров, были в эллинистических Афинах конца IV — III вв. до н. э. объектами почета и восхищения, иногда сопоставимых с современным «культом звезд» игр с мячом. Причиной этого было то, что в эллинистический период в Греции распространился взгляд на игру в мяч как на хорошее средство военной подготовки. С другой стороны, часть населения Афин того времени продолжала, как и в классический период, считать игру в мяч не более чем развлечением, преимущественно детским, и воспринимала восхищение игроками в мяч с насмешкой.

Библиографический список

1. *Nesselrath H.-G.* Damoxenus // Brill’s New Pauly. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1574-9347_bnp_e310600 (дата обращения: 30.03.2022).
2. *Carter M.* A Doctor Secutorum and the Retiarius Draukos from Corinth // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1999. Bd. 126. P. 262–268.

3. Гвоздева Т.Б. Женщины в спортивных играх Древней Греции // Современный юрист. 2018. №3. URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2019/04/Гвоздева.pdf> (дата обращения 29.03.2022).
4. *Homosexuality in Greece and Rome: A Sourcebook of Basic Documents*. Ed. Th. Hubbard. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 2003.
5. Davidson J.F. Anacreon, Homer and the Young Woman from Lesbos // *Mnemosyne*. 4th series. 1987. Vol. 40. Fasc. 1/2 . P. 132–137.
6. Официальный мяч Кубка Конфедераций — adidas Krasava. URL: <https://stoneforest.ru/sport/tournaments/adidas-krasava/> (дата обращения 4.04.2022).
7. Welcome to Krasava Football Club. URL: <https://www.fckrasava.com> (дата обращения 4.04.2022).
8. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
9. Telò M. Roman Comedy and the Poetics of Adaptation. *The Cambridge Companion to Roman Comedy*. Ed. Dinter M. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. P. 47–64.
10. O'Sullivan L. Playing Ball in Greek Antiquity // *Greece and Rome*. 2nd series. 2012. Vol. 59. №1. P. 17–33.

References

1. Nesselrath H.G. Damoxenus. *Brill's New Pauly*. Available from: http://dx.doi.org/10.1163/1574-9347_bnp_e310600 [Accessed: 30.03.2022]
2. Carter M. A Doctor Secutorum and the Retiarius Draukos from Corinth. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1999; (126):262–268.
3. Gvozdeva TB. Zhenshchiny v sportivnykh igrakh Drevnei Gretsii [Women in Sports in Ancient Greece]. *Sovremennyi yurist*. 2018; (3). Available from: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2019/04/Гвоздева.pdf> [Accessed: 29.03.2022].
4. *Homosexuality in Greece and Rome: A Sourcebook of Basic Documents*. Ed. Th. Hubbard. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 2003.
5. Davidson JF. Anacreon, Homer and the Young Woman from Lesbos. *Mnemosyne*. 4th series. 1987; (40):132–137.
6. Ofitsial'nyi myach Kubka Konfederatsii — adidas Krasava. (Official ball of the Confederations Cup — adidas Krasava). Available from: <https://stoneforest.ru/sport/tournaments/adidas-krasava/> [Accessed:4.04.2022].
7. Welcome to Krasava Football Club. Available from: <https://www.fckrasava.com> [Accessed:4.04.2022].
8. Bikerman E. *Institutions des Séleucides* (Russian translation). Moscow, 1985.
9. Telò M. Roman Comedy and the Poetics of Adaptation. *The Cambridge Companion to Roman Comedy*. Ed. Dinter M. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. P. 47–64.
10. O'Sullivan L. Playing Ball in Greek Antiquity. *Greece and Rome*. 2nd series. 2012; (59):17–33.

Информация об авторе:

Коровчинский Иван Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета, Москва, e-mail: korin3@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2179-7330

Information about the author:

Korovchinskiy Ivan Nikolayevich — PhD in History; Associate Professor of the Department of World History, Archaeology and Methodology of Historical Science; Faculty of History, Political Science and Law; Moscow Region State University; e-mail: korin3@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2179-7330

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-267-279

Научная статья / Research article

Спортивная жизнь провинциальных городов Восточной Римской империи в IV–VI веках

В.В. Хапаев¹ ✉, А.М. Глушич²

¹Севастопольский государственный университет
299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33
✉ khapaev007@mail.ru

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
✉ barny.g@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению спортивной жизни провинциальных городов Византийской империи в IV–VI веках. На основании письменных и вещественных источников доказано, что спортивная жизнь империи в ранневизантийский период не ограничивалась Большим ипподромом Константинополя. Показано, что во всех крупных городах империи действовали ипподромы, на которых проводились состязания по самому популярному виду спорта — гонкам на колесницах. Этот вид спорта был также важным «социальным лифтом», способом трудовой миграции из провинции в столицу для талантливых возничих и танцоров. Спортивные игры по олимпийской программе, закат которых ранее было принято связывать с концом IV — началом V века, на самом деле продолжали проводиться в Антиохии вплоть до начала VI века, что делает этот город последним хранителем традиций олимпизма в раннем средневековье. Отмечена большая историческая роль провинциальных «отделений» цирковых партий, и как мощных политико-экономических институтов, и зачинщиков социальных волнений общеимперского масштаба. Изучен уникальный прецедент применения спортивных соревнований в провинциальной Апамее персидским шахом Хосровом I в качестве военно-политического инструмента для утверждения преимущества над Юстинианом I. Сделан вывод, что спорт в провинциальных городах пришел в упадок в начале VII века в силу тяжелого военного и экономического положения империи. В период Македонского ренессанса зрелищный спорт в провинциях не восстановился.

Ключевые слова: Византия, спорт, ипподром, Олимпийские игры, партии цирка, Антиохия, Апамея

© Хапаев В.В., Глушич А.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: Поступила в редакцию: 08.04.2022. Принята к публикации: 28.04.2022.

Для цитирования: Хапаев В.В., Глушич А.М. Спортивная жизнь провинциальных городов Восточной Римской империи в IV–VI веках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 267–279. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-267-279>

Sports life in the provincial cities of the Eastern Roman Empire in the 4th-6th centuries

V. V. Khapaev¹ ✉, A.M. Glushich²

¹Sevastopol State University
33, *Universitetskaya St, Sevastopol, Russia, 299053*
✉ khapaev007@mail.ru

²National Research University Higher School of Economics
21/4, *Staraya Basmannaya St, Moscow, Russia, 105066*
✉ barny.g@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the sports life of provincial cities of the Byzantine Empire in the IV–VI centuries. Based on written and material sources it is proved that the sports life of the empire in the early Byzantine period was not limited to the Great Hippodrome of Constantinople. It is shown that hippodromes operated in all major cities of the empire, where competitions were held in the most popular sport — chariot racing. This sport was also an important “social elevator”, a way of labor migration from the province to the capital for talented charioteers and dancers. Sports games according to the Olympic program, the decline of which was previously associated with the end of the IV — beginning of the V century, in fact, continued to be held in Antioch until the beginning of the VI century, which makes this city the last keeper of the traditions of Olympism in the early Middle Ages. The great historical role of provincial “branches” of circus parties, both as powerful political and economic institutions and instigators of social unrest on a pan-imperial scale is noted. The unique precedent of the use of sports competitions in provincial Apamea by the Persian Shah Khosrow I as a military-political tool to assert an advantage over Justinian I has been studied. It is concluded that sports in provincial cities fell into decline at the beginning of the VII century due to the difficult military and economic situation of the empire. During the Macedonian Renaissance spectator sports in the provinces did not recover.

Keywords: Byzantium, sports, hippodrome, Olympic Games, circus parties, Antioch, Apamea

Article history: Received: 08.04.2021. Accepted: 28.04.2022.

For citation: Khapaev VV, Glushich AM. Sports life in the provincial cities of the Eastern Roman Empire in the 4th-6th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):267–279. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-267-279>

Введение

Спортивная жизнь римлян позднеримского и ранневизантийского периодов изучена в историографии крайне недостаточно. Распространение христианства, превращение его в 380 г. в единственную официальную религию, запрет Олимпийских игр и гладиаторских боев [1. Р. 50] порой воспринимаются как запрет зрелищного спорта в целом. В связи с этим интерес в историографии к спортивной стороне жизни римлян на стыке поздней античности и раннего средневековья невелик и сконцентрирован в основном на изучении спортивной жизни новой столицы империи — города Новый Рим, за которым в народе закрепилось название Константинополь. При этом отечественные исследователи уделяли основное внимание политической сущности столичных цирковых партий [2–5]. Зарубежные ученые сосредоточились в основном на изучении соревновательных аспектов [6–9]. Авторы настоящей статьи постарались устранить этот перекося, опубликовав ряд исследований именно о спортивной составляющей позднеримских и ранневизантийских соревновательных практик [10–11]. В частности, нами была изучена география спортивной инфраструктуры Восточной Римской империи, составлена и опубликована ее карта [12].

Однако детальный анализ функционирования спортсооружений провинциальных городов империи предпринят в настоящей статье впервые. Данные письменных источников и (в меньшей степени) археологии позволяют это сделать. Остатки позднеантичных спортсооружений обнаружены во многих городах империи (см. ниже). Сведения о спортивной жизни восточноримских городов в позднеантичный период можно почерпнуть из сочинений Либания [13], Иоанна Мосха [14], Иоанна Малалы [15], Прокопия Кесарийского [16].

Провинциальные ипподромы

За пределами Константинополя и городской округи в позднеантичный и ранневизантийский периоды действовало множество спортивных сооружений, в первую очередь ипподромов. Известны такие сооружения в двадцати двух городах: Александрии, Фессалониках, Антиохии, Лептис Магне, Диррахии, Никомедии, Эдессе, Лаодикии, Апамее, Тире, Халкедоне и Оксиринхе [8. Р. 37], Кесарии Палестинской, Приене, Эмесе, Гелиополе, Эфесе, Кизике, Стратоникее, Газе, Дамаске и Магнисию [17. Р. 395].

Правом на проведение конных ристаний городские общины «по умолчанию» не обладали — город должен был получить на это высочайшее соизволение. Например, Иоанн Малала сообщает, что император Юстин I (518–527) около 520 г. своим указом разрешил состязания жителям сирийского города Селевкия Пиерия (ближайшего к Антиохии порта) и жившему к северо-

западу от него народу исавров [15. С. 111]. Вероятно, право на царственное зрелище нужно было заслужить.

Провинциальные ипподромы обычно уступали в размерах столичному Большому ипподрому: если длина их примерно совпадала (около 450 м) в силу необходимости сделать трек стандартной протяженности, то ширина зачастую была примерно в два раза меньше (ок. 70 м), вероятно, за счет значительно меньшей вместительности трибун. Строились такие ипподромы в среднем около пяти лет [17. Р. 395].

Больше всего сведений мы имеем о спортивной жизни одного из крупнейших городов империи — Антиохии. Там, подобно Константинополю, существовало несколько спортсооружений для разных нужд. Ритор IV в. Либаний (наставник Иоанна Златоуста) писал об этом так: *«Кто бы в состоянии был вместить в своем рассказе другие виды театров, одни, устроенные для борцов, другие — для борьбы людей со зверями, все среди города, не вынуждающие перед удовольствием испытывать тяготу долгого пути к ним?»* [13. Т. 2. С. 387]. Несмотря на ряд законодательных запретов относительно бестиарных состязаний на деле бои людей с дикими зверями можно было наблюдать в Константинополе даже в середине VI в. [18. № 105], что позволяет предположить это и для Антиохии. Главный ипподром Антиохии был перестроен и расширен в IV веке, а в конце V в. был построен новый, рядом с резиденцией наместника [19. С. 228]. Видимо, это было подражанием Константинополю, где Большой ипподром непосредственно примыкал к Большому императорскому дворцу. Очевидно, обеспечение городов площадками для зрелищ стало одной из важных задач местных властей.

Антиохия — последний оплот традиций олимпизма

Антиохия, вероятно, была последним оплотом олимпийских традиций. Сами игры в Олимпии предположительно были запрещены эдиктом Феодосия I в 393 году, так как посвящались языческому богу Зевсу. И хотя уже в 399 г. вышел эдикт императора Аркадия, в котором утверждалось, что нельзя лишать народ всех тех праздников, к которым они привыкли. Поэтому традиционные фестивали и игры могут продолжаться, но без жестокости, убийств и жертвоприношений, присущих им ранее [1. Р. 54–55]. Но масштабные состязания по олимпийским видам спорта сохранились только в Дельфах (до середины V века, по мнению ирландского византиниста Дж.Б. Бьюри [1. Р. 56]), а также в Антиохии и ее окрестностях.

Иоанн Малала указывает, что Антиох Кузон (префект Константинополя при Феодосии II) предоставлял средства на конные ристания в Антиохии и на олимпийские празднества [15. С. 69]. Есть сведения и о гораздо более позд-

нем проведении соревнований по олимпийской программе. Иоанн Малала сообщает, что в 507 г. *«традиционное празднование Олимпийских игр состоялось в привычном виде в антиохийской Дафне»* [15. С. 99]. Одноименные пелопонесским Олимпиадам игры проводились в Антиохии с 212 г. н.э. За это время сменилось 77 алитархов (распорядителей игр) [20. С. 52–53]. Официально антиохийские олимпиады были запрещены лишь в 520 году в связи с напряженной обстановкой в городе, ставшем центром восстаний цирковых партий [15. С. 115].

По масштабу они вряд ли могли соперничать с состязаниями в Олимпии, но сам факт сохранения такой атлетической традиции даже в начале VI в. примечателен и свидетельствует об огромной приверженности ромеев эллинской спортивной традиции. Нельзя также исключать, что традиционно оппозиционный Константинополю монофизитский Юг видел в сохранении олимпийского спорта один из способов продемонстрировать свою фронду в отношении Центра империи.

Высшая власть (не только гражданская, но и церковная) в Антиохии была очень сильно вовлечена в спортивную жизнь города. Антиохийский патриарх Порфирий (404–412) регулярно присутствовал на конских ристаниях. А правительство, озабоченное поддержанием духовного авторитета Церкви, вынуждено было удерживать клириков от слишком активного участия в *«суетных и мирских делах»*, связанных со зрелищами [19. С. 230–231]. Правитель Антиохии второй половины IV в. Юлиан не смог опереться на широкие массы граждан и городской бедноты в борьбе против политики куриальной верхушки и знати Антиохии. Клики театра и ипподрома господствовали в политической жизни города и, заявив, что в Антиохии *«больше мимов, чем граждан»*, Юлиан признал поражение своей политики [19. С. 176].

Спорт в провинции как социальный лифт

Изучение биографий знаменитых константинопольских возниц V–VI вв. позволяет установить, что свою карьеру они начинали на провинциальных ипподромах, и лишь прославившись там, пробовали себя на главной арене империи. Большинство известных нам по статуям и эпиграммам легендарных возниц константинопольского ипподрома были выходцами из провинции. Самым известным среди них был Порфирий, родившийся около 480 г. в Ливии. Ураний (единственный среди всех получивший статую из чистого золота [21. С. 114]) происходил из Никеи, а Юлиан из Тира. Название родного города кумира обязательно указывалось в посвященных ему эпиграммах. Вероятно, в провинциях существовали школы подготовки возниц при ипподромах, и выбившиеся потом на вершину спортивной карьеры спортсмены не забывали прославлять свой город и свою школу. Таким образом, в Восточной Римской

империи профессиональный спорт был важным социальным лифтом для одаренных провинциалов.

Схожей была ситуация и с обеспечением аппарата цирковых партий. Так, важными людьми для осуществления поддержки на арене были «эммалы» — танцоры партии. Назначенный на эту почетную должность зачастую занимал ее до старости, и практически все известные нам танцоры, выступавшие за цирковые партии в Константинополе, были выходцами из провинций. Вот какой случай произошел в правление императора Зенона (474–475, 476–491): *«Равным образом и Лонгин, брат императора, стал презентальным военным магистром и консулом. Для четырех факций Константинополя он предоставил четырех молодых танцоров «эммалов», потому что прежние танцоры в Константинополе, хотя они были известны, были старыми. Он заставил их уйти после того, как подарил им много подарков. Зеленым он дал «эммала» Автокия, по прозвищу Карамалл, из Александрии Великой, а факции Голубых он дал Рода, по прозвищу Хрисомалл, также александрийца, и Элладия из города Эмеса — факции Красных, он также дал танцора по имени Маргарит Катцам из Кизика, пообещав его Белым»* [15. С. 89–90]. Как видим, слава о лучших танцорах распространялась далеко за пределы их родных городов. Их «дарение» цирковой партии императором или его назначенцем воспринималось как желанная милость властителя и знак его благоволения.

Отсутствие уроженцев Константинополя среди знаменитых возниц и танцоров свидетельствует как о развитости спортивных школ и состязаний в провинции V–VI вв., так и о высокой интенсивности обмена кадрами между столицей и провинцией и социальной мобильности населения в указанный период.

Провинциальные партии ипподрома — источник политической нестабильности

Подобно столичным цирковым партиям, их провинциальные «отделения» были важнейшим фактором политической жизни, влиявшим порой не только на положение дел в своем городе, но и в империи в целом. Наиболее активной и политически нестабильной в этом плане была Антиохия. В IV в. здесь произошел конфликт между городской властью и главами цирковых партий. Либаний, современник тех событий, свидетельствует, что один из видных политиков города, Флоренций, нарушал закон, принуждая лошадей, используемых для скачек, работать в полях, и приводит мнение димархов¹ на этот счет: *«То поступок не такого человека, который к нам расположен, но таковы и поступки его насчет скаковых коней для состязаний вопреки закону, который освобождает их от работы для пользования пастбищем, причем*

¹ Димарх — глава одного из димов (прасинов или венетов).

в то время как тут, благодаря расцвету сил, у коней являлась горячность, благодаря тебе, их постигали лишения, а от них гибель» [13. Т. 1. С. 166]. А гибель эта, в свою очередь, вела к финансовым потерям для партий. Как видно из приведенного фрагмента, партии были столь влиятельны, что смогли, видимо, вынести вопрос об ограничении занятий своих лошадей одними лишь скачками на законодательный уровень, а нарушение этого закона становилось поводом для обвинения власти в неправомерных действиях.

Волнения цирковых партий стали настоящим бедствием для всей империи в VI веке, и Антиохия была одним из самых проблемных регионов. Первый такой эпизод относится к 507 г. Он описан у Малалы очень подробно, так как прогремел на всю империю. Величайший возница в римско-византийской истории Порфирий, в тот момент утративший статус факционария² в Константинополе, был приглашен на вакантную должность факционария прасинов в Антиохию. Он очень быстро привел свою команду к череде побед [22. Р. 43–44].

Во время празднеств по этому случаю сторонники зеленых начали громить дома иудеев, сожгли и разграбили местную синагогу. В атаку на иудейский молельный дом их якобы тоже вел Порфирий. Для восстановления порядка в Антиохию из столицы были направлены новый комит Востока Прокопий и некий Мена в качестве префекта вигилов (начальника пожарной охраны и ночного патруля). В ходе подавления беспорядков Мена убил одного из лидеров партии прасинов прямо в храме. Узнав об этом, зеленые отравились к комиту, но по пути встретились с отрядами самого Мены и присоединившихся к ним членов факции венетов. Мятежники одержали победу в стычке, а самому Мене вспороли живот. После сожжения нескольких базилик и продолжения погромов комит был вынужден бежать из города. А ново назначенный комит Иринея Пентадиаст смог подавить мятеж лишь с помощью масштабной помощи имперской армии [15. С. 99–100]. Интересно, что Порфирий, чьи победы стали поводом к мятежу, практически не получил репутационного ущерба. Спустя 8 лет, в 515 г., согласно одной из посвященных ему эпитаграмм, великий возница воевал на стороне императора Анастасия I против узурпатора Виталиана [7. Р. 150].

Однако Антиохия и при следующем императоре Юстине I (518–527) оставалась политически нестабильным регионом. Партии цирка продолжали устраивать волнения, но теперь протестовали не пострадавшие от репрессий венеты: *«Это зло раздоров возникло в Антиохии. В те времена партия венетов устроила беспорядки во всех городах и потрясала города убийствами, драками и бросанием камней [в прохожих]; они пошли даже против правителей городов, начав с Византия (Константинополя — авт.). Они*

² Факционарий — высший ранг в иерархии спортсменов-возничих. Факционариев было лишь два на весь город — по одному для прасинов и венетов.

совершали это, пока в Константинополе не был назначен на должность префекта города экс-комит Востока Феодот» [15. С. 114]. Чрезвычайно страдали члены противоположной факции, эти описания напоминают настоящий геноцид: «При этом поражали мечами прасинов, когда они попадались при встрече, даже отыскивали в домах, и правители не смели подвергать наказанию убийц». Это время названо у Феофана «народным правлением» венетов [23. С. 130].

Новоявленный префект Феодот постарался подавить восстание и начал массово казнить видных представителей партии венетов. Однако без ведома императора им был убит один из видных вельмож города Феодосий Циккас, симпатизировавший венетам, из-за чего Феодот попал в опалу и был выслан из столицы. Тем не менее, вскоре Юстин I наконец решился на серьезные меры для подавления буйных партий Антиохии. Новому наместнику города Ефраимию был дан «карт-бланш» на применение силы, пока восстание партии венетов не прекратилось до полного исчезновения беспорядков во всех городах империи. Но затем последовало невиданное ранее решение: все «общественные зрелища были запрещены, танцоры были изгнаны со всего Востока, кроме Александрии Великой в Египте» [15. С. 115]. Вряд ли этот запрет просуществовал долго. Но, возможно, именно он послужил отправной точкой упадка провинциальных ипподромов.

Ипподром Апамен

Политическая значимость провинциальных ипподромов порой была столь велика, что это принимали во внимание даже иностранные власти. Один такой эпизод описан Прокопием Кесарийским в «Войне с персами». Когда персидский шах Хосров I Ануширван захватил город Апаменя с Сирии в 540 г., то решил продемонстрировать свое превосходство над римским императором весьма необычным для иноземца способом: «... побуждаемый честолюбием, он приказал народу собраться на ипподроме, а возницам — проводить свои обычные состязания. И сам он явился туда, горя желанием посмотреть, как это делается. Поскольку он давно слышал, что василевс Юстиниан очень любит цвет венетов, он и здесь, желая идти против него, решил предоставить победу прасинам. Возницы, начав от барьера, приступили к состязаниям, и по какой-то случайности одетому в цвет венетов удалось, проскользнув, несколько выдвинуться вперед. Сразу за ним, колесо в колесо, следовал одетый в цвет прасинов. Посчитав, что это сделано нарочно, Хосров разгневался и, угрожая, закричал, что нельзя, чтобы кесарь опередил других; он приказал оказавшимся впереди сдерживать лошадей и держаться позади до конца состязания. Когда было сделано, как он повелел, то победа с виду как бы досталась Хосрову и партии прасинов» [16. С. 116].

Информация Прокопия свидетельствует о следующем. Правитель страны, веками бывшей главным геополитическим противником Рима, а затем Византии, прекрасно понимал значимость ипподрома и цирковых партий в жизни ромеев, причем, вероятно, не только благодаря крупным столичным играм, но и из-за проведения состязаний в приграничных городах империи. Он использовал это знание для демонстрации Юстиниану I своего превосходства, обеспечив символическую победу на арене провинциального ипподрома неугодной императору партии. Упоминание этой истории Прокопием свидетельствует, что послание достигло адресата и произвело должный эффект.

Обида болельщика на несправедливость в отношении любимого им спортсмена, совершенную на том же апамейском ипподроме, могла даже способствовать его отречению от мира. Церковный писатель конца VI — начала VII века Иоанн Мосх описывает возмущение жителей Апамеи, когда их любимый возничий не получил причитающегося: *«Мы пришли в лавру Келлий к аввекситскому — Маркеллу. Желая беседой доставить нам пользу, старец рассказал нам следующее: когда я жил еще на родине (он был родом из Апамеи), там был наездник по имени Филерем (с греческого — пустынелюбец). Однажды он был побежден в состязании и не получил пальмы, и люди его партии поднялись и начали кричать: „Филерем не получает пальмы в городе“. После моего удаления в скит случалось, что иногда одолевал меня помысел уйти в город или в селение — я тотчас говорил себе: „Маркелл! Филерем в городе не получает пальмы“»* [14. № 152]. Кроме уникальных сведений о том, что награждение каждого из возниц (а не только победителя) было важной частью церемониала гонок, этот фрагмент свидетельствует, что после освобождения города от персов во второй половине VI века состязания в городе продолжились.

Заключение

Провинциальные ипподромы стали приходить в упадок и закрываться в первые два десятилетия VII в. Связано это было, очевидно, не с изменением спортивной парадигмы, а с военно-политическими обстоятельствами: в ходе затяжных войн персы завоевали Египет, Сирию, часть Малой Азии и угрожали Константинополю, с севера империю атаковали авары и славяне. В 634 г. началось арабское вторжение, в результате которого территория Византии сократилась втрое. В завоеванных городах спортивная жизнь сразу или постепенно угасала. В этот период значительно снизилось и население Константинополя — с 500 до 70 тысяч человек [24] в результате неоднократно повторявшихся эпидемий чумы, а также организованного отселения жителей накануне вражеских осад.

Когда с середины IX в. начался новый расцвет империи, а ее столица вновь наполнилась жителями, спортивная жизнь Константинополя значитель-

но активизировалась: резко возросло количество упоминаний в источниках о ристаниях (например, в правление Феофила [25. Р. 798–799], Михаила III [26. С. 131], Никифора Фоки [27. С. 40–41] и др.). В конце IX в. фиксируется появление циканистирия³ в Афинах [28. С. 158]. А вот провинциальные ипподромы возродить, видимо, не удалось — сведения в источниках о них полностью отсутствуют.

Выводы

1. Спортивная инфраструктура ранневизантийского периода включала в себя ипподромы и другие арены во всех крупных городах империи, на данный момент нам известны 22 таких сооружения. Они были центрами культурной и политической жизни византийского города. В VII–VIII вв. провинциальные ипподромы пришли в упадок, и в период Македонского ренессанса IX–XI вв. не возродились.

2. Олимпийские соревновательные традиции сохранялись в V в., главным образом, в провинциальных городах — Дельфах и Антиохии.

3. Партии цирка не только в столице, но и в провинциальных городах были как важным социальным фактором, с которым приходилось считаться городским властям, так и постоянным источником политического напряжения, проявившегося в восстаниях первой четверти VI в.

4. Провинциальные ипподромы могли становиться орудием внешнеполитического давления после захвата города противником, как было в случае с ареной Апамеи после захвата ее персами.

5. Спортивная жизнь столицы и провинций была тесно связана как за счет приглашения наиболее талантливых возниц и танцоров из разных уголков империи в Константинополь, так и «гастролей» признанных кумиров константинопольской публики в крупных провинциальных центрах.

Таким образом, очевидно, что спортивная жизнь империи в IV–VI вв. не ограничивалась Большим ипподромом ее столицы. Вся страна была вовлечена в спортивные игры: от Фессалоник на западе до Антиохии на востоке и Александрии на юге.

Библиографический список

1. *Schrodt B.* Sports in the Byzantine Empire // *Journal Of Sport History*. 1981. Vol. 8. N. 3. P. 40–59.
2. *Успенский Ф.И.* Партии цирка и димы в Константинополе // *Византийский временник*. Санкт-Петербург, 1894. Т. 1. С. 1–16.
3. *Дьяконов А.П.* Византийские димы и факции (τα μέρη) в V–VII вв. // *Византийский сборник*. М. Л., 1945. С. 144–227.

³ Циканистирий — площадка для игры в циканион, аналог конного поло, пришедший в Византию из Персии.

4. Левченко М.В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. // Византийский временник. 1947. Т. 1. С. 164–183.
5. Чекалова А.А. К вопросу о димах в ранней Византии // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI Междунар. конгрессу византинистов / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. З.В. Удальцова М.: Наука, 1982. С. 37–53.
6. Guiland R. The Hippodrome at Byzantium. *Speculum*. Vol. 23. N. 4. . P. 676–682.
7. Cameron A. Porphyrius the Charioteer. Oxford University Press, 1973. 286 p.
8. Giatsis S.G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople // *The International Journal of the History of Sport*. 2000. Vol. 17. №1. P. 36–68.
9. Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: *Studia Ceranea* 1. 2011. P. 127–142.
10. Хапаев В.В., Глушич А.М. Традиции античного агона на константинопольском ипподроме // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности). СПб: Алетей, 2021. С. 62–90.
11. Хапаев В.В., Глушич А.М. Физическая культура и спорт в Византийской империи: опыт периодизации // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2021. С. 290–293.
12. Хапаев В.В., Глушич А.М. Эволюция спортивной инфраструктуры Византийской империи в IV–XII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). №4. С. 137–152.
13. Либаний. Речи. В 2 т. Казань: Типография Имп. Университета, 1914. 511 + 569 с.
14. Иоанн Мосх. Луг духовный [Электронный ресурс] // Азбука веры : интернет-портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mosh/lug-dukhovnyj/ (дата обращения: 08.04.2022)
15. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII // Мир поздней античности. Документы и материалы. Белгород, 2014. 200 с.
16. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер., статьи и коммент. А.А. Чекаловой. М: Наука, 1993. 570 с.
17. The Oxford Dictionary of Byzantium / [ed. Alexander P. Kazhdan]. New York, Oxford: Oxford university press, 1991. 2232 p.
18. The novels of Justinian // Translated by Samuel P. Scott. Cincinnati. 1932. URL:https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novellae_Scott.htm (дата обращения: 08.04.2022)
19. Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 284 с.
20. Кобзева А.В., Синица М.М. Город Антиохия в «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. 2017. №1 (250). С. 44–59.
21. Чекалова А.А., Поляковская М.А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 304 с.
22. Bennett D. Chariot Racing in the Ancient World. // *History Today*. 1997. №47 (12). P. 41–48.
23. Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского М.: Унив. Тип. М. Каткова на Страстном бульваре, 1884. 370 с.
24. Koç Y. The population of Constantinople in the Byzantine period [Электронный ресурс] // *History of Istanbul*. Vol. 3. 2020. URL:<https://istanbultarihi.ist/460-the-population-of-constantinople-in-the-byzantine-period> (дата обращения: 08.04.2022)
25. *Theophanes Continuator*. *Chronographia* // Ed. by I. Bekker. Bonn, 1838. 950 p.
26. *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я.Н. Любарский. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетей, 2009. 400 с.
27. Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. 240 с.

28. Ханаев В.В. Физическое воспитание в Византийской империи IX–XII вв. // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (сборник статей) / под ред. Гвоздевой Т.Б. М., Литературный институт имени А.М. Горького, 2015. С. 149–164.

References

- Schrodt B. Sports in the Byzantine Empire. *Journal Of Sport History*. 1981;8 (3):40–59.
- Uspenskii FI. Partii tsirka i dimy v Konstantinopole [Circus and Dima parties in Constantinople]. *Vizantiiskii vremennik*. Saint-Petersburg. 1894; (1):1–16. (In Russ.).
- D'yakonov AP. Vizantiiskie dimy i faktsii (τα μέρη) v V—VII vv. [Byzantine Dima parties and Factions (τα μέρη) in the 5th-7th centuries]. *Vizantiiskii sbornik*. Moscow–Leningrad, 1945, p. 144–227. (In Russ.).
- Levchenko MV. Venety i prasiny v Vizantii V—VII vv. [Venets and Prasyns in Byzantium in the 5th-7th centuries]. *Vizantiiskii vremennik*. 1947; (1):164–183. (In Russ.).
- Chekalova AA. K voprosu o dimakh v rannei Vizantii [On the issue of Dima parties in early Byzantium]. *Vizantiiskie ocherki: trudy sovetskikh uchenykh k KhVI Mezhdunar. kongressu vizantinistov / AN SSSR, In-t vseobshchei istorii; otv. red. Z.V. Udal'tsova M.: Nauka, 1982, p. 37–53. (In Russ.).*
- Guilland R. The Hippodrome at Byzantium. *Speculum*. 23 (4): 676–682.
- Cameron A. *Porphyrius the Charioteer*. Oxford: Oxford University Press, 1973. 286 p.
- Giatsis SG. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople. *The International Journal of the History of Sport*. 2000;17(1):36–68.
- Wolińska T. *Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters*. Łódź: Studia Ceranea 1. 2011, p. 127–142.
- Khapaev VV, Glushich AM. Traditsii antichnogo agona na konstantinopol'skom ippodrome [Traditions of the Ancient Agony at the Constantinople Hippodrome]. *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoi zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. St. Petersburg: Aletheya, 2021, p. 62–90. (In Russ.).
- Khapaev VV, Glushich AM. Fizicheskaya kul'tura i sport v Vizantiiskoi imperii: opyt periodizatsii [Physical Culture and Sport in the Byzantine Empire: the Experience of Periodization]. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: IV RAN, 2021, p. 290–293. (In Russ.).
- Khapaev VV, Glushich AM. Evolyutsiya sportivnoi infrastruktury Vizantiiskoi imperii v IV–XII vv. [The Evolution of the Sports Infrastructure of the Byzantine Empire in the 4th-12th centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 2020;72(6):137–152. (In Russ.).
- Libanii. *Rechi*. V 2 t. Kazan': Tipografiya Imp. Universiteta, 1914. 511 + 569 s.
- Ioann Moskh. *Lug dukhovnyi* [Elektronnyi resurs]. Internet-portal «Azbyka very». Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mosh/lug-dukhovnyj/ [Accessed: 08.04.2022]
- Ioann Malala. *Khronografiya. Knigi XIII–XVIII*. Mir pozdnei antichnosti. Dokumenty i materialy. Belgorod, 2014. 200 p.
- Prokopii Kesariskii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaya istoriya / per., stat'i i komment. A. A. Chekalovoi*. Moscow: Nauka, 1993. 570 p.
- The Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. Alexander P. Kazhdan. New York, Oxford: Oxford university press, 1991. 2232 p.
- The novels of Justinian*. Translated by Samuel P. Scott. Cincinnati. 1932. Available from: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novellae_Scott.htm [Accessed: 08.04.2022]
- Kurbatov GL. *Rannevizantiiskii gorod (Antiokhiya v IV veke)* [Early Byzantine city (Antioch in the 4th century)]. Leningrad: Leningrad State University, 1962. 284 p. (In Russ.).

20. Kobzeva AV, Sinitsa MM. Gorod Antiokhiya v «Khronografii» Ioanna Malaly [The Antioch in the “Chronography” of John Malala]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya*. 2017; 250(1):44–59. (In Russ.).
21. Chekalova AA, Polyakovskaya MA. *Vizantiya: byt i nrawy* [Byzantium: life and customs]. Sverdlovsk: Ural University Press, 1989. 304 p. (In Russ.).
22. Bennett D. Chariot Racing in the Ancient World. *History Today*. 1997;47(12):41–48.
23. Feofan Vizantiets. *Letopis' vizantiitsa Feofana ot Diokletiana do tsarei Mikhaila i syna ego Feofilakta* / per. s grech. V.I. Obolenskogo i F.A. Ternovskogo M.: Univ. Tip. M. Katkova na Strastnom bul'vare, 1884. 370 s.
24. Koç Y. *The population of Constantinople in the Byzantine period* // History of Istanbul. Vol. 3. 2020. Available from: <https://istanbultarihi.ist/460-the-population-of-constantinople-in-the-byzantine-period> [Accessed: 08.04.2022]
25. Theophanes Continuator. *Chronographia*. Ed. by I. Bekker. Bonn, 1838. 950 p.
26. Prodolzhatel' Feofana. *Zhizneopisaniya vizantiiskikh tsarei*. Ed. Ya.N. Lyubarskii. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Aleteiya, 2009. 400 p.
27. Lev Diakon. *Istoriya*. Moscow: Nauka, 1988. 240 p.
28. Khapaev VV. Fizicheskoe vospitanie v Vizantiiskoi imperii IX–XII vv. [Physical education in the Byzantine Empire in the 9th–12th centuries.]. *Traditsii antichnogo olimpizma v mirovoi kul'ture (sbornik statei) / pod red. Gvozdevoi T.B. M., Literaturnyi institut imeni A.M. Gor'kogo*. M., 2015, p. 149–164. (In Russ.).

Информация об авторах:

Хапаев Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета, Севастополь, e-mail: khapaev007@mail.ru.

Глушич Антон Михайлович — магистр 2 года обучения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, e-mail: barny.g@mail.ru. ORCID:

Information about the authors:

Khapaev Vadim Vadimovich — PhD in History, Associate Professor at the Department of History, Sevastopol State University, Sevastopol, e-mail: khapaev007@mail.ru

Glushich Anton Mikhailovich — 2nd year graduate student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, e-mail: barny.g@mail.ru

IUS ANTIQUUM

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-280-288

Research article / Научная статья

Development of real security for obligations fulfillment in Ancient Greece

A.V. Loginov

Kutafin Moscow State Law University
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, Russia, 125993
 avloginov@msal.ru

Abstract. The article is devoted to the development of real security for fulfillment of obligations in Ancient Greece. The article proves that the first form of real security for fulfillment of obligations was a possessory pledge. The creditor sought to obtain possession of the pledged object. This is due to underdeveloped archives in Greece (unlike in the countries of the Ancient East), the lack of land register and encumbrance registry, creditor was not sure that the debtor would not alienate pledged property by fraud. The genesis of sale on condition of release is due to emergence of signs of encumbrance of property (in Athens — horoi). A hypothec came into being later than other real security for fulfillment of obligations.

Keywords: Real security, hypothec, pledge, Ancient Greece, sale on condition of release, loan, mortgage

Article history: Received: 29.03.2021. Accepted: 21.04.2022.

For citation: Loginov AV. Development of real security for obligations fulfillment in Ancient Greece. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):280–288. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-280-288>

Acknowledgements: The scientific research was carried out within the framework of the grant of the Russian Academy of Sciences «Study of the stages of the formation of Ancient Greek law» (20-78-00095).

© Loginov A.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Развитие вещных форм обеспечения исполнения обязательств в Древней Греции

А.В. Логинов

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9

 avloginov@msal.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию вещных форм обеспечения исполнения обязательств в Древней Греции. В статье доказывается, что первой формой вещного обеспечения исполнения обязательств был посессорный залог. Кредитор стремился получить во владение предмет залога. Из-за неразвитости архивов в Греции (в отличие от стран Древнего Востока), отсутствия земельного кадастра и кадастра обремененных вещей кредитор не был уверен, что должник не произведет отчуждение предмета залога с помощью мошенничества. Развитие обеспечительной купли продажи оказалось возможным из-за появления знаков обременения имущества (в Афинах — *horoi*). Ипотека появилась позднее других форм обеспечения исполнения обязательств.

Ключевые слова: ипотека, залог, Древняя Греция, продажа с условием освобождения, кредит

История статьи: Поступила в редакцию: 29.03.2022. Принята к публикации: 21.04.2022.

Для цитирования: Логинов А.В. Развитие вещных форм обеспечения исполнения обязательств в Древней Греции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 280–288. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-280-288>

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта Российской академии наук «Изучение этапов становления древнегреческого права» (20-78-00095).

Real security for fulfillment of obligations¹ in Ancient Greece has been in the focus of research since 19th century and gave rise to various reconstructions. R. Dareste was of the opinion that in Ancient Greece the original form of real security for fulfillment of obligations was a form of sale on condition of release² (*πρᾶσις ἐπὶ λύσει*) which invested the creditor with the right to take the pledged thing into his possession. This institution, similar

¹ «Real security implies that creditor is entitled to satisfy his requirements against the debtor from a particular property provided by the debtor himself or by a third party as security. Besides, real security involves that creditor takes priority over other creditors of the person who provided real security» [2].

² See security sales: “Economically sale on condition of release is a form of a secured loan (the purchase price is the amount of loan; the repurchase price is the amount of loan adjusted by interest; the repurchase period is the period for which the loan is accommodated; subject to sale is security remaining at the disposal (ownership) of the creditor until the amount of loan adjusted by interest is paid)” [28. С. 4].

to roman *fiducia*, was later replaced by hypothec, implying neither transfer of possession nor transfer of ownership of the pledged object to the creditor [1. P. 171–173]. E. Szanto disagreed with the concept, considering handing-over of a hostage (*nexus*) to be the oldest form of security for fulfillment of obligations, which the hypothec formula could also be derived from [2. S. 283, 285, 287]. The development of historiography of the XIX century was summed up in H.F. Hitzig's monograph [3. S. 1–3.] on Ancient Greek pledge. H.F. Hitzig thought that Ancient Greeks had three types of pledge: ἐνέχυρον «pawn» (*Faustpfand*) provided by a creditor for the possession of the pledged object, ὑποθήκη — pledge under which the possession is retained by a debtor, and πρᾶσις ἐπὶ λύσει — sale on condition of release. However, at the beginning of the 20th century, the dispute about the origin of the hypothec went on: H. Swoboda spoke out against R. Dareste's statement that hypothec originated from πρᾶσις ἐπὶ λύσει. According to H. Swoboda, πρᾶσις ἐπὶ λύσει and hypothec appeared simultaneously [4. P. 79].

A new period in historiography is characterized by important works on Athenian law published in the 1950s.

M. Fine's monograph on the Athenian ὄροι appeared in 1951. However, M. Fine focused mostly on the history of Greek forms of securing for fulfillment of obligations. He discerned three forms of real security for fulfillment of obligations at the end of the 5th — beginning of the 4th centuries BC in Greece: 1) pledge of predominantly movable property — ἐνέχυρον — with the transfer of possession to creditor; 2) sale on condition of release — πρᾶσις ἐπὶ λύσει which goes back to Solon's time; 3) ὑποθήκη, involving possession of the pledged object by a debtor, primarily associated with maritime loans security (*bottomries*) and perceived as mortgage of land [5. P. 61–62, 90–93] only from the 4th century BC. Analyzing Athenian sources, M. Fine came to the conclusion that in Athens, even in the 4th century BC, sale on condition of release πρᾶσις ἐπὶ λύσει was the most common form of securing for fulfillment of obligations [5. P. 91–92].

M. Fine's theory of the primacy of πρᾶσις ἐπὶ λύσει as real security for fulfillment of obligations for loans secured by land is incompatible with M. Finley's hypothesis developed in his book about ὄροι published in 1952. According to M. Finley, Athenian sale on condition of release πρᾶσις ἐπὶ λύσει appeared in the period of complication of debtor's land alienation by new legal and social institutions. Therefore, πρᾶσις ἐπὶ λύσει gave the creditor advantage over the debtor [6. P. 35]. However, M. Finley gave no precisions about when it happened. On this issue, M. Finley opposed the position of R. Dareste, suggesting that the history of the formation of the Greek pledge was similar to the genesis of the Roman pledge. However, M. Finley focused mainly on non-Athenian sources [6. P. VII-VIII].

A new stage of historiography began with important works of E. M. Harris. He summed up the controversies on debts in co-relation between hypothec and πρᾶσις ἐπὶ λύσει in his paper. According to E. M. Harris, ὑποθήκη and πρᾶσις ἐπὶ

λύσει were the same thing [7. P. 358–359; 8. P. 74]. In later work E. M. Harris proved that the term *πρᾶσις ἐπὶ λύσει* was identical to hypothec [9. P. 433–441].

The theory of E. M. Harris gave rise to considerable controversies. M. Youni [10. P. 145] supported it, whereas A. Kränzlein [11. P. 265] and G. Thür [12. P. 175] disapproved.

In recent years, works by A. Colorio concerning pledge *ἐνέχυρον* in Athenian law have been published, which involved the transfer of possession of the pledged object to creditor. According to A. Colorio, *ἐνέχυρον* denotes both property that creditor seized by force as the pledged object, and property that became the pledged object by agreement of the parties [13. P. 46; 14. P. 84]).

This issue should be elaborated on.

The type of pledge, named as *ἐνέχυρον*, has long been the subject of attention of researchers. There is an opinion generally held in historiography that *ἐνέχυρον* should be understood as a pawning, that is, pledge of movable property, involving transfer of possession of the pledged object to creditor-pledgee³. Regarding the verb *ἐνεχυράζω*, however, it has been suggested that it can also mean foreclosure after default on debt⁴. However, we should agree with A. Colorio's opinion, who believed that the verb *ἐνεχυράζω* denoted forms of enforcement for fulfillment of obligations [14. P. 86].

The assumption that *ἐνεχυράζω* could mean the foreclosure was based on the fact that the process *ἐνεχυρασία* was fraught with violence⁵: see, e.g., D. 24 (in Timocratem) 197. We can agree with A. Colorio that *ἐνεχυρασία* is a creditor's acquisition of the pledge by force with a purpose of psychological coercion of the debtor to fulfill the obligation [13. P. 46–47]. However, A. Colorio suggested that acquisition of the pledged object by creditor (*ἐνεχυρασία*) might have preceded the emergence of the possessory pledge *ἐνέχυρον* [14. P. 71]. Thus the process of taking over a pledge determined its form. However, violent seizure of pledge must have an explanation: a creditor sought to take possession of the pledged object. Therefore, it is necessary to answer the question why creditors in Greece wanted to take possession of the pledge.

It should be highlighted that hypothec appeared quite late in Ancient Greece. The earliest mention of the hypothec can only be found in literary sources of the 4th century BC [5. P. 77–78; 15. P. 262–265]. We can state the lack of any evidence of hypothec in the 5th century BC. It may be due to characteristics of the sources, but in Attic *ὄροι* dated 363/362 — 259–258 BC [6. P. 6–7], hypothec is much rarer than *πρᾶσις ἐπὶ λύσει*: according

³ The fact that in Athens a pawn is concealed under *ἐνέχυρον* was pointed out by: G.F. Hitzig (*ἐνέχυρον* = Faustpfand [3. S. 1; 29. S. 690–691; 30. C. 192–193; 31. C. 57; 5. P. 61–62; 15. P. 254].

⁴ M. Finley considered that the verb *ἐνεχυράζω* denotes foreclosure after default on debt [6. P. 29, 222–223].

⁵ In Greek law foreclosure was carried out by self-defense of the right, without the participation of the court [4. S. 80; 6. P. 28]. Therefore, creditor's violence within foreclosure is quite expected.

to M. Finley, with reference ratio of 10 hypothecs to 102 cases of *πρᾶσις ἐπὶ λύσει* [6. P. 29] Hypothecs clearly stemmed from the sphere of maritime loans (bottomries) [5. P. 62, 93]. It is worth paying attention to the fact that land hypothec (land mortgage) and *ὄροι* appeared simultaneously in Athens. However, Solon's fragments Fr. 36, 37 West mentioned *ὄροι*, which can be interpreted as evidence of the existence of hypothec in archaic Athens. However, there are two objections to the thesis. Firstly, if we project the situation with land hypothec in Athens of the 4th-3th centuries BC to the Archaic era, then we should expect that Solon's *ὄροι* meant mostly *πρᾶσις ἐπὶ λύσει*. Moreover, different ways of title security of obligations, as a rule, are the most ancient [16. P. 7–10]. Secondly, the Solon's *ὄροι* did not necessarily have to be signs of encumbering of a land plot with a pledge [17. P. 39–40].

At the same time, hypothec had been mentioned in the Ancient Near East since the second half of the second millennium BC: in Mesopotamia of the Old Babylonian period [18. P. 63, 76], in the Old Assyrian colonies in Anatolia [19. P. 138], in Assyria of the Middle Assyrian period [20. P. 174], in ancient Israel [21. P. 253], in Assyria of the New Assyrian period [22. P. 270], in Babylonia of the New Babylonian period [23. P. 302], and finally, in Egypt of the era of demotic papyri [24. P. 314–316].

According to our research, in the laws of Gortyna devoted to legal lien, preserved in 15 different inscriptions (including the so-called “Great Code of Laws of Gortyna” (IC IV 72)), dating from the end of the VI to the beginning of the V centuries BC, neither hypothec nor sale on condition of release was ever mentioned. Gortyn legislation included only possessory pledge [25].

Similarly, there is no hypothec in the inscriptions mentioning purchase and sale from Northern Macedonia and Halkidiki. It mentions either sale on condition of release, or possessory pledge [26. P. 121].

Why did a creditor in Ancient Greece seek to take possession of the pledge? Several explanations could be offered that do not contradict each other.

The creditor sought to take possession of the pledge, since the debtor could use fraud to alienate the pledge — for example, to sell it. Due to the underdevelopment of archives in Ancient Greece (unlike in the countries of the Ancient Near East), the buyer of the pledged object could not check whether it had been encumbered.

The possessiveness of the pledge was very likely facilitated by its connection with purchase and sale, demonstrated by F. Pringsheim. Pledge wasn't reduced to security for fulfillment of obligations, but was also used to redeem creditors debt [27. P. 170–171]. E. M. Harris even came to the conclusion that the creditor in Greece pretended to have bought mortgaged property [7. P. 365]. If the mortgaged property was perceived by the creditor as “bought”, it was natural that he sought to take possession of this thing. In other words, the institution of Greek sale-and-purchase influenced that of pledge.

Thus, the possessiveness of the pledge and the creditor's appropriation of the pledged object by force (ἐνεχυρασία) can be explained by the same processes. However, it is scarcely possible to agree with A. Colorio that ἐνεχυρασία preceded the the possessory pledge. The possessiveness of the pledge is more likely to cause its violent appropriation by the creditor than the procedural form (ἐνεχυρασία) cause the possessory pledge. The latter is due to the possibility of debtors fraud as well as to the expansion of sale-and-purchase. The possessiveness of the pledge is the reason of delayed introduction of hypothecs in Greece.

Sale on condition of release correlated positively with such institutions as ὄροι. Therefore, we can assume that in Athens of the 4th — 2nd centuries BC, where we observe no signs of encumbrance of property, there was no sale on condition of release. Both in Athens [5. P. 143; 6. P. 55; 15. P. 258, 268] and elsewhere⁶ it was generally the debtor who kept possession of the security payment. If sale on condition of release took place without setting up signs of encumbrance of property, it still gave the debtor a possibility to commit fraud. Signs of encumbrance of property existed in Athens and in the polises of Northern Macedonia and Chalkidiki since the 4th century BC and were absent in Crete in the 5th century. Consequently, there is no trace of sale on condition of release in Cretan inscriptions.

To sum up, possessory pledge was likely to be the first form of real obligations security emerged in the Classic period in Greece. It was the encumbrance sign which gave rise to the sale on condition of release, which was later replaced by the hypothec.

References

1. Dareste R. Une loi éphésienne du premier siècle avant notre ère. *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*. 1877:161–178.
2. Szanto E. Hypothek und Scheinkauf im griechischen Rechte. *Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie*. 1887:279–296.
3. Hitzig H.F. *Das griechische Pfandrecht*. München, 1895.
4. Swoboda H. *Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte*. Weimar, 1905.
5. Fine JVA. *Horoi: Studies in Mortgage, Real Security, and Land Tenure in Ancient Athens*. Athens, 1951.
6. Finley M.I. *Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B.C. The Horos-Inscriptions*. New York: Reprint of the 1952 ed. 1973.
7. Harris EM. When is a Sale Not a Sale? The Riddle of Athenian Terminology for Real Security Revisited. *The Classical Quarterly*. 1988;38 (2):351–381.
8. Harris EM. Apotimema: Athenian Terminology for Real Security in Leases and Dowry Agreements. *The Classical Quarterly*. 1993; Vol. 43(1):73–95.
9. Harris EM. Hypotheca in Roman Law and ὑποθήκη in Greek Law. *Transferts culturels et droits dans le monde grec et hellénistique*. Dir. B. Legras. Paris: Éditions de la Sorbonne. 2012, p. 433–441.

⁶ Unfortunately, the inscriptions from Northern Macedonia and Chalkidiki, which describe sale on condition of release, have been largely unexplored. It is unknown whether the debtor retained possession within sale on condition of release. But it is natural for sale on condition of release that the debtor retained possession of the security payment object [16. C. 4–10].

10. Youni MS. À propos de quatre inscriptions Olynthiennes. Quelques remarques sur la «Sûreté réelle» au 4ème s. av. J.C. *Tekmeria*. 1996; (2):135–153.
11. Kränzlein A. *Eigentum und Besitz im griechischen Recht der fünften und vierten Jahrhunderts v. Chr.* Berlin, 1963.
12. Thür G. 2008: Ownership and Security in Macedonian Sale Documents. In: Harris E. Thür G., Herausgeber. *Symposion. Akten der Gesellschaft für Griechische und Hellenistische Rechtsgeschichte*. 2008; (20):173–187.
13. Colorio A. Riflessioni sul termine di adempimento delle obbligazioni garantite da enechyron. *Rivista di diritto ellenico*. 2013;(3):39–63.
14. Colorio A. Note in tema di esecuzione forzata pignorizia nella Grecia antica. *Rivista di diritto ellenico*. 2014;(4):71–98.
15. Harrison ARW. *The Law of Athens. The Family and Property*. Oxford: 1968.
16. Sarbash SV. Obespechitel'naya peredacha pravovogo titula. *Journal of Civil Law*. 2008; (1):7–93 (In Russ.)
17. Noussia-Fantuzzi M. *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden-Boston: 2010.
18. Westbrook R. The Old Babylonian Period. Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. The Old Babylonian Period. In: Westbrook R., Jasnow R., editors. *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Leiden, 200, p. 63–92.
19. Veenhof K. The Old Assyrian Period. In: Westbrook R., Jasnow R., editors. *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Leiden, 2001, p. 93–160.
20. Abraham K. Middle Assyrian Period. Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. In: Westbrook R., Jasnow R. Leiden, 2001, p. 161–222.
21. Frymer-Kensky T. Israel. Eds. Westbrook R., Jasnow R. Leiden, 2001, p. 251–264.
22. Radner K. The Neo-Assyrian Period. In: Westbrook R., Jasnow R., editors. *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Leiden, 2001, p. 265–288.
23. Oelsner J. The Neo-Babylonian Period. In: Westbrook R., Jasnow R., editors. *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Leiden, 2001, p. 289–306.
24. Manning J. *Demotic Papyri. Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Eds. R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001, p. 307–327.
25. Loginov A., Davydov T., Zbaratskiy B. Le gage dans les lois de Gortyne du Ve siècle avant J.-C. *Graeco-Latina Brunensia*. 2022;(1) (in print).
26. Loginov AV, Davydov TG. *Zalog i titul'noe obespechenie v nadpisyah iz Halkidiki i Severnoj Makedonii* In: Solopov AI, Slavyatinskaya MN, Davyudov TG, editors. *Orientations*. Moscow: University Press; 2021, p. 103–123
27. Pringsheim F. *The Greek Law of Sale*. Weimar, 1950.
28. Bevzenko RS. 2018: Obespechitel'naya kuplya-prodazha i zalog. Kommentarij k opredeleniyu sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam VS RF ot 09.01.2018 №32-KG17-33 [Security purchase and sale and pledge. Commentary on the determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Armed Forces of the Russian Federation from]. *Bulletin of Economic Justice*. 2018; (8):4–16.
29. Lipsius J.H. *Das Attische Recht und Rechtsverfahren*. Leipzig, 1915.
30. Keчек'yan S.F. *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava*. Chast' 1. [General History of State and Law. Part 1. Ancient World. 1st Issue. Ancient East and Ancient Greece]. Moscow, 1944.
31. Keчек'yan, SF. *Gosudarstvo i pravo Drevney Gretsii [State and Law in Ancient Greece]*. Moscow, 1963.

Библиографический список

1. *Daresté R.* Une loi éphésienne du premier siècle avant notre ère // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1877. P. 161–178.
2. *Szanto E.* Hypothek und Scheinkauf im griechischen Rechte // Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie. 1887. S. 279–296.

3. *Hitzig H.F.* Das griechische Pfandrecht. München, 1895.
4. *Swoboda H.* Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905.
5. *Fine J.V. A.* Horoi: Studies in Mortgage, Real Security, and Land Tenure in Ancient Athens. Athens, 1951.
6. *Finley M.I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B.C. The Horos-Inscriptions. New York, 1973.
7. *Harris E.M.* When is a Sale Not a Sale? The Riddle of Athenian Terminology for Real Security Revisited // *The Classical Quarterly*. 1988. Vol. 38. № 2. P. 351–381.
8. *Harris E.M.* Apotimema: Athenian Terminology for Real Security in Leases and Dowry Agreements // *The Classical Quarterly*. 1993. Vol. 43. № 1. P. 73–95.
9. *Harris E.M.* Hypotheca in Roman Law and ὑποθήκη in Greek Law // *Transferts culturels et droits dans le monde grec et hellénistique* / dir. B. Legras. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2012. P. 433–441.
10. *Youni M.S.* À propos de quatre inscriptions Olynthiennes. Quelques remarques sur la «Sûreté réelle» au 4ème s. av. J.C. // *Tekmeria*. 1996. Vol. 2. P. 135–153.
11. *Kränzlein A.* Eigentum und Besitz im griechischen Recht der fünften und vierten Jahrhunderts v. Chr. Berlin, 1963.
12. *Thür G.* Ownership and Security in Macedonian Sale Documents // *Symposion. Akten der Gesellschaft für Griechische und Hellenistische Rechtsgeschichte* / hsg. von E. Harris, G. Thür. Wien, 2008. P. 173–187.
13. *Colorio A.* Riflessioni sul termine di adempimento delle obbligazioni garantite da enechyron // *Rivista di diritto ellenico*. 2013. Vol. 3. P. 39–63.
14. *Colorio A.* Note in tema di esecuzione forzata pignoratizia nella Grecia antica // *Rivista di diritto ellenico* 2014. Vol. 4. P. 71–98.
15. *Harrison A.R. W.* The Law of Athens. The Family and Property. Oxford, 1968.
16. *Сарбауи С.В.* Обеспечительная передача правового титула // *Вестник гражданского права*. 2008. № 1. 7–93.
17. *Noussia-Fantuzzi M.* *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden-Boston, 2010.
18. *Westbrook R.* The Old Babylonian Period // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 63–92.
19. *Veenhof K.* The Old Assyrian Period // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 93–160.
20. *Abraham K.* Middle Assyrian Period // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 161–222.
21. *Frymer-Kensky T.* Israel // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 251–264.
22. *Radner K.* The Neo-Assyrian Period // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 265–288.
23. *Oelsner J.* The Neo-Babylonian Period // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 289–306.
24. *Manning J.* Demotic Papyri // *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law* / ed. by R. Westbrook, R. Jasnow. Leiden, 2001. P. 307–327.
25. *Loginov A., Davydov T., Zbaratskiy B.* Le gage dans les lois de Gortyne du Ve siècle avant J.-C. // *Graeco-Latina Brunensia*. 2022. Vol. 1. (in print).
26. *Логинов А.В., Давыдов Т.Г.* Залог и титульное обеспечение в надписях из Халкидики и Северной Македонии // *Ориентиры: сборник материалов. Серия: Греко-латинская лингвокультурология* / Под. ред. А.И. Солопова, М.Н. Славянской, Т.Г. Давыдова. М., 2021. С. 103–123.
27. *Pringsheim F.* The Greek Law of Sale. Weimar, 1950.
28. *Бевзенко П.С.* Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.01.2018 № 32-КГ17-33 // *Вестник экономического правосудия*. 2018. № 8. С. 4–16.

29. *Lipsius J.H.* Das Attische Recht und Rechtsverfahren. Leipzig, 1915.
30. *Кечекьян С.Ф.* Всеобщая история государства и права. Часть 1. Древний мир. Выпуск 1. Древний Восток и Древняя Греция. Москва, 1944.
31. *Кечекьян С.Ф.* Государство и право Древней Греции. Москва, 1963.

Информация об авторе

Логинов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
e-mail: avloginov@msal.ru. ORCID: 0000-0003-4872-9311

Information about the author

Loginov Alexandr — PhD, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University.
e-mail: avloginov@msal.ru. ORCID: 0000-0003-4872-9311

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-289-296

Научная статья / Research article

Аренда во владельческих отношениях на Ager Colonicus в Риме I–II вв. н.э.

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1
 innagvozdeva@mail.ru

Аннотация. В римской агрименсуре, начиная с архаического периода, произошло разделение земельных площадей: *culta* означали поля, пригодные для земледелия; *inculta* — непригодные для зерновых культур. *Culta* подвергались *divisio*, образовав категорию *agri divisi*. *Inculta* сохраняли статус *Publicus*, поэтому не были *divisi*. Но значение именно этих земель было важно при организации *Ager Colonicus*, поскольку они создавали возможность поселенцам заниматься кроме земледелия и скотоводством. Римские землемеры выделили категории таких общественных земель. Ими могли пользоваться собственники близлежащих участков. Такие угодья предоставлялись новопоселенцам в аренду за *vestigal*. Это были реликтовые земли (*agri relictii*) и массив, составлявший резерв колонии (*extra clusa*). Кроме того, остатки от межевания — *subsecivii* (незанятые центурии или их фрагменты) также предоставлялись колонистам под временные угодья. На отрезках часто создавалось «совместное пастбище» (*compscuius*). Также на условиях аренды новопоселенцы пользовались лесом и выгоном (*silva et pascua*). На всех категориях угодий формировались владельческие отношения в границах *Ager Colonicus*. В результате хозяйство колониста приобретало комплексный характер, что способствовало процветанию этого нового поселения.

Ключевые слова: владение, выгон, лес, реликтовые поля (*agri relictii*), совместное пастбище (*compscuius*), отрезок от межевания (*subsecivus*)

История статьи: Поступила в редакцию: 09.02.2022. Принята к публикации: 05.03.2022.

Для цитирования: Гвоздева И.А. Аренда во владельческих отношениях на *Ager Colonicus* в Риме I–II вв. н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 289–296. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-289-296>

© Гвоздева И.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Rent in ownership relations on Ager Colonicus in Rome (1–2 centuries AD)

I.A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory St, Moscow, Russian Federation, 119991
 innagvozdeva@mail.ru

Abstract. In Roman agrimensura, starting from the archaic period, there was a division of land areas: *culta* — meant fields suitable for tillage; *inculta* — unsuitable for grain crops. *Culta* were subjected to *divisio*, forming the category *agri divisi*. *Inculta* retained the status of *Publicus*, so they were not *divisi*. But the importance of these lands was important when organizing *Ager Colonicus*, since they created an opportunity for settlers to engage in farming and cattle breeding in addition to farming. Roman surveyors identified categories of such public lands. They could be used by the owners of nearby plots. Such lands were provided to new settlers for rent for *vectigal*. These were the relic lands (*agri relict*) and the massif that made up the colony's reserve (*extra clusa*). In addition, the remnants of the surveying — *subsecivi* (unoccupied centuries or its fragments) were also provided to the colonists for temporary lands. A “joint pasture” (*compascuus*) was often created on the segments. Also, on lease terms, the new settlers used the forest and pasture (*silva et pascua*). On all categories of land, ownership relations were formed within the boundaries of *Ager Colonicus*. As a result, the colonist's economy acquired a complex character, which contributed to the prosperity of this new settlement.

Keywords: ownership, pasture, forest, relict fields (*agri relict*), joint pasture (*compascuus*), segment from surveying (*subsecivus*)

Article history: Received: 09.02.2021. Accepted: 05.03.2022.

For citation: Gvozdeva IA. Rent in ownership relations on *Ager Colonicus* in Rome (1–2 centuries AD). *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):289–296. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-289-296>

Введение

При образовании римского *Ager Colonicus* задачей устроителей нового поселения была ассигнация (т.е. предписание) пахотной земли в собственность колонистам. Но не менее важным было обеспечить хозяйство каждого ветерана угодьями для разведения скота. После создания Августом кадастра такой подход к наделению землей стал нормой. На поле колонии для новопоселенцев создавались *agri divisi* — участки, точно рассчитанные и выделенные в собственность [1. С. 302–302]. Но на размежеванной территории оказывались и поля, не пригодные для земледелия и не получившие *divisio*.

После проведения ассигнации на *Ager Colonicus* занятыми оказывались не все единицы площади — центурии. Такие остатки от размежевания получили названия «*subsecivi*» — «отрезки». Свободной могла оказаться целая центурия или ее часть вследствие убыли получателей участков за период от их распределения до акта ассигнации. Основатель римской науки агрименуры,

Фронтин, полагал, что *subsecivī* возникали и на окраине пертики (территории колоний), и в ее центре (CAR. S. 8, 9; fig. 23). Его комментатор, автор IV в. н.э., Агенний Урбик считал, что площадь отрезков после *divisio* сохраняла статус *locus* как земля, не попавшая в ассигнацию (CAR. S. 33–34). Эту функцию *subsecivī* Ф. Хинрикс рассматривает как важнейшую для землепользования в кадастре [2. S. 84–85; 168–170]. Комментатор указал, что к *subsecivī* как *loci* невозможно применять *modus*; вместо этого определялась *latitudo*, указывавшая лишь на местоположение участков (CAR. S. 40). Это расширяет сведения Фронтинна, ограничивавшегося лишь указанием на сохранение за отрезками статуса *Publicus*. Возможные конфликты на таких полях оставались в сфере *iure ordinario* (CAR. S. 40; fig. 38). Само разбирательство получило статус *effectivī*, а все судопроизводство проводилось только после экспертизы менсоров. Вслед за Фронтином комментатор утверждал, что отрезки можно было рассматривать и как резерв для последующих ассигнаций [3. P. 40]. Но до проведения такой гражданской акции *subsecivī* служили на *Ager Colonicus* для развития владельческих отношений, в первую очередь для выпаса скота (CAR. S. 66). Л. Капогресси-Колоньези видел в этом отражение архаического этапа римской агрименсуры [4. P. 68–69].

Ius subsecivorum на Ager Colonicus

Для такого важного элемента на *Ager Colonicus* Август создал особое *ius subsecivorum*, позволившее рассматривать все земли, не попавшие в ассигнацию, как государственный резерв или как угодья для нового поселения (CAR. S. 62) [5. С. 155–156]. Подчеркивая общественную принадлежность отрезков внутри разделенного лимитами поля колонии, Гигин Старший указал, что на лимитах, ограничивавших *subsecivī*, термины ставить не обязательно (CAR. S. 96) [6. С. 134–142]. По мнению Ф. Хинрикса, это обстоятельство лишней раз указывало на их сущность как *loci*, составлявшую материальную базу будущих *possessiones* [2. S. 186]. Один от другого отрезки отделялись способом *locatio*; судопроизводство же по искам владельцев проводилось с использованием архаического глагола *litigo*, характерного для процесса *legis actio* [7. P. 64–65]. Землемеры считали, что в Италии вполне можно было обойтись и разбирательством по *iure ordinario* (CAR. S. 6). Агенний Урбик возражал, что в классический период *ius civile* уже не требовалось активное вмешательство магистрата для закрепления арендных отношений в провинциях (CAR. S. 61–64).

У землемеров определение этих важных элементов владельческих отношений проявилось лишь в агрименсорном плане. Так, хотя *subsecivī* и появились в результате *divisio*, границы посессионов на них определялись через *locatio* (CAR. S. 78) [8. P. 155–160]. Владение на отрезках были как индивидуальными, так и коммунальными; в любом случае они превращались в *agri vectigales* (CAR. S. 79) [9. P. 281].

Наиболее важным типом угодьев на отрезках стало «совместное пастбище» (*ager compascuus*). Землемеры рекомендовали ограничить число арендаторов четырьмя или пятью, но в этом случае, на таком угодье ставился термин с надписью — «*in modum compascuus*». Если же *compascuus* предназначался всем жителям колонии, то надпись гласила: «*tantum compascuus*» (CAR. S. 80). Так, *loci* согласно *ius subsecivorum* превращались в *possessiones* и составляли теперь категорию *argi vectigales* (CAR. S. 68, 116).

Гигин Младший указал еще на один вид *loci* в границах *Ager Colonicus*. Это было место «вне межевания» — *extra clusa* (CAR. fig. 128) [10. С. 56–57]. На окраинах размежеванного поля могли оставаться значительные площади пахотной земли, свободные от внутреннего *divisio*. Их границей были *limites*, *finis* и даже внешняя линия граница колонии — *linea finitima* (CAR. S. 161; fig. 129–130). Они составляли значительный резерв площади для государства (CAR. S. 164). Если *extra clusa* оказался на границе двух поселений, то в этом случае необходимо поставить термин с надписью, разъяснявшей права обеих общин (CAR. fig. 132). Положение же этой земли в агрименсуре считалось *arcifinius*. А. Рудорфф, и вслед за ним А. Бурдесе, считали именно *arcifinius* началом всей римской агрименсуры (SRF. II. S. 392) [11. P. 19].

«Уступление» как механизм создания *possessiones*

Землемеры уделяли внимание и самому акту, положившему начало процессу создания угодий со статусом *Publicus*, а именно «уступлению» — *concessus* (CAR. S. 164). Ф. Кей уместно замечает, что через *concessus* сохранялось право возврата уступленных земель в статус *Publicus* [9. P. 162]. Например, *subsecivi* могли быть «уступлены» самой колонией. Ее администрация распоряжалась судьбой «отрезков от межевания». Но, если надпись на терминах гласила «*Compascua Publica Iuliensium*» — то это означало уступление этого пастбища всем жителям колонии. Это показывало, что к отрезкам и пастбищам на них имели доступ все поселенцы; право же распоряжения этой площадью оставалось у государства (CAR. S. 165; fig. 134). Законы об уступлениях хранились в табулярии Цезаря, где собирались все документы о дарениях и уступлениях.

Гигин Младший считал, что Август, определив формулу для пахотной земли, шедшей в ассигнацию «*qua falx et arater ierit*», тем самым установил мировой порядок (CAR. S. 166). Было четко сформулировано, что к землям *culta* применяется *modus*, а к землям *inculta* — только *locatio*. На *agri divisi* каждый акцептор получал определенное количество югеров (CAR. S. 167). Эти сведения заносились на план межевания колонии (*forma*). Все же, что оставалось сверх *assignatio*, фиксировалось в этом документе, как *Publicus* (CAR. fig. 136a).

К категории *Publicus* относились реликтовые земли — *loci relictī*. Эти участки вполне подходили для индивидуального выпаса скота. По мнению А. Рудорффа, все древние *поссессионы* и возникли, в первую очередь, на реликтах (SRF. II. S. 252). Эту точку зрения разделял и А. Шультен, считавший, что *ius subsecivorum* формировалось прежде всего на реликтах [12. S. 2]. Однако Август распространил свое *ius subsecivorum* не только на реликты, но и на *extra clusa*, создав тем самым бóльшие возможности для владения за аренду. Контroversии о реликтах имели статус *iniectivi* — добавочный, что означало отсутствие экспертной оценки при распределении этих бросовых площадей [13. С. 62–63]. Ведь экспертиза менсоров не применялась для мест, использовавшихся по традиции регионов. А. Бурдесе напоминал, что реликты были самыми древними пастбищами [11. P. 39]. Они оказывались в разных пунктах *Ager Colonicus*, обеспечивая возникновение владений на *inculta*.

Но в мировом порядке римского землеустройства все же сохранялась некая неопределенность в праве использования *subsecivi*. Так, династия Флавиев вынуждена была устроить проверку всех категорий отрезков. Сначала император Веспасиан проверил *subsecivi* в Италии, пытаясь продать их для пополнения казны. Но, ситуация с ними была там запутана, что Веспасиан прекратил проверку в Италии и перенес ее в провинции. Домициан же просто подарил (*donavit*) *subsecivi* в Италии владельцам пахотных участков [14. С. 60–62]. Этот пример подчеркивает сложность ситуации при возникновении владельческих прав (CAR. S. 60, 96–97).

Во II в. н.э. в провинциях более важным являлось соотношение *immunes* и *vectigales*. *Immunes* — так в провинциях обозначались поля римских граждан, а вот *vectigales* могли зависеть от разных условий (CAR. S. 68). Все эти обстоятельства оговаривались в законах о выведении колоний при создании *поссессионов* за аренду. Так, после *divisio Ager Colonicus* все места, не попавшие в *assignatio*, рассматривались комиссией по выведению колоний с точки зрения *ius subsecivorum*.

Но, кроме этого, Фронтин упоминал и о владениях, основывавшихся только на священной клятве — *fides*. Он показал в *controversia de loco*, что разбирательство по этим *поссессионам* не опиралось на категорию *modus*. А. Линтотт считает, что подобные *поссессионы* создавались из *Ager Publicus* без участия магистрата [3. P. 37]. Граница же таких *loci* представляла собой естественные реперы: ровики, речки, отдельно стоящие деревья и даже разницу в обработке почвы (CAR. S. 5). Все землемеры единодушно определяют такое поле как «без измерений» (*arcifinius*) (CAR. S. 3, 6). Л. Капогросси-Колоньези считает, что именно с этой категории и началась вся римская агрименсура [15. P. 95]. Ведь в архаический период достаточно было *fides* для закрепления владения на *locus*. По мнению А. Линтотта, так выражалась *оскупация* на *Ager Publicus* [3. P. 36]. Следовательно, все разбирательство строилось на *iure ordinario* [11. P. 19].

Комментатор Фронтиня считал, что ранние *loci* всегда превращались в *pascua* (CAR. S. 33–34). Однако у землемеров *pascua* всегда шел в связке с *silva*. *Silva et pascua* — так называли ученые землемеры *possessio minus*, границей которого служили помеченные деревья (CAR. S. 34). Агенний Урбик напоминал, что такой *possessio* создавался еще по *Ius Quiritium* без вмешательства магистрата. Но в период действия формулярного процесса он уже имел статус *effectivi* и для удостоверения его площади была необходима экспертиза *менсоров* (CAR. S. 34–35).

Поясняя текст Фронтиня, Агенний Урбик утверждал, что «*controversia de possessione*» проводилась на *litigo*, но с преторской защитой по *interdictum* (CAR. fig. 38). Интересно, что комментатор в добавлении к тексту Фронтиня указал, что в его время *интердиктная* защита стала необходимой и для древних *possессионов*, и для тех, что возникали на *subsecivi* (CAR. S. 40). Справедливо отметил Э. Габба, что древние *possессионы* указывали скорее не на площадь участка, а на право его создания [16. S. 400].

Еще в древности объектом для *possессионов* становились «священные» места («*loci sacris et religiosis*»). Контroversия по ним проводилась без экспертизы *менсоров* (CAR. S. 47–48). В качестве примера комментатор привел длительное разбирательство между двумя общинами в Африке из-за участка, примыкавшего к храму. Этот пример показал, как аренда на этих *loci* предоставлялась на двадцать лет, что могло составить основание для *usucapio* (CAR. S. 61). Но и в имперское время эти *loci* сохраняли свои арцифинальные границы (CAR. S. 68). Гигин Старший показал, что сведения о нормах на количество ближайших соседей, имевших права на уголья, Август, скорее всего, заимствовал с *possessio minus* (CAR. S. 77).

Наиболее древний тип полей *vectigales* — это поля *дев-весталок*: *vectigalis ager virginum Vestae* (CAR. S. 77). Именно в этом случае комментатор объяснял, каким способом намечали участки в аренду. Это был способ *per extremitatem*, обозначавший измерение только по внешней границе (CAR. S. 79). После принесения *fides* священный участок сдавался в аренду на пять лет (CAR. S. 107). На границе всех *possессионов*, выраженных как *arcifinius*, ставились в качестве знаков груды камней, называемых *скорпионами* (CAR. S. 103, 106). Гигин Младший заявлял, что в имперский период арцифинальные границы древних *possессионов* вполне подтверждались и такими знаками (CAR. S. 106).

Заключение

Итак, владельческие отношения развивались с первых веков существования Рима. Наиболее древним типом владения было такое, что основывалось только на священной клятве — *fides*. Для патрицианской части общества это служило достаточным основанием реализации права *оскупatio*. О следах

древних посессионов пишут землемеры, авторы I–II вв. н.э. Подтверждение таких владений в имперский период требовало преторского акта — интердикта. Второй вид владений на землю развивался на *Ager Colonicus* после проведения *divisio*. На межевой сетке поля колонии отдельные центурии и их фрагменты могли не попасть в ассигнацию и сохранить свой статус — *Publicus*. Это были отрезки от межевания — *subsecivi*. Особое *ius subsecivorum* ввело в группу *Publicus* реликтовые земли и резервный массив — *extra clusa*. На них создавались пастбища для новопоселенцев; к этой же категории относились общественные леса и выгоны. Тем самым обеспечивалась материальная база посессионов, использовавшихся за аренду на *Ager Colonicus*.

Библиографический список

1. Гвоздева И.А. Поместье ветерана как категория римской агрименсуры // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. Т. 13. №3. 2021. С. 299–309.
2. Hinrichs F T. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen*. Wiesbaden, 1974.
3. Lintott A. *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic*. Cambridge, 1992.
4. Capogrossi-Colognesi L. *La struttura della proprietà e la formazione dei “iura praediorum” nell’età repubblicana*. V. 2. Milano, 1976.
5. Гвоздева И.А. *Ius subsecivorum* в агрименсуре и земельном праве Древнего Рима // Древний Восток и античный мир. М., 2012. Вып. 8. С. 149–166.
6. Гвоздева И.А. *Limitatio* — научно-техническая основа римской агрименсуры // Современный юрист. 2019. №4 (29). С. 134–142.
7. Compatangelo R. *Un cadastre de pierre. Le salento romaine: Paysages et structures agraires*. Paris, Les Belles Lettres, 1989.
8. Carvalho H.P., Clavel-Lévêque M. *Organisation cadastrale autour de Bracara Augusta, Braga (Portugal)* // *Dialogues d’histoire ancienne*. Vol. 34. №1. 2008. P. 155–160.
9. Kay Ph. *Rome’s economic revolution*. Oxford: Oxford univ. press, 2014.
10. Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А. *Ager extra clusus* — в правовом поле римского кадастра // Современный юрист. М., 2016. №4 (17). С. 53–62.
11. Burdese A. *Studi sull’Ager Publicus*. Torino, 1974.
12. Schulten A. *Die Lex Manciana, eine Africanische Domänenordnung*. Berlin, Wiedmannische Buchhandlung, 1897.
13. Гвоздева И.А. *Locus relictus* в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2016. №8 (140). С. 61–65.
14. Гвоздева И.А. Династия Флавиев и римский земельный кадастр // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., изд-во РУДН, 2014. №3. С. 58–66.
15. Capogrossi Colognesi L. *Le régime de la terre à l’époque républicaine* // *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques*. Colloque international, Besançon, 2–3 mai 1974. Paris, 1979. P. 313–388.
16. Gabba E. *Ager publicus* // *Die romische Feldmeßkunst*. Göttingen, 1992. S. 400.

References

1. Gvozdeva IA. *Pomest’ e veterana* kak kategorija rimskoj agrimensury [Veteran’s estate as a category of Roman agrimensora]. *RUDN Journal of World History*. 2021;(13)3:299–309. (In Russ.).
2. Hinrichs FT. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen*. Wiesbaden, 1974.
3. Lintott A. *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic*. Cambridge, 1992.

4. Capogrossi-Colognesi L. *La struttura della proprietà e la formazione dei “iura praediorum” nell’età repubblicana*. V. 2. Milano, 1976.
5. Gvozdeva IA. Ius subsecivorum v agrimensure i zemel’nom prave Drevnego Rima [Ius subsecivorum in agrimensura and the land law of Ancient Rome]. *Drevnij Vostok i antichnyj mir*. 2012;(8):149–166. (In Russ.).
6. Gvozdeva IA. Limitatio — nauchno-tehnicheskaja osnova rimskoj agrimensury [Limitatio — scientific and technical basis of the Roman agrimensura]. *Sovremennyj jurist*. 2019; (29)4 :134–142. (In Russ.).
7. Compatangelo R. *Un cadastre de pierre. Le salento romaine: Paysages et structures agraires*. Paris, Les Belles Lettres, 1989.
8. Carvalho HP, Clavel-Lévêque M. Organisation cadastrale autour de Bracara Augusta, Braga (Portugal). *Dialogues d’histoire ancienne*. 2008;34(1):155–160.
9. Kay Ph. *Rome’s economic revolution*. Oxford: Oxford univ. press, 2014.
10. Gvozdeva IA, Gvozdeva TB. Ager extra clusus — v pravovom pole rimskogo kadastra [Ager extra clusus — in the legal field of the Roman cadastre]. *Sovremennyj jurist*. 2016;17(4) :53–62. (In Russ.).
11. Burdese A. *Studi sull’Ager Publicus*. Torino, 1974.
12. Schulten A. *Die Lex Manciana, eine Africanische Domänenordnung*. Berlin, Wiedmannische Buchhandlung, 1897.
13. Gvozdeva IA. Locus relictus v zemel’nom prave Drevnego Rima [Locus relictus in the land law of Ancient Rome]. *Agrarnoe i zemel’noe pravo*. 2016;8(140): 61–65. (In Russ.).
14. Gvozdeva IA. Dinastija Flaviev i rimskij zemel’nyj kadastr [The Flavian Dynasty and the Roman Land Registry]. *Vestnik RUDN. Serija: Vseobshhaja istorija*. 2014; (3):58–66. (In Russ.).
15. Capogrossi Colognesi L. Le régime de la terre à l’époque républicaine. *Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. Colloque international, Besançon, 2–3 mai 1974*. Paris, 1979, p. 313–388.
16. Gabba E. Ager publicus. *Die romische Feldmeßkunst*. Göttingen, 1992. S. 400.

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, ФГОБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, e-mail: innagvozdeva@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6075-9033

Information about the author:

Gvozdeva Inna Andreevna — PhD in Historical Sciences in Lomonosov Moscow State University, e-mail: innagvozdeva@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6075-9033

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-297-307

Научная статья / Research article

Ager exseptus и fundi exsepti: к вопросу о социальном значении «исключенных» полей

В.А. Конюхов ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1
✉ vladimir.konukhoff@yandex.ru

Аннотация. Обсуждаются существующие в историографии концепции относительно ager exseptus — земельной категории, фигурирующей в аграрном законе 111 г. до н.э. Данные этого закона используются в том числе и для реконструкции гракханского аграрного законодательства, в особенности инициатив младшего из братьев, Гая. Среди всех гипотез относительно сущности ager exseptus автор выделяет как наиболее аргументированную ту, что выдвинул еще Т. Моммзен: по мнению последнего, ager exseptus — это, прежде всего, кампанское поле, ager Campanus. Об ager Campanus как материальной основе «исключенных» полей говорит и В.Г. Тельминов, хотя и на других основаниях, нежели Т. Моммзен. Весьма привлекательной является идея о том, что исключены из раздела были поля италийских союзников, однако данные аграрного закона 111 г. до н.э. не подтверждают эту идею Ф.Т. Хинрихса. Показана разница между ager exseptus аграрного закона 111 г. до н.э. и fundi exsepti, о которых упоминают римские землемеры. Автор в связи с этим критикует концепцию французского исследователя К. Николе, предположившего, что ager exseptus мог быть механизмом формирования крупной земельной собственности, а следовательно, способствовать ухудшению социального климата в римском обществе. Автор статьи показывает, что К. Николе опирался на данные лишь одного из землемеров, Сикула Флакка, хотя информация Гигина Громатика выглядит и более полной, и более достоверной. Отмечена социальная роль земель ager exseptus и fundi exsepti.

Ключевые слова: ager exseptus, fundi exsepti, Гракхи, аграрный закон 111 г. до н.э., римские землемеры

История статьи: Поступила в редакцию: 19.02.2022. Принята к публикации: 28.03.2022.

Для цитирования: Конюхов В.А. Ager exseptus и fundi exsepti: к вопросу о социальном значении «исключенных» полей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 297–307. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-297-307>

© Конюхов В.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ager exceptus and fundi excepti: on the question of social significance of «excluded» fields

V. A. Konyukhov ✉

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory St, Moscow, Russian Federation, 119991
✉ vladimir.konukhoff@yandex.ru

Abstract: The article discusses the concepts existing in historiography regarding ager exceptus, a land category that appears in the agrarian law of 111 BC. The data of this law are used, among other things, for the reconstruction of the Gracchan agrarian legislation, in particular the initiatives of the youngest of the brothers, Gaius. Among all the hypotheses regarding the essence of ager exceptus, the author singles out as the most reasoned the one put forward by T. Mommsen: according to the latter, ager exceptus is, first of all, a Campanian field, ager Campanus. V.G. Telminov also speaks of ager Campanus as the material basis of “excluded” fields, although on other grounds than T. Mommsen. The idea that the fields of the Italian allies were excluded from the division is very attractive, however, the data of the agrarian law of 111 BC do not support this idea of F.T. Hinrichs. There is shown the difference between the ager exceptus of the agrarian law of 111 BC and fundi excepti, which are mentioned by Roman surveyors. In this regard, the author criticizes the concept of the French researcher C. Nicolet, who suggested that ager exceptus could be a mechanism for the formation of large landed property, and, consequently, contribute to the deterioration of the social climate in Roman society. The author of the article shows that C. Nicolet relied on the data of only one of the surveyors, Siculus Flaccus, although the information of Hyginus Gromaticus looks both more complete and more reliable. The social role of the lands ager exceptus and fundi excepti is noted.

Keywords: ager exceptus, fundi excepti, Gracchi, agrarian law of 111 BC, Roman land surveyors

Article history: Received: 19.02.2021. Accepted: 28.03.2022.

For citation: Konyukhov VA. Ager exceptus and fundi excepti: on the question of social significance of «excluded» fields. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):297–307. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-297-307>

Введение

Ager exceptus — это некая категория земель, фигурирующая в эпиграфическом аграрном законе 111 г. до н.э. в составе устойчивой формулы «...extra eum agrum quei ager ex lege plebeieue scito quod C(aius) Sempronius Ti(berii) f(ilius) tr(ibunus) pl(ebis) rog(auit) exceptum cauitumue est nei diuideretur» (далее для краткости fEX). Трижды эта формула встречается в сохранившемся тексте данного закона и еще пять раз она реконструируется с разной степенью надежности. Кроме того, об excerpta и fundi excerpti упоминают римские землемеры I–II вв. н. э.

Прежде чем исследовать вопрос о сущности «исключенных» полей, причинах их изъятия и последствиях, следует кратко рассмотреть характер аграр-

ного законодательства Гая Гракха в целом. Дело в том, что именно пассажи с fEX являются одним из немногих источников для реконструкции аграрного законодательства Гая Гракха. В отличие от старшего брата, с чьим именем связаны прежде всего аграрные реформы (Plut. Comparatio Agidis et Cleomenis cum Tib. et G. Graccho, II, 1), Гай в источниках описывается как инициатор целого ряда различных мероприятий (обеспечение плебса продовольствием, судебный закон, мероприятия, связанные с поддержанием дорожной сети), среди которых продолжение аграрных реформ занимало некое не вполне определенное — прежде всего из-за разногласия тех же источников — место. Разноречие источников касается уже самого факта «обновления» младшим Гракхом аграрного закона (или законов) Тиберия. В перипетиях Тита Ливия об этом имеется прямое упоминание, однако у Плутарха и Аппиана подобных свидетельств нет. В этом причина давней дискуссии среди исследователей о том, был ли Гай Гракх продолжателем дела своего брата или же его реформы носили совершенно иной характер.

Возникает закономерный вопрос: а какие земли могли быть исключены из сферы действия гракханской аграрной реформы, инициированной Тиберием, через 10 лет после ее начала, а затем еще примерно через 10 лет утверждены в своем статусе «исключенных из раздела» в LA111aC (так мы сокращаем словосочетание *lex agraria 111 ante Christo*)? С одной стороны, логично предположить, что эти земли и так не были затронуты ею за истекшее первое десятилетие, поскольку *cauitus nei diuideretur* может касаться, по нашему мнению, только той земли, что не подвергалась процедуре *diuisio*, так как трудно представить себе некий процесс обращения вспять данной процедуры, когда уже размежеванная земля вновь переходит в категорию неподеленной¹. С другой стороны, Гаю Гракху по какой-то причине понадобилось эксплицитно выразить в правовой норме исключение данных земель из сферы действия аграрной реформы (*diuisio* мы понимаем, вслед за другими исследователями, как ее неотъемлемый компонент). Наконец, Закон 111 года подтвердил особое положение этих земель, также изъяв их из-под действия некоторых своих предписаний.

Правда, некоторые исследователи (в частности, М. Кроуфорд [1. P. 154]) предполагают, что эксцепции, сделанные младшим Гракхом — причем эксцепции множества разнообразных типов полей — лишь расширяют ряд исключений, предусмотренных законом его старшего брата, однако такой взгляд представляется нам чисто спекулятивным. Этому взгляду до некоторой степени противостоит другой, выраженный Р. В. Лапыренком, полагающим, что исключены из раздела были как раз земли, уже затронутые аграр-

¹ Переход *ager quaestorius* на положение *ager occupatorius*, о котором идет речь у Гигина Старшего и Сикула Флакка [10. S. 79, 115], связан с давностью аренды (речь может идти о многих десятилетиях), сопровождавшейся разного рода земельными операциями (*emendo uendendoque aut cambiando mutuandoque*), что и предопределило впоследствии смешение «проданных» квесторами земель с оккупированными в силу нечеткости сохранившихся границ.

ными мероприятиями Тиберия и именно такая их эксцепция могла быть, с одной стороны, проявлением компромиссной позиции Гаю в условиях напряженных отношений с сенатом [2. С. 233–234], с другой — причиной того, что младший Гракх переключился с раздела *ager occupatorius*, на что были направлены усилия Тиберия, на колонизационную программу в Италии и за ее пределами.

Не претендуя на окончательное разрешение этого клубка проблем, хотим лишь отметить, что, по нашему мнению, несмотря на явно несколько отличные подходы к разрешению аграрного кризиса, продемонстрированные Гаем Гракхом (выведение колоний) в сравнении со своим старшим братом (виританские ассигнации), трудно предположить (как это делает Р. В. Лапыренко), что базой для всех аграрных мероприятий могли быть иные земли, нежели оккупированный гражданами либо союзниками *ager publicus*². Посему мы предполагаем, что именно здесь стоит искать те категории земель, которые были изъяты Гаем Гракхом из-под действия аграрных мероприятий триумвиров³.

Сущность *ager exceptus*: спектр мнений исследователей

Изъятые поля, упоминаемые в тексте аграрного закона 111 г., оказывались таковыми в соответствии с законом или плебисцитом, о чем недвусмысленно говорится там же. Возникает вопрос: по какому критерию могли быть выделены в этих несохранившихся законах и плебисцитах поля, исключаемые из межевания? Обзорение существующих в историографии мнений позволяет выделить три (В. Тельминов [3. С. 98 слл.] выделяет лишь две гипотезы, что, на наш взгляд, далеко не полно отражает существующий в историографии спектр мнений) основные идеи:

- либо это были земли определенных хозяйственно-правовых категорий, составлявшие крупные массивы на территории Италии (прежде всего — но не только — *ager censorius*) [4. S. 105; 5, P. 242, n. 76];

² В этом контексте особенно любопытным выглядит вопрос о том, подразумевался ли под *fQAPPR* лишь *ager occupatorius* эпохи Тиберия, к чему нас склоняет, например, повествование Аппиана об аграрной политике старшего Гракха. В этом случае исключение Гаем из раздела земель иных, нежели *agri occupatorii*, категорий не может быть расценено иначе как свидетельство резкого поворота в его аграрной политике; при этом справедливым будет и обратный вывод. Однако же уже упомянутое отсутствие иной материальной базы для аграрной реформы делает подобные суждения по меньшей мере небесспорными.

³ Не исключено даже, что речь могла идти об изъятии из раздела тех земель, что не были пригодны для сельскохозяйственного (в частности, земледельческого) использования по своим функционально-техническим характеристикам, хотя серьезной проблемой для такого подхода представляется стабильное использование термина *ager* для обозначения исключенной из раздела территории.

- либо речь шла о землях определенных хозяйственно-правовых категорий, рассеянных по территории Италии и не составлявших крупных массивов [6. С. 16];
- либо это были участки, принадлежавшие определенному кругу владельцев [7. S. 254 ff.];

Первая концепция появилась рано, уже Моммзен [4. S. 178 — 179] писал о том, что к числу «исключенных полей» мог принадлежать *ager Campanus*, ссылаясь на косвенные свидетельства Цицерона [Cic. De lege agr. (contra Rullum) II, XXIX, 81] и Грания Лициниана [Gran. Licin. Fragm., XXVIII, 36] (ср. свидетельство Диона Кассия [Dio Cass. Hist. Rom., XXXVIII, 7, 3] о том, что в 59 г. на территорию Капуи впервые была выведена колония). Развитие идеи Моммзена получили в трудах А. Бурдеше, который включил в число *excerpti* не только *ager censorius*, находившийся на Кампанском поле, но и *ager quaestorius*, а также *ager compascuus* [8. P. 92 — 93]. Моммзену следуют Э. Линтотт, определяющий в своем списке земельных категорий из LA111aC исключенное поле как *ager censorius* [9. P. 238], и С. Т. Розелаар [5. P. 242, n. 76].

Ж. Каркопино и Й. Гелер несколько видоизменили эту идею: по их мнению, изъятие крупных территорий из распределения проводилось Гаем Гракхом с целью сохранения этих земельных ресурсов и выведения в дальнейшем на эти земли новых колоний (Гелер предполагал наличие у Гая Гракха намерения вывести колонию и на *ager Campanus*). Эта концепция была раскритикована уже А. Бурдеше и Ф.Т. Хинрихсом. По мнению последнего, вышеизложенную интерпретацию делает практически невозможной упоминание в строках 21–23 Аграрного закона 111 года рядом с *fEX* в том числе и колоний [7. S. 257. Anm. 11]. Критические замечания Хинрихса в адрес Каркопино поддерживает и Р.В. Лапыренок [2. С. 158].

Однако недавно концепция Ж. Каркопино была поддержана итальянским исследователем С. Сизани, который, однако фактически не предложил новых убедительных аргументов в пользу концепции Ж. Каркопино об *excerpti* как о землях, изъятых с целью выведения на них колоний. Можно заметить, что стр. 21 — 23 аграрного закона остаются своего рода пробным камнем для концепций, предпринимающих попытки объяснить сущность *ager locusue excerptus*.

Отдельные исследователи (в частности, Т.Г. Мякин), придерживаются мнения о том, что *excerpti*, о которых говорится в LA111aC, были землями некоторых разнородных хозяйственно-правовых категорий, рассеянными по территории Италии и не составлявшими крупных массивов, а именно: а) землями *uasieis uicaneis* и б) итальянских общин (к каковым землям Т.Г. Мякин почему-то причисляет также *ager in trientabulis*); в) совместными пастбищами колоний (*ager compascuus*); г) землями святилищ и кладбищ, а также д) некоторыми «зарезервированными» участками на территории колоний (*itinea*,

uiae, ductus, etc.). Впрочем, нужно отметить, что данный список из разных категорий во многом напоминает тот, что приводит Кроуфорд [1. P. 157]. В конечном счете, и список Кроуфорда, и список Мякина исходят из той посылки, что в категорию *excerptus* вошел весь тот *ager publicus*, что оказался незатронутым аграрной реформой и остался в таковом статусе в постгракханскую эпоху (по крайней мере, на некоторое время). В качестве доводов приводятся, во-первых, одно из определений *excerptus*, имеющееся в трактате Сикула Флакка «*De condicionibus agrorum*» [10. S. 121] («надписываются также и исключенные (поля), которые руководитель разделения и раздачи или для себя сохранил, или уступил другому» — *inscribuntur quaedam EXCEPTA, quae aut sibi reseruauit auctor diuisionis et assignationis, aut alii concessit*), а во-вторых, то обстоятельство, что в тексте LA111aC слово *ager*, по мнению Т.Г. Мякина, используется только в значении сравнительно небольшого участка земли, а не крупного географического массива плодородных земель.

Определенные критические замечания в адрес этой концепции высказал в своей работе В.Г. Тельминов, подвергший сомнению правомерность приравнивания формы (а вслед за ней — и категории) *excerptus* в тексте LA111aC к таковой у Сикула Флакка на основании грамматической нетождественности их друг другу [3. С. 103]. Сомнения в том, что в категорию *excerptus* могли входить земли *ager comparscius*, высказывает Р.В. Лапыренко: по его мнению, непригодность данных земель для распашки и так гарантировала то, что они не будут привлечены к разделу и ассигнации [2. С. 166]. Что касается земель, принадлежавших *uiasii uicani*, то реконструкция С. Сизани прямо противоречит включению их в состав *excerpti*.

С нашей точки зрения, подобная критика позиции Т.Г. Мякина вполне закономерна. Сближение и даже отождествление *ager excerptus* в LA111aC с *excerpta* у Сикула Флакка само по себе нуждается в обосновании: стоит вспомнить о значительном интервале между гракханской и постгракханской эпохой, с одной стороны, и временем создания Сикулом Флакком своего труда, с другой. Кроме того, Т.Г. Мякиным совершенно не принимаются в расчет данные трактата Гигина Громатика «*Constitutio limitum*», где также идет речь о землях *excerpti*. Однако даже в том случае, если бы мы закрыли глаза на эти вопросы, со всей необходимостью возник бы иной: а каким, собственно, образом указанный фрагмент из трактата Сикула Флакка подтверждает включение названных выше категорий земель, преимущественно общинных, в категорию *excerptus*? Трудно сомневаться в том, что многие из этих категорий земель не входили в юрисдикцию колонии, а употребление словосочетания «*sibi reseruauit*» в тексте Сикула Флакка едва ли сочетается с «общинной» трактовкой *excerpta*, равно как и с включением в число исключенных земель святылиц и кладбищ, о чем пишет Т.Г. Мякин [6. С. 16].

Главнейшим представителем третьей группы концепций следует назвать Ф.Т. Хинрихса, который попробовал поместить вопрос в плоскость социальных

отношений в римском (в широком смысле) обществе. Исследователь справедливо подметил, что действия Гая Гракха в аграрной сфере в пору его трибуната отнюдь не вызвали такого сопротивления италийских союзников, какое засвидетельствовано в источниках в отношении действий аграрной комиссии в первое пятилетие после начала гракханских преобразований и привело в 129 г. к лишению аграрной комиссии судебных полномочий. Тот факт, что в 123–122 гг. италийские союзники Рима никоим образом не противодействовали плану Гая Гракха, по мнению Ф.Т. Хинрихса, следует объяснять проведением им закона, изымавшего земли союзников из сферы действия аграрной комиссии [7. S. 256]. Именно на этот закон (или законы) и ссылается в соответствующих местах LA111aC. При этом такое изъятие отнюдь не освобождало эти земли от возможной конфискации в будущем, поскольку они сохраняли свой статус *ager publicus* и оставались у союзников в прекарном владении, которое могло быть отнято Римом в любой момент [7. S. 257, Anm. 11].

Выглядящая внешне логичной и имеющая сильные стороны (например, ее косвенным подтверждением служит тот факт, что некоторый объем римской общественной земли сохранялась у союзников и в 91 г. до н. э.), гипотеза Хинрихса страдает, однако достаточно заметными слабостями, из-за которых К. Йоханнсен, Э. Линтотт и Р.В. Лапыренко подвергли его концепцию серьезной критике. Они полагают, что концепция Хинрихса не может удовлетворительно объяснить отсутствие *fEX* в некоторых строках LA111aC, в частности, в 15, 16, 21, 29, 33 [2. С. 161, сн. 360]. Однако, по мнению К. Йоханнсен, отсутствие острой реакции союзников на мероприятия младшего Гракха может объясняться предоставлением незаконным оккупациям союзников правового статуса, что уже могло быть для них достаточной компенсацией [11. S. 199]. Наконец, значительная часть земель союзников, по мнению исследовательницы, уже была конфискована, размежевана и распределена *igitim*, и обратное изъятие в этом случае представляется крайне маловероятным, а *commutatio* должна была найти отражение в LA111aC.

С. Сизани, признавая сам факт лояльного отношения *socii nominisue Latini* к аграрным мероприятиям Гая Гракха, предпочитает объяснять его иначе, постулируя распространение на италийских союзников нормы о максимуме земельных владений на *ager publicus populi Romani* благодаря закону (или законам) младшего Гракха, тогда как аграрное законодательство Тиберия — и в частности, норма о земельном максимуме — касалось, по мнению Сизани, только римских граждан. При этом, как считает данный исследователь, владения союзников на *ager publicus populi Romani* триумвиры первого пятилетия изымали полностью [12. P. 107].

Особняком в ряду исследователей, предлагавших свою трактовку «исключенных полей», стоит В.Г. Тельминов, который предпринял попытку синтезировать разнородные мнения в оригинальном ключе. Исходя из результатов своего исследования «Сентенции братьев Минуциев», показавшего наличие сложной

многоуровневой системы землевладения и землепользования в Лигурии конца II в. до н. э., этот автор предположил, что «исключенные поля» действительно представляли собой крупные земельные массивы, принадлежавшие магнатам, но в то же время в заметной своей части переданные в аренду мелким зависимым арендаторам-общинникам. Именно нежелание вызвать недовольство этих последних и заставило, по мнению В.Г. Тельминова, Гая Гракха исключить такие земли из сферы действия аграрной комиссии [3. С. 106 — 107]. В то же время исследователь не приводит каких-либо конкретных примеров таких земель, за исключением пресловутого *ager Campanus* [3. С. 108].

Социальное измерение *ager exceptus*: концепция К. Николе

Говоря об исключенных полях и трактовке этого понятия в исследовательской литературе, нельзя пройти мимо одного сюжета. Известный французский исследователь К. Николе в своей статье, посвященной сумптуарному законодательству в Древнем Риме [13], попытался представить одно из упоминаний *excepti* у Сиккула Флакка как свидетельство концентрации земельных владений в Древнем Риме II в. до н. э. и политики, направленной против такой концентрации. Рассматривая *agri occupatorii* в более чем традиционном ключе [ср. App. Bell. ciu., I, 7] как незаконные захваты общественного достояния богатыми и влиятельными лицами, Николе указывает на недостаточную освещенность в источниках как взаимосвязи аграрного вопроса в поздней Республике с прочими сторонами социально-экономической структуры (различение понятий частного и общественного, связи типа «клиент-патрон», аграрный вопрос и проблемы с набором в римскую армию и пр.), так и конкретных процессов развития аграрного кризиса. И тем больший энтузиазм у французского исследователя вызвали данные Сиккула Флакка о том, что «надписываются и ИЗЪЯТЫЕ (участки), которые руководитель раздела и ассигнации земли или сохраняет за собой, или уступает другому» (*Inscribuntur quaedam EXCEPTA quae aut sibi reseruauit auctor diuisionis et assignationis aut alii concessit*) [10. S. 121]. По мнению Николе, это позволяет говорить о совершенно легальном способе захвата значительного количества земли магистратами, ответственными за выведение колоний, и виританских ассигнаций, причем не только для себя, но и для своих родственников и друзей («*alii concessit*»); и это не говоря о том, что, по мысли исследователя, выведение колоний и так было благодатной почвой для упрочения и серьезного расширения клиентелы таких магистратов. А легальность данной практики делала ее неподвластной регулированию позднереспубликанскими аграрными законами, что и превращало, по мнению Николе, такую эксцепцию в некий механизм перераспределения земель и формирования крупной земельной собственности.

Изложив свою идею, французский исследователь указал на необходимость ее верификации с помощью соответствующих просопографических и региональных исследований. Не предпринимая подобных штудий, мы, однако должны указать на то, что К. Николе произвольным образом привлек лишь одно из имеющихся у агрименсоров свидетельств об *excerpti*, причем наиболее проблематичное. Кроме того, масштабы выведения колоний в догракханскую эпоху не были столь значительными (а в середине II в. до н. э. римская колонизация Италии вообще приостановилась), чтобы привести к формированию по-настоящему крупной земельной собственности, поэтому *excerptus* не мог быть тем механизмом, о котором пишет Николе. Далее, сомнения вызывает правомерность отнесения данных землемеров на столь большую временную глубину, ведь основным объектом описания агрименсоров был земельный кадастр, созданный в значительной степени в эпоху Августа.

Если говорить об агрименсорах, то не только Сикул Флакк упоминает об *excerpta*. Пассаж, посвященный *fundi excerpti* у Гигина Громатика, дает следующую информацию: «мы обозначим границы участков *excerpta* или *concessa* и надписями на планах обозначим (их), как и *loca publica*. Так же покажем и участки *concessos*... Ведь в ассигнациях божественного Августа участки *excerpti* и *concessi* имеют разный статус. *Excerpti* — участки заслуженных (лиц), так что в целом находятся в сфере частного права и не обязаны колонии никакой повинностью, но находятся на земле римского народа» (*Eadem ratione terminabimus fundos excerptos siue concessos, et in forma sicut loca publica inscriptionibus demonstrabimus. Concessos fundos aequè similiter ostendemus... in adsignationibus enim diui Augusti diuersas habent condiciones fundi excerpti et concessi. excerpti sunt fundi bene meritorum, ut in totum priuati iuris essent, nec ullam coloniae munificentiam deberent, et essent in solo populi Romani*) [10. S. 160]. По мысли Б. Кэмпбелла, *fundi excerpti*, описанные у Гигина Громатика, представляли собой своего рода анклав общественной земли, находившиеся вне юрисдикции колонии, причем такие *fundi* могли быть возвращены *populo Romano* после смерти владельца как *bona uacantia* [14. P. 394]: пример этого мы, вероятно, можем видеть в рассказе о некоторых ветеранах Цезаря, получивших свои участки в колониях, но позже погибших в ходе гражданских войн, причем полученные ими земли были переданы Августом другим ветеранам. Что касается персон *tex bene meriti*, о которых пишет Гигин Громатик, получавших такие «исключенные поля», то это могли быть, по мнению Кэмпбелла, либо близкие соратники Августа, либо влиятельные и богатые представители местной элиты [14. P. 395; ср. также: *Dio Cass. Hist. Rom., XLVIII, 8*].

Французские издатели «*Corpus agrimensorum Romanorum*» полагают, что коренное различие между категориями земель *fundi excerpti* и *fundi concessi* (те и другие были *publicus*), состояло в их юридическом статусе — вторые подпадали под юрисдикцию колонии и с них ее администрацией, по-видимо-

му, взимался налог, тогда как статус первых изначально был сходен с таковым частных провинциальных земель, право собственности на которые принадлежало «императору или римскому народу» [ср.: Gai. Inst., II, 7], а владелец мог быть посессором или узуфруктуарием [15. P. 121, n. 101].

Подводя итог, можно сказать, что под *fundus* у Гигина Громатика с большой вероятностью подразумевалось имение, изъятое у прежнего владельца как единое целое, со строениями и границами. *Concessus* такое имение становилось в случае его уступления какому-либо лицу на правах владения или узуфрукта с сохранением его под юрисдикцией колонии. *Excerptus* такое имение становилось, если было выведено из-под *ius coloniae*, оставаясь *publicus roruli Romani*, а не *rei publicae coloniae*. Так или иначе, все данные об *excerpta*, имеющиеся у агрименсоров, указывают на эпоху Августа как на период и на кадастр Августа как контекст, в котором эта категория земель существовала. Экстраполяция же во II в. до н. э., как это делает К. Николе, выглядит ничем не подкрепленной.

Заключение

Заключая, можно сказать, что *ager excerptus* гракханской эпохи наиболее резонно вслед за Т. Моммзеном отождествить с *ager Campanus*. В таком случае его социальное значение состояло как в обеспечении определенной финансовой безопасности Римской республики, о чем, к примеру, пишет Цицерон, так и в формировании материальной основы для существования определенного социального слоя — зажиточных арендаторов общественного поля, а также более мелких субарендаторов. И то, и другое обеспечивало социальное спокойствие и лояльность значительной доли римских граждан своей общине. Что же касается *fundi excerpti* эпохи Августа и позднее, то их функция была иной — выделять отличившихся тем или иным образом лиц, стимулируя их материальными благами, а также иммунитетом по отношению к администрации колонии.

Библиографический список

1. Crawford M. Roman Statutes (BICS Supplement 64). L., 1996. Vol. I.
2. Лапыренко Р.В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М., 2016.
3. Тельминов В.Г. Реформаторская деятельность Гая Гракха: Канд. дисс. М., 2018.
4. Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. 1. Berlin, 1905. S. 65 — 145.
5. Roselaar S.T. Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of *Ager Publicus* in Italy, 396 — 89 BC. Oxford, 2010.
6. Мякин Т.Г. Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения): статья вторая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 11 — 18.
7. Hinrichs F.T. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 83. 1966. S. 252 — 307.

8. *Burdese A. Studi sull'ager publicus*. Torino, 1952.
9. *Lintott A. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. A new edition with translation and commentary of laws from Urbino*. Cambridge, 1992.
10. *Thulin C. (ed.). Corpus agrimensorum Romanorum (=CAR (Th.))*. Lipsiae, 1913.
11. *Johannsen K. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar*. München, 1971.
12. *Sisani S. L'ager publicus in età graccana (133 –111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica*. Roma, 2015.
13. *Nicolet C. Économie, société et institutions au IIe siècle av. J.-C.: de la lex Claudia à l'ager exceptus // Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 35e année, 1980, N. 5. p. 871 — 894.
14. *Campbell B. The Writings of the Roman Land Surveyors*. London, 2000.
15. *Hygin l'Arpenteur. L'établissement des limites (=Hyginus Gromaticus. Constitutio limitum)*. Naples, 1996.

References

1. Crawford M. *Roman Statutes (BICS Supplement 64)*. L., 1996. Vol. I.
2. Lapyrenok RV. *Nasledie agrarnogo zakona Tiberija Grakha: zemel'nyj vopros i politicheskaja bor'ba v Rime 20-h gg. II v. do n. e.* [The legacy of the agrarian law of Tiberius Gracchus: the land issue and the political struggle in Rome in the 20s. 2nd century BC]. Moscow, 2016. (In Russ.).
3. Tel'minov VG. *Reformatorskaja dejatel'nost' Gaja Grakha: Kand. diss.* [Telminov V.G. Reform activities of Gaius Gracchus]. Moscow, 2018. (In Russ.).
4. Mommsen Th. *Gesammelte Schriften*. Bd. 1. Berlin, 1905, p. 65 — 145.
5. Roselaar ST. *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396 — 89 BC*. Oxford, 2010.
6. Mjakin TG. *Grakhi i narod (k ideologii grakhanskogo dvizhenija): stat'ja vtoraja [Gracchi and the people (on the ideology of the Gracchane movement): article two]. Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. 2010; 9 (1):11–18. (In Russ.).
7. Hinrichs FT. *Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1966;(83):252–307.
8. *Burdese A. Studi sull'ager publicus*. Torino, 1952.
9. *Lintott A. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. A new edition with translation and commentary of laws from Urbino*. Cambridge, 1992.
10. *Thulin C. (ed.). Corpus agrimensorum Romanorum (=CAR (Th.))*. Lipsiae, 1913.
11. *Johannsen K. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar*. München, 1971.
12. *Sisani S. L'ager publicus in età graccana (133 –111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica*. Roma, 2015.
13. *Nicolet C. Économie, société et institutions au IIe siècle av. J.-C.: de la lex Claudia à l'ager exceptus. Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1980;35(5): 871–894.
14. *Campbell B. The Writings of the Roman Land Surveyors*. London, 2000.
15. *Hygin l'Arpenteur, L'établissement des limites (=Hyginus Gromaticus. Constitutio limitum)*. Naples, 1996.

Информация об авторе:

Конюхов Владимир Александрович — аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: vladimir.konukhoff@yandex.ru

Information about the author:

Konyukhov Vladimir Alexandrovich — postgraduate student, Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, e-mail: vladimir.konukhoff@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РИМСКОГО МИРА THE CIVIC IDENTITY OF THE ROMAN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327

Научная статья / Research article

«Любовь к отечеству» и гражданская идентичность в дискурсе латинских и греческих надписей

А.В. Махлаюк

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
 makhl@imomi.unn.ru

Аннотация. На материале греческой и латинской эпиграфики рассматриваются основные особенности гражданской идеологии, которые связаны с понятием «любовь к отечеству» (*philopatria*, *amor patriae* и их производные). Соответствующие категории, зачастую эмоционально окрашенные, широко использовались для характеристики добродетелей и мотивов поведения городских элит, выступавших в качестве эвергетов. Лексический и контекстуальный анализ надписей показывает, что гражданский патриотизм греческих городов вполне уживался с политической лояльностью римской власти и персонально правящим императорам. И в греческих, и в латинских надписях явно или подспудно присутствует имперский контекст. В первых он особо подчеркивается титульными наименованиями, указывающими на «любовь» к императорам и Риму (*φιλόκαισαρ*, *φιλοσεβαστος*, *φιλωρῳμαιος*). В западных же провинциях и Италии в таких прямых указаниях, очевидно, не было особой нужды. Есть все основания полагать, что там, в городских общинах, состоявшихся из римских граждан, сохранялось чувство причастности двум родинам, как их определил Цицерон: Риму как *communis patria / patria civitatis (iuris)* и отечеству по природе и местности (*patria naturae / loci patriae*). В прочих же аспектах сравнение дискурса греческих и латинских надписей обнаруживает прямые параллели и совпадения в базовых ценностных установках, обусловленных сохраняющимся гражданско-общинным (полисным) характером городов Римской империи.

© Махлаюк А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гражданская идентичность, патриотизм, гражданство, эвергетизм, *philopatria*, *amor patriae*, греческая и латинская эпиграфика

История статьи: Поступила в редакцию: 03.03.2022 Принята к публикации: 30.03.2022

Для цитирования: Махлаюк А.В. «Любовь к отечеству» и гражданская идентичность в дискурсе латинских и греческих надписей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 308–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327>

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00099 «Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в пост-классическое время: правовые основы, практики, дискурсы».

“Love for the Fatherland” and civil Identity in the discourse of Latin and Greek inscriptions

A. V. Makhlaiuk

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Russia, 603950
 makhla@imomi.unn.ru

Abstract. Based on Greek and Latin epigraphy, the article examines the main features of civil ideology associated with the concept of “love of the fatherland” (*philopatria*, *amor patriae* and their derivatives). The corresponding categories, often emotionally colored, were widely used to characterize the virtues and behavioral motives of urban elites who acted as *evergetai*. The lexical and contextual analysis of the inscriptions shows that the civic patriotism of the Greek cities coexisted quite well with the political loyalty to the Roman authorities and ruling emperors. In both Greek and Latin inscriptions, there is an explicit or implicit imperial context. In the former, it is especially emphasized by title names indicating “love” for emperors and Rome (φιλόκαισαρ, φιλοσέβαστος, φιλωρώματος). In the western provinces and Italy, there was obviously no particular need for such direct references. It is reasonable to believe that there, in urban communities consisting of Roman citizens, a sense of belonging to two homelands, as Cicero defined them, remained: Rome as *communis patria* / *patria civitatis* (*iuris*) and the fatherland by nature and locality (*patria naturae* / *loci patria*). In other aspects, however, a comparison of the discourses of Greek and Latin inscriptions reveals direct parallels and coincidences in the basic value orientations, due to the remaining civil-communal (*polis*) character of the cities of the Roman Empire.

Keywords: civic identity, patriotism, citizenship, evergetism, *philopatria*, *amor patriae*, Greek and Latin epigraphy

Article history: Received: 03.03.2022. Accepted: 30.03.2022.

For citation: Makhlaiuk AV. “Love for the Fatherland” and civil Identity in the discourse of Latin and Greek inscriptions *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):308–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327>

Acknowledgements: The scientific research was carried out with the support of the RFBR grant (20-09-00099) «The institution of citizenship in the Federal and Imperial states of antiquity in post-classical times: legal foundations, practices, discourses».

Введение

Одной из характерных тенденций в изучении института гражданства в греко-римском мире первых веков н.э. все больше становится перенос акцента с его формально-юридических аспектов на те конкретные практики (включая ритуалы), идеологию и традиции, на которых строилась жизнь городских гражданских общин (*civitates* и *poleis*), политическая культура и идентичность их граждан в контексте мировой державы¹. Как показывают современные исследования, эта гражданская жизнь и гражданская идентичность были неразрывно связаны с вполне определенными ценностями и добродетелями, прежде всего с чувством причастности к общинному коллективу и привязанности к месту рождения², и проявлялись прежде всего на локальном уровне и, соответственно, имели свою специфику в разных частях римского мира³, но при этом определенным образом коррелировали с надполисными имперскими структурами и реалиями (такими, как римское гражданство, императорская власть и т.д.). Именно на локальном уровне в эпоху Принципата, в городах как Запада, так и Востока империи, эти ценностные установки нашли выражение в таком известном феномене, как эвергетизм городской знати⁴, который, достигнув своего расцвета в первые века н.э., получил отражение в многочисленных эпиграфических текстах, представленных прежде всего высеченными на камне почетными декретами и надписями на постаментах статуй, воздвигнутых в честь городских благодетелей. Данные тексты чрезвычайно насыщены соответствующими риторическими клише, титульными наименованиями и разнообразными эпитетами, образующими в своей совокупности то, что О. ван Нейф, по аналогии с понятием *speculum principis*, называет *civic mirrors* — «зеркала гражданина» [10. P. 234; ср.: 11. S. 248–249], т.е. совокупность неких идеальных качеств, каковыми, должны были обладать представители городской элиты, стремившиеся соответствующим образом выглядеть в глазах своих сограждан.

¹ Об этой и других тенденциях см. наш обзор [1], а также [2].

² Об этих ценностях в целом см.: [3]. Автор, однако, говоря о гражданских доблестях, ни словом не упоминает такое качество, как «любовь к отечеству», которая была побудительным мотивом именно гражданского поведения вплоть до готовности пожертвовать собственной жизнью ради родины (ср., например: *Cic. Leg. II.5; Off. I.57; Sen. Ep. 76.27*). Подробнее об таком самопожертвовании как квинтэссенции римского патриотизма см.: [4; 5].

³ Полезными введениями в данную проблематику могут служить недавно опубликованные очерки К. Андо и К. Бреласа, посвященные, соответственно, Западу и Востоку Римской империи [6; 7].

⁴ Этот термин, представляющий собой неологизм, образованный от древнегреческих слов *euergetein* («делать доброе дело») и существительное *euergetes* («благодетель»), был введен в оборот известным французским историком Полем Вейном [8; 9].

Судя по эпитафическим текстам, одной из ключевых категорий в этой системе ценностей как раз и были те «к отчизне любовь и жажда безмерная славы» — *amor patriae laudumque immensa cupido*, о которых, как о всепобеждающей силе, писал Вергилий (*Aen.* VI.823. Пер. С.А. Ошерова)⁵. Именно эти чувства — так, во всяком случае, хотели представить дело авторы и адресаты почетных декретов — подвигали многих богатых горожан на щедрые благотворительные жесты. В греческом узусе им соответствовали такие понятия, как *philopatRIA* и *philotimia*.

В данной статье мы остановимся на сравнении римского и греческого вариантов «любви к отечеству», или, говоря современным языком, патриотизма, которые представлены в эпитафических памятниках и, можно сказать, составляют стержень античной гражданственности. Такое сравнение может обнаружить не только сходства в мировоззрении и практиках, но и различия между латиноязычным Западом и грекоязычным Востоком Римской державы, а также те специфические моменты, что привносились в традиционную гражданскую идеологию и модели поведения имперской ситуацией, в которой существовали городские общины в первые века н.э.⁶ Применительно к западной части империи речь пойдет о «локальном», городском патриотизме, о любви к той малой родине, которую Цицерон в известном пассаже противопоставлял Риму как «общему отечеству» (*communis patriae*): «...у всех членов муниципиев... две родины: одна по рождению, другая по гражданству... одна родина по местности, другая по праву...» (*Cic. Leg.* II.5. Пер. В.О. Горенштейна). Для греческой же части римского мира это был тот «низовой» патриотизм, который фокусировался на полисе, в отличие от «более высокого» патриотизма, который относился к эллинской культурной идентичности в целом [15. Р. 30–32].

Надо сказать, что, несмотря на обилие исследований, посвященных городам и проблемам городского гражданства в Римской империи (особенно ее восточной половине), работы, в которых непосредственно предпринимался бы сравнительный анализ гражданско-патриотического дискурса в греческой и латинской эпитафике, немногочисленны⁷. Материал, относящийся к западной части Империи, обобщен и проанализирован, во-первых, в статье П. Ле Ру [18], который, однако, лишь бегло остановился на сравнении соответствующей риторики латинских и греческих надписей, а также в монографии Э. Форбис [19], которая рассмотрела интересующую нас категорию *amor*

⁵ Выражение *amor patriae* использовано также в *Aen.* XI.892; ср. Тац. *Ann.* XV.49.3: *amor rei publicae*. Используется также синонимичное сочетание *caritas patriae* (например, *Cic. Fam.* X.10.2; *Phil.* II.60; *Liv.* II.2).

⁶ Отдельные стороны этого процесса уже были рассмотрены нами в ряде работ на материале литературных источников. См.: [12; 13; 14].

⁷ Некоторые работы, к сожалению, остались мне недоступными: [16; 17], но в них сравнение греческого и латинского эпитафического материала, насколько я могу судить, не ставится как специальная цель.

patriae в ряду других добродетелей муниципальной знати, отраженных в надписях Италии. Можно также указать магистерскую диссертацию Ж. Монтаня, посвященную «патриотическому» дискурсу в надписях североафриканских провинций [20]. Эпиграфические досье, представленные в этих работах, показывают многообразие и вариативность использованных в почетных декретах эпитетов и титулов, связанных с категориями *patria* и *amor* (и их производными и синонимами), которые выражали чувство принадлежности к сообществу и характер идентификации человека с ним.

Что касается греческого материала, то соответствующая проблематика с той или иной степенью подробности затрагивается во многих работах, прежде всего в тех, которые исследуют почести эвергетов в эллинских полисах, обращаясь в том числе к анализу соответствующего «языка почестей» (*honorific language*). В частности, можно назвать монографии Ш. Экхарда [21] и Ф. Канали Де Росси [22], коллективный труд под редакцией А. Эллер и О. Ван Нейфа [23], монографию трех польских авторов [24] и, в особенности, недавнюю работу А. Эллер о почетных титулах благотворителей в малоазиатских городах [25]⁸, а также статьи Х. Велиджанни [26], Н. Гениакопулоса [27], О. Ван Нейфа [10; 28]. Однако, при всей обширности собранного материала и ценности многих пронизательных наблюдений, высказанных авторами, эти труды все же не проводят последовательного сопоставления собственно римского и греческого дискурсов, касающихся гражданского патриотизма городских элит императорского времени.

Разумеется, решить такого рода объемную задачу в рамках ограниченного объема одной статьи невозможно. Поэтому мы ограничимся только сравнительно немногими, но достаточно показательными примерами соответствующего словоупотребления в латинских и греческих эпиграфических текстах, чтобы уловить общую специфику и некоторые макрорегиональные особенности гражданско-патриотического дискурса.

Philopatrides

Обращаясь к греческому материалу, нужно отметить, что понятие *πάτρις* («родина, отечество») очень широко распространено в греческих эпиграфических текстах эпохи империи и часто используется с эпитетом «сладчайшая» *γλυκυτότη πάτρις*⁹. Именно с таким эпитетом нередко посвящают отечеству свои благотворительные акты городские эвергеты [21. S. 160]. Это выражение

⁸ Данная работа знакома мне только по рецензии: *Fabrice Delrieux* (<http://www.archaeolinks.com/histara/cr.php?cr=3946&lang=it>).

⁹ Например: *SEG XXXVII*, 1186 (Кремна); *IGR IV*, 790 (Апамея); *TAM II*, 408; 414 (Патара); 681; 682 (Кадиянда); *V.2*, 946; 948 (Тиатира); *MAMA IV*, 124 (Метрополис); *I.Smyrna* 637; *I.Iasos* 618; *I.Magnesia* 180; *I.Ephes.* 435; 522; 525 и др. В латинской эпиграфике такого эпитета не зафиксировано, но используются другие, близкие по смыслу (см. ниже).

явственно отсылает к известному гомеровскому выражению οὐδὲν γλύκιον ἤς πατρίδος — «нет ничего сладостнее отчизны» (Hom. *Od.* IX.34) и очевидным образом свидетельствует об особом эмоциональном отношении к родному городу, ставя привязанность к нему в один ряд с родственными и семейными чувствами [8. P. 342, not. 146; 29. P. 213], поскольку таким же эпитетом, как известно, очень часто в эпитафиях наделяются ближайшие родственники. Однако никогда, насколько я могу судить, такой эпитет не прилагался к полису, что, очевидно, объясняется тесной ассоциацией между родиной и кровным родством, тогда как город (община граждан) воспринималась скорее в качестве социально-политической общности, хотя существовал почетный титул υἱός (или θυγάτηρ¹⁰) τῆς πόλεως (или τοῦ δήμου) — «сын (или дочь) города (народа)», которым награждались особо заслуженные эвергеты и который, по своей сути, призван был создать впечатление квази-родственной связи между ними и общиной¹¹. При этом очень часто в качестве инстанции, наделяющей почестями, выступают *polis* или *patris*, т.е. не только институты (совет и собрание), но весь гражданских коллектив [31. P. 69]; и в этом смысле «отечество» тождественно полису.

Надо сказать, что слово φιλοπατρία, наиболее точно выражающее понятие «любовь к родине», в греческой эпиграфике не встречается — в отличие от латинской, где, как мы увидим далее, *amor patriae* и синонимичные выражения представлены очень широко. Однако в греческих надписях очень часто (более 600 раз [28. P. 360]) используется и как почетный титул, и как характеристика личных качеств слово φιλόπατρις («любящий отечество»), которое прилагается как к мужчинам, так и женщинам¹², прежде всего в связи с теми или иными их отличиями на благо родного города (исполнение должностей и литургий, постройки, устройство игр, празднеств и раздач, участие в посольствах и т. д.). Иногда вместо φιλόπατρις используется близкие по смыслу наименования φιλόδημος — «друг народа/любящий народ» (например: *SEG* 45, 1262), или φιλόπολις — «любящий полис» (например: *Aphrodisias* 32; 33; 99; 100; 306; 310; *I.Ephes.* 116; *IMT Olympene* 2698; *IK Prusa ad Olympon* 17; *IK Prusas ad Hypium* 50), или «любящий сограждан» — φιλοπολείτης (*MAMA* VIII, 484).

Как и другие почетные титулы, которыми награждались эвергеты, наименование φιλόπατρις могло быть присвоено по инициативе народного собрания, выражавшего свою волю с помощью аккламаций [32. P. 215], иногда в виде спонтанных выкриков, подобно тем, что упоминаются у Лукиана (*Lucian. Per.* 15; здесь Протей непосредственно провозглашается выкриками на собрании «единственным человеком, любящим свою родину» — ἕνα

¹⁰ В латинских текстах зафиксирован аналогичный почетный титул *alumna patriae* — «воспитанница родины». См.: [30. P. 833–834, not. 10].

¹¹ Об этих почетных наименованиях см.: [22; 27].

¹² О почетном эпитете *philopatris* в декретах в честь женщин-благотворительниц см.: [24. P. 132–133; 25. P. 230–231].

φιλόπατρι) и в романе Харитона (*Chaireas et Kallirhoe*. 1.1.11–12) [33; 34], или же более формализованных, как в одном египетском папирусе III–IV вв. н.э., в котором запротоколированы выкрикиваемые собравшимся народом аккламации в честь местного магистрата: помимо прочего, он именуется φιλοπολίτης — «любящий сограждан» (*P.Oxy.* I.41; см. об этом документе: [35]). Так или иначе, подобная практика свидетельствует о сохранении определенных демократических традиций в городских общинах и об известной зависимости местных нотаблей от мнения рядовых сограждан [7. P. 71].

При этом и самим эвергетам важно было подчеркнуть собственные добродетели, включая любовь к отечеству. Показательна в этом смысле известная надпись Гая Юлия Демосфена, служившего при Траяне прокуратором на Сицилии (*SEG XXVIII*, 1462). В ней он предстает ревностным патриотом своего родного города Эноанды в Ликийи¹³. В пространном (117 строк) хорошо сохранившемся тексте сообщается об учреждении Демосфеном нового праздника — мусического агона «Демосфении» — на средства эвергета и с благословения императора Адриана, чье письмо жителям Эноанды с речительством за Демосфена приведено в начале надписи, в которой далее подробно описываются правила проведения и антураж игр, призовые ставки и т.п. Сам же инициатор нововведения подчеркивает (в первом лице), что «с ранней юности любил свое прекраснейшее отечество»: [ἀπὸ] πρώτης ἡλικίας τὴν γλυκυθητάτην μου πατρίδα πεφιληκῶς (v. 8); а в самом тексте декрета он превозносится как «превосходнейший наш гражданин... муж исключительного величия духа, выдающийся своей доброй славой, и родом, и нравом не только в отечестве, но и в провинции» (ὁ κράτιστος πολεΐτης ἡμῶν ἀνὴρ μεγαλοφονέστατος πρωτεύων τῇ τε ἀξία καὶ τῷ γένει καὶ τῷ ἦθει οὐ μόνον τῆς πα[τρίδος] ἀλλὰ καὶ τοῦ ἔθνους) (v. 49–50) и удостоивается почестей «за неизменную любовь к отечеству и нынешнюю щедрость, непревзойденное великодушие и преданность государям» (ἐπὶ τε τῇ διηνεκεῖ πρὸς τὴν πατρίδα εὐνοίᾳ καὶ τῇ νῦν φιλοτειμίᾳ καὶ ἀνυπερβλήτῳ μεγαλοψυχίᾳ καὶ πρὸς τοὺς Σεβαστοῦ[ς] εὐσεβεΐᾳ) (v. 54–55).

Еще одним примечательным примером подобного рода может служить Опрамой из маленького города Родианополиса в Ликийи, живший в первой половине II в. н.э., один из богатейших людей Империи, осыпавший своих соотечественников всевозможными благодеяниями, которые перечислены в надписях, покрывавших стены его гробницы и включающих почетные декреты, благодарственные письма от императоров и провинциальных наместников (*TAM II.3*, 905)¹⁴. Подсчитано, что совокупная стоимость его всевозможных акций (денежных раздач, устройства игр и празднеств, украшение города и т. д.) на благо родины (ἰδίᾳ τῇ αὐτοῦ πατρίδι) и других городов провинции

¹³ О Демосфене и об этой надписи см.: [36; 37 (цитируется по этому изданию); 38].

¹⁴ Этому эпиграфическому памятнику посвящено подробное исследование, содержащее также текст, перевод на немецкий язык и комментарий: [39].

составляет более полутора миллионов сестерциев. Опрамой, с блеском исполняя должности и в родном полисе, и в Ликийском союзе, будучи наделенным всевозможными добродетелями и образованностью (*παίδεῖα*), действовал, как сказано в одной из надписей, «из священной преданности своей родине» — *διὰ τὴν πατρίδα σου εὐσεβείαν* (IV A, v. 10).

В связи с приведенными свидетельствами отметим три момента. Во-первых, любовь к родному городу и согражданам занимает важное место в ряду тех идеальных качеств, которые ожидались от благородного и щедрого гражданина; во-вторых, эта любовь может быть сопряжена с известностью и деятельностью в рамках провинции или межполисного объединения, которые наряду с полисом оказываются объектом приложения патриотических чувств; наконец, в-третьих, она неразрывно сочетается с преданностью императору, который покровительствует эвергетизму полисных нотаблей.

Очевидно, гражданский патриотизм эллинов отнюдь не исключал — а в некоторых случаях даже предполагал — сознательное сотрудничество с римской властью. Одним из наиболее ранних свидетельств такого рода является надпись на памятнике в виде трех колонн, воздвигнутым в Мителене на Лесбосе в честь Помпея Великого, Феофана и Потамона. Феофан, историк, сопровождавший римского полководца в его восточных походах и удостоенный за свои заслуги римского гражданства и звания *praefectus fabrum* (Strab. XIII.2.3; Plut. *Pomp.* 76.6–9; Cic. *Pro Arch.* 10.24; Val. Max. VIII.14.3), в надписи на памятнике именуется «любящим отечество, спасителем, эвергетом и вторым основателем отечества» (*φιλοπάτριδι / Θεοφάνη τῷ σώτηρι καὶ εὐεργέτῃ καὶ κτίστῃ δευτέρῳ τᾶς πατρίδος*) (IG XII, 2, 163 = IGR IV, 55; Syll.³ 753).

В эпоху же империи, наряду с прославлением персональных — и вполне традиционных — добродетелей адресата почестей¹⁵, *φιλόπατρις*, как правило, сочетается с характерными титульными наименованиями, указывающими на отношение к императору и Риму [26. P. 76]. Так, в надписи из Перги Деметрий, сын Аполлония Эпикидра, назван *εὐσεβῆς φιλόκαισαρ καὶ φιλόπατρις πανάρετος υἱὸς τῆς πόλεως* — «благочестивый, любящий кесаря и отечество, наделенный всеми доблестями, сын полиса» (IK Perge 56; ср. 60; 63), а адресат почетной надписи из Стратоникеи именуется *φιλόπατρις καὶ φιλοσέβαστος καὶ φιλωρῶμαιος, υἱὸς τῆς πόλεως* (I.Stratonicea 189; ср. 123; 187).

Особый случай в ряду подобных эвергетов, чья лояльность Риму и императорам отмечается соответствующими титулами, представляет уроженец острова Кос Гай Стертиний Ксенофонт, личный врач императора Клавдия, происходивший из старинной семьи. На римской службе он занимал посты военного трибуна и префекта ремесленников, был награжден воинскими знаками отличия во время британского триумфа императора (Syll.³

¹⁵ Ср., к примеру: *ἄνθρωπος ἀγαθὸς καὶ πάση κεκοσμημένος ἀρετῇ καὶ φιλόδοξος* (I.Keramos 14); *ἄνθρωπος ἀγαθὸν καὶ φιλόπατρον πάση κεκοσμημένον ἀρετῇ καὶ πίστει* (I.Tral. 8).

804; *I.Cos.* EV 219; ср.: Suet. *Claud.* 25.1; Plin. *NH.* XXIX.5.8). Косские надписи показывают его интеграцию в местное общество и гражданскую деятельность после того, как при Нероне он вернулся на родину¹⁶. В одной из них Ксенофонт, выступающий в роли пожизненного жреца императоров, богов-целителей и прочих божеств, фигурирует как *εὐεργέτας τᾶς πατρίδος καὶ ἱερεὺς διὰ βίου* («благодетель отечества и пожизненный жрец»), а в другой, посвященной Асклепию, Кесарю Августу, Гигие и Гепионе — как *φιλορώμαιος* [[*φιλονέρων*]] *φιλόκαισαρ φιλοσέβαστος φιλόπατρις δάμου υἱὸς εὐσεβῆς εὐεργέτας τᾶς πατρίδος ἦρωσ*, т.е. дословно «любящий Рим, любящий Нерона¹⁷, любящий Цезаря, любящий Августа, любящий отечество, сын демоса, благочестивый благодетель отечества, герой» [40. Р. 93–94, с ссылкой на издание надписей и подробным анализом]. В других надписях он именуется также *φιλοκλαύδιος* (*I.Cos.* EV 219; 249). Подобное наименование, возможно, отсылает к чувству преданности персонально к данному правителю, наряду с лояльностью императорской власти как таковой [40. Р. 103]. Такого рода почетные титулы, по всей видимости, даровались городскими властями тем согражданам, которые имели особые связи с императорами [40. Р. 105–106, с разбором других вариантов сочетания форманта *φιλ-* с императорскими именами].

Надписи с эпитетами, указывающими на любовь к императору, почти столь же многочисленны, как и те, что отмечают любовь к отечеству; и все эти термины показывают, что патриотизм был скорее вопросом чувств (*philia*), нежели сферой гражданского долга или религиозных обязательств, и сами политические отношения предстают как продукт этой «любви» [28. Р. 360]. Следует поэтому согласиться с Ф. Гаско в том, что такой «патриотизм» не только генерировал акты эвергетизма, но и в значительной части сами эти акты, благодаря своему специфическому символическому и материальному содержанию, порождали патриотизм [41. Р. 179]. Добавим также, что этот греческий патриотизм (во всяком случае, в его публичном дискурсе, представленном в эпиграфических памятниках, как, впрочем, в тех архитектурных и скульптурных монументах, которые становились его визуальным выражением [42]), приобретал двусмысленный и парадоксальный, на первый взгляд, характер: быть патриотом своего родного города значило в то же время демонстрировать и преданность императорской власти и Риму, как, впрочем, и наоборот — демонстрация такой преданности отнюдь не противоречила любви к родине.

Примечательно, что именно «отечество» (*πάτρις*) чаще, чем «полис» или «демос», обозначается как адресат благодеяний и приложения добродетелей

¹⁶ Подробный анализ этого эпиграфического досье, карьеры и семейных связей Ксенофонта см.: [40. Р. 66 ff.].

¹⁷ В надписи имя этого императора стерто, т.к. он был подвергнут «проклятию памяти».

эвергета, не только его филотимии, но в первую очередь его филопатрии, как, скажем, в надписи Т. Флавия Домициана Нестора, который характеризуется как человек «часто достопамятно исполнявший должность агораномы на благо отечества... украсивший отечество и служивший попечителем работ и [муж], любящий отечество» ([ἀ]γορανομή[σ]αντα πολλακίς τῇ πατρίδι ἐνδόξως... κοσμήσαντα τὴν πατρίδα καὶ ἐργελιστάτην καὶ φιλόπολιν) (*IK Prusias ad Hypium* 46). В Эфесе почтили ритора Аврелия Афиней, архиерея Азии и неокора Августа, «за его добродетель и [проявленные] благоразумие и усердие в заступничестве за наше отечество: Αὐρ(ήλιον) Ἀθήναιον ἀρχιερέα Ἀσίας καὶ νεωκόρον τοῦ Σεβαστοῦ τὸν ῥήτορα, ἀρετῆς ἕνεκα καὶ τῆς περὶ τὰς συνηγορίας τῆς πατρίδος ἡμῶν εὐνοίας τε καὶ προθυμίας (*I.Ephes.* 3057). Полезность родине или полису (χρήσιμος τῇ πατρίδι / πόλει) также нередко указывается в числе причин оказания чести эвергетам (например: *ΜΑΜΑ VIII*, 520; *I.Mylasa* 142; *I.Selge* 20a).

Любопытно, что «отчизнолюбие» сочеталось не только с собственно гражданскими и «общечеловеческими» добродетелями, но и сугубо женскими. Так, жена Г. Лициния Флавия Ясона, высокопоставленного нотабля из ликийского Ксанфа, в почетном декрете совета и народа названа φιλόπατριν, φίλανδρον, φιλότεκνον καὶ πάσῃ κατὰ γυναικας ἀρετῇ κεκοσμημένην — «любящая родину, мужа, детей и украшенная всеми женскими добродетелями» (*F.Xanph.* VII, 70). В Тиатире от имени отечества (πάτρις) Аврелии Гермонассе, жрице городской Тюхэ, была поставлена статуя с надписью, в которой она названа «мудрой, любящей мужа и отечество» — τὴν σόφρονα καὶ φίλανδρον καὶ φιλόπατριν (*TAM V.2*, 957). Аврелия Ксенониана Майдата, будучи, как и ее муж, *philopatris*, удостоилась многочисленных почестей «за любовь к мужу, благоразумие и чадолубие» (ἐπί τε φιλ[αν]δρία καὶ σοφροσύνη καὶ φιλοτεκ[νί]α) (*I.Selge* 15). В неопубликованной фрагментированной надписи с Коса сообщается о награждении по постановлению народа некой женщины-благотворительницы, которая именуется «благочестивой, героиней, любящей отечество» (εὐσεβῆ ἡρώϊδα φιλόπατριν). По мнению К. Бураселиса, эти наименования являются почетными титулами, которые были официально пожалованы народным голосованием, подобно тому как могли предоставляться титулы, указывающие на любовь к императорам [40. P. 106].

Так или иначе, чтобы обеспечить процветание отечества и собственную власть, городской верхушке приходилось вести себя с оглядкой на римские власти, от которых теперь напрямую зависел и статус данного полиса в иерархии городов Империи, и объем его привилегий. В такой системе отношений политическая лояльность Риму (выражавшаяся, помимо прочего, и в приобретении римского гражданства) и персонально правящим принцепсам (проявляемая в императорском культе) не только не противоречила полисному патриотизму, но, напротив, была необходимым условием его реализации в рамках тех возможностей, которые существовали в Римской империи. Отнюдь не слу-

чайно в дискурсе почетных надписей оказываются сопряженными понятия, описывающие патриотические качества и преданность Риму и императорам: быть *φιλόπατρις* и *φιλόπολις* значило быть *φιλοσέβαστος* καὶ *φιλόρομαλος*.

Amantissimi patriae

Прежде чем непосредственно обратиться к свидетельствам латинской эпиграфики, следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, выражение *amor patriae* встречается не во всех западных провинциях. В основном это Италия и Северная Африка (проконсульская провинция прежде всего, хотя в Нумидии примеров нет [20. P. 341]), тогда как в Нарбонской Галлии или в испанских провинциях оно не использовалось, хотя понятие *patria* иногда фигурирует в здешних надписях. Характерно, что город Рим в качестве «родины» никогда не называется. Все это означает, что в западной части империи соответствующая риторика не была столь распространенной, как в греческих регионах. Тем не менее, сохранившиеся тексты латинских надписей обнаруживают немало прямых параллелей с греческими. Кроме того, возможно, понятие *patria* выступало на Западе как обожествленная абстракция, имевшая собственный культ. Во всяком случае, в надписи из Формий в Лации, относящейся ко временам Северов, упоминается Кассия Корнелия Приска, *clarissima femina*, жена консула 199 г. н.э. Ауфидия Фронтон, патрона этой колонии, «жрица Августы (вероятно, Юлии Домны) и Родины» — *sacerdos Augustae et patriae* (AE 1971, 79). Известна также эпитафия из проконсульской Африки, принадлежащая жрецу Гения Родины (*Genius Patriae*), прожившему 103 года, из которых 53 он занимал этот жреческий пост (ILAlg. 1, 540).

Нельзя далее не отметить, что латинские лексика и формулы, выражающие отношение к родине, согражданам-соотечественникам и родной *civitas*, не менее выразительны, чем греческие, и употребляются они в разнообразных контекстах, которые обнаруживают немаловажные нюансы той гражданской идеологии городской знати на Западе империи. Примеры соответствующего словоупотребления, суммированные П. Ле Ру, показывают эмоциональную выразительность используемых сочетаний [18. P. 145–146, со ссылками на источники]. Ключевое место среди них занимает, как и в греческих текстах, понятие *amor* (эквивалент греч. *philia*) и его производные, включая прежде всего широкоупотребительное словосочетание *amator patriae*, прямо соответствующее греческому *φιλόπατρις*. Эта «любовь», как и ее нередкий эквивалент «привязанность» (*adfectio*)¹⁸, относится не только к родине, но к общине, согражданам (*amator patriae ac ciuium suorum, in patriam et municipes suos amor*;

¹⁸ Еще одним синонимичным понятием служит *benevolentia* — «благорасположение», которое проявляется по отношению к согражданам и отечеству (AE 1945, 81=CIL XI, 6337=ILS 1422).

amor in ciues et in patriam bonitatas, erga rem publicam amor, in rem publicam et ciues amor; in amorem ciuitatis suae, ob singularem in rem publicam amorem, erga amorem patriae et civium), подобно тому, что в греческих надписях обозначается понятиями φιλόπολις, φιλοπολίτης и φιλόδημος.

При этом и *amor*, и *adfectio* характеризуются выразительными эпитетами: «исключительная» (*ob eximium amorem in patriam, ob eximium amorem circa patriam*), «выдающаяся» (*ob insignem amorem in patriam*), «несравненная» (*singularis in ciues et patriam amor; incomparabilis in uniuersos ciues atfectio*), «щедрая» (*largus*), «неизменная, естественная» (*simplex*), «великая» (*ob tanto amore (sic) quam erga patriam nostram*), «многократно проявленная и испытанная» (*multiplex et probata in patriam et ciues adfectio*). Характерно, что и сама родина называется «любимейшей», как, например, в завещании императорского отпущенника Публия Элия Онесима, который выделил из своего имущества 200 тысяч сестерциев *civitati Nacolensium patriae meae amantissimae* — «городу Николее, моей любимейшей родине», отметив, что должен ей больше (*CIL III, 6998=ILS 7196*; время Адриана, провинция Азия). Этот эпитет, хотя и редкий, служит прямой параллелью греческому γλυκυτότη.

Так же, как и в греческих надписях, сами городские патриоты (благодетели и/или патроны/патронессы) выступают носителями всевозможных добродетелей, проявляемых по отношению к отечеству. Так, Г. Теттий Африкан, дослужившийся в конце I в. н.э. до префекта Египта, в посвященной ему надписи из г. Азизия именуется *piissimus munificentissimus erga patriam* — «благочестивейший и наидостойнейше исполняющий свои обязанности перед родиной» (*CIL XI, 5382*). Высокопоставленный императорский отпущенник Аврелий Александр, занимавший должность чиновника императорского суда (*praepositus sacrarum cognitionum*), назван в надписи *vir optimus et innocentissimus erga patriam honorificentissimus* — «муж наилучший, наичестнейший по отношению к отечеству и почтительнейший» (*AE 1935, 20*). Другому эвергету, чье имя не сохранилось, воздается почет как *patrono abstinentissimo civi praestantissimo, amatori civium simplicissimo* — «патрону бескорыстнейшему, гражданину превосходнейшему, неизменно любящему сограждан» (*CIL IX, 2243*). Примечательно, что и само чувство любви к отечеству может характеризоваться в превосходной степени: в ряде почетных надписей их адресат именуется *amantissimus patriae* — «более всего любящий отчество / преданнейший отечеству», как, скажем, надписи из Аримина II в. н.э. (*CIL XI, 386=ILS 6659*) или в декрете в честь Авла Цезилия Акастина из Аквилеи, примипила, кваттуорвира по судебным делам, квинквеннала, который назван *rei p(ublicae) suae amantissimus* и также *optimus et rarissimus civis* — «преданнейший своей общине, наилучший и редчайший гражданин» (*CIL V, 903*).

Щедрый благотворитель, в свою очередь, мог стать «любимейшим согражданином», подобно всаднику Вератию Севериану, куратору общины тегиянцев, кооптированному в совет декурионов, которого как *civis amantissimus* почтили статуей за устройство роскошных гладиаторских игр. Как подчеркивается в надписи, он, хотя был наделен привилегией жрецов Ценины и мог бы легко быть избавлен от исполнения почетных должностей и повинностей, похвально исполнил должность эдила, «ставя выше этого любовь к родине» (*praeposito amore patriae*) (*CIL X*, 3704=*ILS* 5054). Аналогичным образом почестей был удостоен патрон Амитерна, чье имя не сохранилось, за то, что блестяще организованными играми оказал честь своей родине и самих сограждан неизменно поддерживал на всех должностях искренним чувством любви (*patriam suam ho[noravit] ipsosque cives sincera amoris adfect[ione] officis om[ni]bus fovere non desinat*) (*CIL IX*, 4208). Патрон Анагнии Тиб. Клавдий Кресцентин, поскольку щедро и ревностно исполнял должности (*quod is in honoribus enixe adque inpenssime (sic!) in omnibus patriae suae largiter functus sit*), был удостоен статуи «за свою безмерную привязанность к согражданам и отечеству» (*ob nimiam eius erga municipes patriamque adfectionem*); причем сам он назван «любимейшим, деятельнейшим и достойнейшим патроном» (*amantissimo sui ac praestantissimo... dignissimo patrono*) (*CIL X*, 5919=*ILS* 6263).

Надо сказать, что знатные граждане и покровители общин проявляли себя не только в мирное время как щедрые благотворители, но и в случае военной опасности готовы были взять на себя бремя ответственности. Об этом свидетельствует надпись на надгробном памятнике из Мавретании Цезарейской, датируемая 25 марта 260 г. н.э. Она была сделана советом колонии Авзия Кв. Гаргилию Марциалу¹⁹, командовавшему военными частями и являвшемуся патроном провинции, за необыкновенную любовь к согражданам и исключительную привязанность к родине и за то, что благодаря его доблести и бдительности был схвачен и уничтожен предводитель мятежных мавров (*ob insignem in ciues amorem et singularem erga patriam adfectionem et quod eius uirtute et uigilantia Faraxen rebellis cum satellitibus suis fuerit captus et interfectus*) (*CIL VIII*, 9047=*ILS* 2767=*AE* 1987, 1059).

Пожалуй, наиболее полный и выразительный комплекс «гражданско-патриотических» характеристик представлен в пространной (более 35 строк) надписи, датируемой правлением Антонина Пия. Она выполнена на базе статуи из Тергеста (совр. Триест), установленной в честь Л. Фабия Севера, который был городским квестором (*quaestor urbanus*) (*CIL V*, 532=*ILS* 6680). Он, как говорится в тексте цитируемого в надписи

¹⁹ Он, возможно, тождественен с автором жизнеописания Александра Севера и сочинений по сельскому хозяйству и медицине (*SHA. Alex. Sev.* 37.9; *Prob.* 2.7; *Serv. Ad Georg.* 4.147; *Cassiod. Inst.* 1.28.5).

декрета, с юности действовал так, чтобы быть полезным своей родине и достоинством и красноречием (ее) возвеличить (*qui a pri[m]a sua statim aetate id ege[r]it, uti in ad[iuva]nda patria sua et dignitate et el[o]quentia cres[ce]ret*); он так служил, действовал и достигал успеха без какого бы то ни было обременения городской казны, что, несмотря на еще совсем юный возраст, зрелыми и превосходными трудами и делами свое отечество и всех сограждан расположил к себе (*[a]dservisse egisse vicisse sine ullo quidem aerari nos[t]ri inpendio, ut quamvis admodum adulescens senilibus tamen et perfectis operibus ac factis patriam suam nosque insupe[r] sibi universos obstrinxerit*). В нем была такая удивительная доблесть славнейшего мужа, что в ежедневных благодеяниях и служении своему отечеству он превзошел самого себя (*nam in hoc quoque mirabilem esse c[larissimi] v[iri] virtutem, quod cotidie in bene faciendo et in patria sua tuenda ipse se vincat*). При этом он окружил свою общину таким благочестием и привязанностью и так заботился о ее пользе, проявляя всемерное превосходство, что стало очевидным, что он хотел, чтобы не только своим, но и соседним общинам было ясно, что рожден не только на благо своего отечества и страстно стремится к гражданским занятиям... и сенаторскому достоинству прежде всего для того, чтоб сохранить свое отечество и украшенным, и от всяческих несправедливостей огражденным и защищенным (*tanta pietate tanta[que] adfectione rem p[ublicam] n[ost]ram amplexus sit itaque pro minimis ma[x]imisque commodis eius excubet adque omnem praestantiam [s]uam exerat, ut manifestum sit id eum agere, ut non modo nobis, sed proximis quoque civitatibus declaratum velit esse se non aliquam [pa]triae suae natum et civilia studia... ac senatoriam dig[ni]tatem hac maxime ex causa concupivisse, uti patriam suam cum ornatum ab omnib[us] iniuriis tutam defensamque praestaret*).

В этих риторически пышных пассажах, как можно видеть, явный приоритет отдается такому качеству молодого гражданина, как образованность (*eloquentia* и *civilia studia*), которая есть отличительная черта человека благородного (ср. выше с *paideia* Опрамая из Ликии и с качествами Демосфена из Эноады), стремящегося и родному городу всемерно послужить, и вступить на путь сенаторской карьеры, т.е. сочетать и любовь к малой родине, и служение Риму как державе в целом. Последний момент явственно звучит в конце этой инскрипции, где воздается хвала отцу героя за то, что он «родил и воспитал такого гражданина для нас и империи» (*talem et nobis et imperio civem p[ro]creavit adque formavit*).

Заключение

Было бы, конечно, опрометчиво рассматривать подобного рода лаудативные тексты как указание на умонастроения всей городской элиты западной части империи, включавшей Италию и довольно разнородные

провинции. Тем не менее нельзя не обратить внимания на его лейтмотив: гражданские добродетели, включая деятельную любовь к отечеству и согражданам по малой родине, вписываются в общеимперский контекст. В надписи из Тергеста он указан прямо, тогда как в некоторых других рассмотренных выше латиноязычных текстах он скорее подразумевается в указаниях на должностную карьеру, которую сделали адресаты почестей на императорской службе. Этот же имперский контекст присутствует и в греческих надписях, в которых он особо подчеркивается титульными наименованиями, указывающими на «любовь» к императорам и Риму (φιλόκαισαρ, φιλοσέβαστος, φιλωρῳμαίος). В западных провинциях и Италии (которые, как известно, отличались от восточных более умеренными формами императорского культа) в таких прямых указаниях, очевидно, не было особой нужды. Думается, есть все основания полагать, что там, в городских общинах, состоявшихся из римских граждан, сохранялось чувство причастности двум родинам, как их определил Цицерон: Риму как *communis patria / patria civitatis (iuris)* и отечеству по природе и местности (*patria naturae / loci patria*). В прочих же аспектах сравнение дискурса греческих и латинских надписей обнаруживает прямые параллели и совпадения в базовых ценностных установках, обусловленных сохраняющимся гражданско-общинным (полисным) характером городов Римской империи.

Библиографический список

1. Махлаюк А.В. Институт гражданства в Римской империи: обзор современной историографии // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева. СПб.: Алетея, 2021. С. 626–657.
2. Cecchet L. Introduction. Greek and Roman Citizenship: State of Research and Open Questions // *Citizens in the Graeco-Roman World. Aspects of Citizenship from the Archaic Period to AD 212* / ed. L. Cecchet, A. Busetto. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 1–30.
3. Atkins J.D. Citizenship and Civic Virtue // *Roman Political Thought* / ed. J.D. Atkins. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 63–90.
4. Moatti Cl. *Occidere pro patria: quelques réflexions sur le patriotisme* // *Anabasis*. 2010. Vol. 12. P. 137–147.
5. Speidel M.A. *Pro patria mori... La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale* // *Cahiers Glotz*. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
6. Ando C. Local Citizenship and Civic Participation in the Western Provinces of the Roman Empire // *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / ed. C. Brélaz, E. Rose. Turnhout: Brepolos, 2021. P. 39–63.
7. Brélaz C. Democracy, Citizenship(s), and 'Patriotism': Civic Practices and Discourses in the Greek Cities under Roman Rule // *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / ed. C. Brélaz, E. Rose. Turnhout: Brepolos, 2021. P. 65–90.
8. Veyne P. Panem et circenses: l'évergétisme devant les sciences humaines // *Annales E.S.C.* 1969. Vol. 14. P. 785–825.
9. Veyne P. Le pain et le cirque: Sociologie historique d'un pluralisme politique. Paris: Seuil, 1976.

10. Van Nijf O. Civic Mirrors: Honorific Inscriptions and the Politics of Prestige // Social Status and Prestige in the Graeco-Roman World / ed. A. Kuhn. Stuttgart: Steiner Verlag, 2015. P. 233–246.
11. Wörrle M. Vom tugendsamen Jungling zum ‘gestresten’ Euergeten. Überlegungen zum Bürgerbild hellenistischer Ehrendekrete // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium, München 24–26 Juni 1993 / Hrsg. M. Wörrle, P. Zanker. München: C.H. Beck 1995. S. 241–250.
12. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №1 (1). С. 288–299.
13. Махлаюк А.В. Греческий патриотизм в контексте рах Романа: полисные традиции и имперские реалии // Мнемон. 2018. Вып. 18.2. С. 116–141.
14. Махлаюк А.В. Вторая софистика, историческая память и греческий патриотизм в эпоху Римской империи // Homo omnium horagum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / под ред. А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020. С. 370–401.
15. Crowley J. Greek Patriotism // Handbook of Patriotism / ed. Mitja Sardoč. Cham: Springer, 2020. P. 29–46.
16. Giardina A. *Amor Civicus. Formule e immagini dell’evergetismo Romano nella tradizione epigrafica* // La terza età dell’ epigrafia. Colloquio AIEGL-Borghesi 86, Bologna ottobre 1986 / Ed. A. Donati. Faenza: Fratelli Lega, 1988. P. 67–85.
17. Gascó F. *Euergetes philopatris* // Modelos ideales y practicas de vida en la antigüedad clasica / ed. E. Falque, F. Gascó. Sevilla: Universidad Internacional Menéndez Pelayo, 1993. P. 181–195.
18. Le Roux P. *L’ amor patriae dans les cites sous l’ empire romain // Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain: hommage à Claude Lepelley [actes d’ un colloque tenu à Paris les 25 et 26 septembre 2001]* / ed. H. Inglebert. Paris: Picard, 2002. P. 143–161.
19. Forbis E. *Municipal Virtues in the Roman Empire: The Evidence of Italian Honorary Inscriptions*. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1996 (переиздано в издательстве De Gruyter, 2012).
20. Montagne G. *Amator civitatis: les notables municipaux en Numidie romaine (IIème — IVème siècle)*. Mémoire de master 2. l’ Université de Pau et des Pays de l’ Adour avec mention TB, 2013.
21. Eckhard S. *Honoratioren, Griechen, Polisbürger: Kollektive Identitäten innerhalb der Oberschicht des kaiserzeitlichen Kleinasien*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
22. Canali De Rossi F. *Filius publicus, υἱὸς τῆς πόλεως e titoli affini in iscrizioni greche di età impériale*. Roma, 2007.
23. *The Politics of Honour in the Greek Cities of the Roman Empire* / ed. A. Heller, O. Van Nijf. Leiden; Boston: Brill, 2017.
24. Siekierka P., Stebnicka K., Wolicki A. *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin; Boston: Brill, 2021.
25. Heller A. *L’ âge d’ or des bienfaiteurs. Titres honorifiques et sociétés civiques dans l’ Asie Mineure d’ époque romaine (Ier s. av. J.-C. — IIIe s. apr. J.-C.)*. Genève: Droz, 2020.
26. Veligianni Chr. *Philos und philos-Komposita in den griechischen Inschriften der Kaiserzeit // Aspects of Friendship in the Graeco-Roman World (Proceedings of a conference held at the Seminar für Alte Geschichte, Heidelberg, on 10–11 June, 2000)* / ed. M. Peachin. Portsmouth: Journal of Roman Archaeology L.L.C., 2001. S. 63–80.
27. Giannakopoulos N. *Remarks on the Honorary Titles υἱὸς βουλῆς, υἱὸς δήμου and υἱὸς πόλεως in Roman Asia Minor // Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire*. Proceedings of the International Workshop held at Athens Scuola Archeologica

- Italiana di Atene in December 2005 / ed. A.D. Rizakis, F. Camia. Atene: Scuola archeologica italiana di Atene, 2008. P. 251–268.
28. *Van Nijf O.* Affective Politics: The Emotional Regime in the Imperial Greek City // *Unveiling emotions II: Emotions in Greece and Rome. Texts, Images, Material Culture* / ed. A. Chaniotis, P. Ducrey. Stuttgart: Steiner Verlag, 2013. P. 351–368.
 29. *Pleket H.W.* Political Culture and Political Practice in the Cities of Asia Minor in the Roman Empire // *Politische Theorie und Praxis im Altertum* / Hrsg. W. Schuller. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. P. 204–216.
 30. *Corbier M.* Usages publics du vocabulaire de la parenté // *L’Africa Romana. Atti del VII Convegno di Studio (Sassari, 15–17 dicembre 1989)* / ed. A. Mastino. Sassari, 1990. P. 817–854.
 31. *Fernoux H.-L.* Le demos et la cité: communautés et assemblées populaires en Asie mineure à l’époque imperial. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011.
 32. *Robert L.* Hellenica. Vol. XIII. D’Aphrodisias à la Lyca. Recueil d’épigraphie, de numismatique et d’antiquités. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1965.
 33. *Oppeneer T.* Assembly Politics and the Rhetoric of Honour in Chariton, Dio of Prusa and John Chrysostom // *Historia*. 2018. Bd. 67. Hft. 2. P. 223–243.
 34. *Kuhn C.T.* Emotionality in the Political Culture of the Graeco-Roman East: The Role of Acclamations // *Unveiling Emotions: Sources and Methods for the Study of Emotions in the Greek World* / ed. A. Chaniotis. Stuttgart: Franz Steiner, 2012. P. 295–316.
 35. *Kruse T.* The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt // *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World* / ed. E. Stavrianopoulou. Liège: Centre International d’Étude de la Religion Grecque Antique, 2006. P. 297–315.
 36. *Mitchell S.* Festivals, games, and civic life in Roman Asia Minor // *Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 183–193.
 37. *Wörle M.* Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda. München: C.H. Beck, 1988.
 38. *Rogers G.M.* Demosthenes of Oenoanda and models of euergetism // *Journal of Roman Studies*. 1991. Vol. 81. P. 91–100.
 39. *Kokkinia C.* Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn: Habelt, 2000.
 40. *Buraselis K.* Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. Until Late Antiquity. Philadelphia: American Philosophical Society, 2000.
 41. *Gascó F.* Evergetismo y conciencia cívica en la parte oriental del imperio // *Habis*. 1995. Vol. 26. P. 177–186.
 42. *van Nijf O.M.* Public space and the political culture of Roman Termessos // *Political culture in Greek city after the Classical age* / ed. O.M. van Nijf and R. Alston with assistance of C.G. Williamson. Leuven; Paris; Walpole, MA, 2011. P. 215–242.

References

1. Makhlaiuk AV. Institut grazhdanstva v Rimskoj imperii: obzor sovremennoj istoriografii [Institute of citizenship in the Roman Empire: a review of modern historiography]. In: *Economics, law, power in the ancient world. Dedicated to the memory of V.I. Kuzishchin*. Saprykin SYu, Gvozdeva IA, editors. St. Petersburg, 2021, p. 626–657. (In Russ.).
2. Cecchet L. Introduction. Greek and Roman Citizenship: State of Research and Open Questions. In: *Citizens in the Graeco-Roman World. Aspects of Citizenship from the Archaic Period to AD 212*. L. Cecchet, A. Busetto (eds.). Leiden; Boston, 2017, p. 1–30.
3. Atkins JD. Citizenship and Civic Virtue. In: *Roman Political Thought*. J.D. Atkins 9ed.). Cambridge, 2018, p. 63–90.

4. Moatti Cl. *Occidere pro patria*: quelques réflexions sur le patriotism. *Anabasis*. 2010;(12):137–147.
5. Speidel MA. *Pro patria mori...* La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale. *Cahiers Glotz*. 2010;(21):139–154.
6. Ando C. Local Citizenship and Civic Participation in the Western Provinces of the Roman Empire. In: *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. C. Brélaz, E. Rose (eds.). Turnhout, 2021, p. 39–63.
7. Brélaz C. Democracy, Citizenship(s), and 'Patriotism': Civic Practices and Discourses in the Greek Cities under Roman Rule. In: *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. C. Brélaz, E. Rose (eds.). Turnhout, 2021, p. 65–90.
8. Veyne P. Panem et circenses: l'évergétisme devant les sciences humaines. *Annales E.S.C.* 1969;(14): 785–825.
9. Veyne P. *Le pain et le cirque: Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris, 1976.
10. Van Nijf O. Civic Mirrors: Honorific Inscriptions and the Politics of Prestige. In: *Social Status and Prestige in the Graeco-Roman World*. A. Kuhn 9ed. Stuttgart, 2015, p. 233–246.
11. Wörrle M. Vom tugendsamen Jungling zum 'gestresten' Euergeten. Überlegungen zum Bürgerbild hellenistischer Ehrendekrete. In: *Stadt und Bürger im Hellenismus. Kolloquium, München 24.–26. Juni 1993*. M. Wörrle, P. Zanker (Hrsg.). München, 1995, p. 241–250.
12. Makhlaiuk AV. Rimskij patriotizm i kul'turnaya identichnost' v epohu Imperii [Roman patriotism and cultural identity under the Empire]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014;1(1):288–299. (In Russ.).
13. Makhlaiuk AV. Grecheskij patriotizm v kontekste pax Romana: polisnye tradicii i imperskie realii [Greek patriotism in the context of *pax Romana*: polis tradituions and imperial realities]. *Mnemon*. 2018;18(2): 116–141. (In Russ.).
14. Makhlaiuk AV. Vtoraya sofistika, istoricheskaya pamyat' i grecheskij patriotizm v epohu Rimskoj imperii [Second sophistic, historical memory and Greek patriotism under the Roman empire]. In: *Homo omnium horarum: sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podosinova*. Belousov AV, Ilyushechkina EV, editors. M., 2020, p. 370–401. (In Russ.).
15. Crowley J. Greek Patriotism. In: *Handbook of Patriotism*. Mitja Sardoč (ed.). Cham, 2020, p. 29–46.
16. Giardina A. *Amor Civicus. Formule e immagini dell'evergetismo Romano nella tradizione epigrafica*. In: *La terza età dell'epigrafia*. Colloquio AIEGL-Borghesi 86, Bologna ottobre 1986. A. Donati (ed.). Faenza, 1988, p. 67–85.
17. Gascó F. *Euergetes philopatris*. In: *Modelos ideales y practicas de vida en la antigüedad clasica*. E. Falque, F. Gascó (eds.). Sevilla, 1993, p. 181–195.
18. Le Roux P. *L'amor patriae dans les cites sous l'empire romain*. In: *Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain: hommage à Claude Lepelley [actes d'un colloque tenu à Paris les 25 et 26 septembre 2001]*. H. Inglebert (ed.). Paris, 2002, p. 143–161.
19. Forbis E. *Municipal Virtues in the Roman Empire: The Evidence of Italian Honorary Inscriptions*. Stuttgart; Leipzig, 1996 (reprinted De Gruyter, 2012).
20. Montagne G. *Amator civitatis: les notables municipaux en Numidie romaine (IIème — IVème siècle)*. Mémoire de master 2. l'Université de Pau et des Pays de l'Adour avec mention TB, 2013.
21. Eckhard S. *Honoratioren, Griechen, Polisbürger: Kollektive Identitäten innerhalb der Oberschicht des kaiserzeitlichen Kleinasien*. Göttingen, 2002.
22. Canali De Rossi F. *Filius publicus, υἱὸς τῆς πόλεως e titoli affini in iscrizioni greche di età imperiale*. Roma, 2007.
23. *The Politics of Honour in the Greek Cities of the Roman Empire*. A. Heller, O. Van Nijf (eds.). Leiden; Boston, 2017.

24. Siekierka P., Stebnicka K., Wolicki A. *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin; Boston, 2021.
25. Heller A. *L'âge d'or des bienfaiteurs. Titres honorifiques et sociétés civiques dans l'Asie Mineure d'époque romaine (Ier s. av. J.-C. — IIIe s. apr. J.-C.)*. Genève, 2020.
26. Veligianni Chr. *Philos und philos-Komposita in den griechischen Inschriften der Kaiserzeit*. In: *Aspects of Friendship in the Graeco-Roman World* (Proceedings of a conference held at the Seminar für Alte Geschichte, Heidelberg, on 10–11 June, 2000). M. Peachin (ed.). Portsmouth, 2001, p. 63–80.
27. Giannakopoulos N. Remarks on the Honorary Titles *υἰός βουλῆς*, *υἰός δήμου* and *υἰός πόλεως* in Roman Asia Minor. In: *Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire*. Proceedings of the International Workshop held at Athens Scuola Archeologica Italiana di Atene in December 2005. A.D. Rizakis, F. Camia (eds.). Atene, 2008, p. 251–268.
28. Van Nijf O. Affective Politics: The Emotional Regime in the Imperial Greek City. In: *Unveiling emotions II: Emotions in Greece and Rome. Texts, Images, Material Culture*. A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.). Stuttgart, 2013, p. 351–368.
29. Pleket HW. Political Culture and Political Practice in the Cities of Asia Minor in the Roman Empire. In: *Politische Theorie und Praxis im Altertum*. W. Schuller (Hrsg.). Darmstadt, 1998, p. 204–216.
30. Corbier M. Usages publics du vocabulaire de la parenté. In: *L'Africa Romana. Atti del VII Convegno di Studio (Sassari, 15–17 dicembre 1989)*. A. Mastino (ed.). Sassari, 1990, p. 817–854.
31. Fernoux H.-L. *Le demos et la cité: communautés et assemblées populaires en Asie mineure à l'époque imperial*. Rennes, 2011.
32. Robert L. *Hellenica. Vol. XIII. D'Aphrodisias à la Lyca. Recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités*. Paris, 1965.
33. Oppeneer T. Assembly Politics and the Rhetoric of Honour in Chariton, Dio of Prusa and John Chrysostom. *Historia*. 2018;67(2):223–243.
34. Kuhn CT. Emotionality in the Political Culture of the Graeco-Roman East: The Role of Acclamations. In: *Unveiling Emotions: Sources and Methods for the Study of Emotions in the Greek World*. A. Chaniotis (ed.). Stuttgart, 2012, p. 295–316.
35. Kruse T. The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt. In: *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World*. E. Stavrianopoulou (ed.). Liège, 2006, p. 297–315.
36. Mitchell S. Festivals, games, and civic life in Roman Asia Minor. *Journal of Roman Studies*. 1990;(80): 183–193.
37. Wörrle M. *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. München, 1988.
38. Rogers G.M. Demosthenes of Oenoanda and models of euergetism. *Journal of Roman Studies*. 1991;(8)1:91–100.
39. Kokkinia C. *Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien*. Bonn, 2000.
40. Buraselis K. *Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. Until Late Antiquity*. Philadelphia, 2000.
41. Gascó F. Evergetismo y conciencia cívica en la parte oriental del imperio. *Habis*. 1995;(26): 177–186.
42. van Nijf O.M. Public space and the political culture of Roman Termessos. In: *Political culture in Greek city after the Classical age*. O.M. van Nijf and R. Alston (eds.). Leuven; Paris; Walpole, MA, 2011, p. 215–242.

Сокращения

- AE — L'Année épigraphique. Paris, 1888 —...
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum, consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicae editum. Berolini, 1863— ...
- F.Xanph. —Balland A. Fouilles de Xanthos VII. Inscriptions d'époque impériale du Létôon. Paris, 1981
- ILAlg — Inscriptions latines de l'Algérie / Recueilles par S. Gsell; publ. par H.-G. Pflaum. T. 1. Paris, 1957
- ILS — Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini, 1892–1916 (2 ed. 1954–1955)
- I.Cos. EV — Segre M. Iscrizioni di Cos. Vol. I–III. Roma, 1993–2007
- I.Ephes. — Wankel H., R. Merkelbach R. et al. Die Inschriften von Ephesos. Bde I–VII. Bonn, 1979–1984
- I.Iasos — Blümel W. Die Inschriften von Iasos. Bonn, 1985
- I.Magnesia — Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900
- I.Mylasa — Blümel W. Die Inschriften von Mylasa. Bd. I. Inschriften der Stadt; Bd. II. Inschriften aus der Umgebung der Stadt. Bonn, 1987–1988
- I.Selge — Nollé J., Schindler F. Die Inschriften von Selge. Bonn, 1991
- I.Smyrna — Petzl G. Die Inschriften von Smyrna. Bde I–II 1/2. Bonn, 1982–1990
- I.Stratonicea —Şahin M.Ç. Die Inschriften von Stratonikeia. Bde I–II 1/2. Bonn, 1981–2010
- I.Tral. —Poljakov Fj.B. Die Inschriften von Tralleis und Nysa, I. Die Inschriften von Tralleis. Bonn, 1989
- IG — Inscriptiones Graecae. Berlin 1873—...
- IGR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1906–1927
- IK Perge — Şahin S. Die Inschriften von Perge. Bonn, 2004
- IK Prusa ad Olypium — Corsten Th. Die Inschriften von Prusa ad Olypium. Bde I–II. Bonn, 1991–1993
- IK Prusas ad Hypium — Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hypium. Bonn, 1985
- IMT Olympene — Inschriften Mysia & Troas / Ed. M. Barth and J. Stauber. Leopold Wenger Institut. Universität München. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7, 1996.
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. I–XI. London, 1928–2013
- P. Oxy. — The Oxyrhynchus papyri / Ed. B.P. Grenfell, A.S. Hunt et al. London, 1898— ...
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923—...
- Syll.³ — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 3^a ed. Leipzig, 1915–1924
- TAM — Tituli Asiae Minoris. Vindobonae, 1901 —...

Информация об авторе:

Махлаюк Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: makhl@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-7758-2374

Information about the author:

Makhlaiuk Alexander Valentinovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of the Department of Ancient and Medieval History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, e-mail: makhl@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-7758-2374

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-328-337

Научная статья / Research article

Этнолукизм как фактор в отношении римлян к германцам

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1
 cicero74@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обратился к теме этнолукизма — повседневной дискриминационной практики, которая обусловлена соответствием или, напротив, несоответствием реального облика представителей того или иного этноса сложившимся этническим стереотипам и предрассудкам. Статья посвящена частному случаю этнолукизма в античности. Речь идет об этнолукизме как факторе в отношении римлян к германцам. По мнению автора, в обыденном восприятии греков и римлян все варвары одного этнического происхождения — скифы или фракийцы, геты или германцы — были, что называется, «на одно лицо». Этот эффект специалисты называют кросс-расовым. С конца II в. до н.э. римляне активно взаимодействовали с германцами. Характерными внешними признаками германцев латинские авторы называют голубые глаза и светлые волосы, высокий рост и крепкое телосложение. Для римлян эти признаки являлись, скорее всего, теми самыми триггерами, которые автоматически воскрешали в коллективном сознании современников Горация, Цезаря и Тацита давние страхи, связанные с *metus Gallicus* и *furog Teutonicus*. Характерно, что германцы, служившие под римскими знаменами, в глазах своих соплеменников становились «римлянами». Так думали сами германцы, и римские власти четко отделяли «своих» варваров от тех, что нападали на границы Римской империи. Таким образом, в рамках политического единства *raex Romana* постепенно происходило этнокультурное сближение римлян и германцев.

Ключевые слова: лукизм, этнолукизм, римляне, германцы, галлы, кимвры, тевтоны, варваризация

История статьи: Поступила в редакцию: 09.02.2022. Принята к публикации: 01.03.2022.

Для цитирования: *Никишин В.О.* Этнолукизм как фактор в отношении римлян к германцам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 328–337. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-328-337>

© Никишин В.О., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ethnolookism as a factor in the attitude of the Romans towards the Germans

V.O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory St, Moscow, Russian Federation, 119991
 cicero74@mail.ru

Abstract. The author of the article turned to the theme of ethnolookism — daily discriminatory practices, which are due to compliance or, on the contrary, inconsistency between the real appearance of representatives of a particular ethnic group and established ethnic stereotypes and prejudices. The article is devoted to a particular case of ethnolookism in antiquity. We are talking about ethnolookism as a factor in the attitude of the Romans towards the Germans. According to the author, in the ordinary perception of the Greeks and Romans, all barbarians of the same ethnic origin — Scythians or Thracians, Getae or Germans — were, as the saying is, “on the same face”. Experts call this effect cross-racial. From the end of the 2nd century BC the Romans actively interacted with the Germans. Latin authors call blue eyes and blond hair, tall stature and a strong physique as characteristic external signs of the Germans. For the Romans these signs were, most likely, the very triggers, which automatically resurrected in the collective consciousness of the contemporaries of Horace, Caesar and Tacitus long-standing fears associated with metus Gallicus and furor Teutonicus. It is characteristic that the Germans, who served under the Roman banners, became “Romans” in the eyes of their fellow tribesmen. The Germans themselves thought so, and the Roman authorities clearly separated “their” barbarians from those who attacked the borders of the Roman Empire. Thus, within the framework of the political unity of pax Romana, the ethnocultural rapprochement of the Romans and Germans gradually took place.

Keywords: lookism, ethnolookism, the Romans, the Germans, the Gauls, the Cimbri, the Teutons, barbarization

Article history: Received: 09.02.2022. Accepted: 01.03.2022.

For citation: Nikishin VO. Ethnolookism as a factor in the attitude of the Romans towards the Germans. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):328–337. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-328-337>

Введение

Одним из видов дискриминации в современном мире является лукизм (от англ. «внешний вид»). Имеется в виду дискриминация по внешности, предполагающая четкую фиксацию как положительных, так и отрицательных стереотипов, предрассудков и выбора поведения по отношению к разным людям в зависимости от их внешности и от того, отвечает она культурно-социальным представлениям и нормам данного общества или нет [5. С. 99]. В любом обществе и в любую эпоху внешняя привлекательность обычно ассоциируется с положительными вещами, в то время как отталкивающие черты — напротив, с негативными. Во времена Поздней Античности

и Раннего Средневековья сформировалась традиция, в соответствии с которой писатели изображали правителей, руководствуясь наличием или, напротив, отсутствием у них легитимности, по принципу, который М.А. Бойцов сформулировал так: «Человек, избранный судьбой для правления, — красив, узурпатор — уродлив» [3. С. 51]. Эта традиция прижилась и в византийской литературе.

Таким образом, лукизм — как позитивный, так и негативный — является примитивной формой социального взаимодействия человека с другими людьми. Точнее, «позитивный лукизм — это предоставление бонусов, каких-либо преимуществ на основе оценки привлекательности внешнего облика Другого, а негативный лукизм — наоборот, проявление дискриминационного (ограничивающего, лишаящего) поведения по отношению к Другому на основе оценки его внешнего облика» [5. С. 101]. Применительно к античным реалиям нас будет интересовать не лукизм вообще, а конкретно этнолукизм, обусловленный соответствием или, напротив, несоответствием реального облика представителей того или иного этноса сложившимся этническим стереотипам и предрассудкам. На наш взгляд, в обыденном восприятии греков и римлян все варвары одного этнического происхождения — скифы или фракийцы, геты или германцы — были, что называется, «на одно лицо». «Восприятие в данном случае будет зависеть от образа „чужого“, сложившегося в общественном сознании на данный момент, подкреплено собственным опытом и установками на толерантность» [2. С. 187]. Этот эффект специалисты называют кросс-расовым [см.: 6]. Итак, в поле этнической дискриминации неизбежно возникает этнолукизм как повседневная дискриминационная практика [4. С. 82]. Этнолукизм возник в незапамятные времена, в этой статье пойдет речь о той неоднозначной роли, которую он сыграл в восприятии римлянами германцев.

Римляне и германцы

Какова история вопроса? В конце II в. до н.э. римлянам пришлось иметь дело с нашествием германцев (кимбров и тевтонов), которых они до поры, до времени практически не отличали от галлов (Sall. Jug. 114. 1; Hist. III. 96; Strab. VII. 1. 2) [см.: 23. S. 68]. По-видимому, даже Посидоний их не различал [см.: 26. P. 259, n. 56. О Посидонии и его вкладе в римскую этнографическую традицию см.: 30]. Цезарь первым из античных авторов четко и внятно указал на то, что галлы и германцы являются все же разными народами (“quo differant hae nationes inter sese”) (Caes. Bell. Gall. VI. 11); «германцами» для него были все варвары, обитавшие восточнее Рейна [26. P. 260 ff.]. Тем не менее, писавший в 1-й трети III в. Кассий Дион постоянно путает этнонимы, называя кельтов (т.е. галлов) германцами, а Германию — Кельтикой (Dio Cass. LIII. 12. 6; LIV. 20. 5; 25. 1). Со временем римские писатели стали дифференцировать

германские племена, выделяя алеманнов, франков, бургундов, вандалов, саксов [см.: 16. Р. 114].

С конца II в. до н.э. патологический страх римлян перед галлами (*metus Gallicus*) [см.: 8; 9; 10; 11; 12] был отягощен еще и страхом перед «яростью германцев» (*furor Teutonicus*) [см.: 21. О Германии и германцах в представлении античных авторов см.: 20. Р. 427 ff.; 22. Р. 74 ff.; 23. S. 80 ff.; 25; 27; 28. Р. 94 ff.; 31; 32. S. 146 ff.]. В I в. до н.э. Италию потряс буйный разгул «шаек Спартака» (*Hor. Carm. III. 14. 20*), в составе которых было немало галлов и германцев (*Caes. Bell. Gall. I. 40*; *Sall. Hist. III. 96*; *Liv. Per. 97*; *Front. Strat. II. 4. 7*; *5. 34*; *Plut. Crass. 9*; *Oros. Hist. V. 24. 6*). Цицерон называет последних «свирепейшими племенами» (*immanissimae gentes*) (*Pis. 81*), отмечая их дикость, многочисленность и воинственность (*Prov. cons. 33. Ср.: Phil. III. 5. 5–6*). Веллей Патеркул, которому довелось повоевать с германцами, довольно жестко охарактеризовал их как дикарей, «не имеющих ничего человеческого кроме голоса и тела» (*II. 117. 3*. Здесь и далее цит. в пер. М.Ф. Дашковой под ред. А.И. Немировского). Как писал Б. Айзек, «присоединение Галлии навсегда сделало германцев соседями Империи» [20. Р. 429]. В это время (рубеж новой эры) в пограничной зоне за Рейном, где римские владения перемежались с германскими, происходило активное взаимодействие между римлянами и германцами, включая товарообмен (*Dio Cass. LVI. 18. 2–3*).

Типичные особенности внешности германцев

Говоря о германцах, античные авторы в первую очередь упоминали голубые глаза (*Hor. Ep. XVI. 7*; *Tac. Germ. 4*; *Juv. XIII. 164*; *Plut. Mar. 11*; *Sidon. Ep. VIII. 9. 5*). Любопытный факт: с голубоглазыми людьми на протяжении веков в массовом сознании были связаны самые разные предрассудки. Так, в 1564 г. Иван Грозный писал в «Первом послании» А.М. Курбскому: «Где же убо кто обрящет мужа правдива и зыкры очи имущи? Понеже вид твой и злолукавый твой нрав исповедует!» («Встречал ли кто-либо честного человека, у которого бы были голубые глаза? Ведь даже облик твой выдает твой коварный нрав!». Пер. Я.С. Лурье и О.В. Творогова) [13. С. 153]. Несомненно, за этой сентенцией стоит литературная традиция, скорее всего, восходящая к античным временам [13. С. 401]. Другими отличительными признаками германцев были высокий рост и крепкое телосложение (*magna corpora*) (*Tac. Germ. 4*; *Agr. 11*; *Ann. I. 64*; *Plut. Mar. 11*; *Strab. VII. 1. 2*; *Jos. Bell. Jud. II. 16. 4*; *Flor. I. 45. 12*; *Veg. I. 1*; *Juv. VIII. 252*; *Manil. IV. 715–716*; *Sidon. Ep. VIII. 9. 5*), а также светлые волосы (*capilli flavi*) (*Mart. VI. 61. 3*; *Juv. XIII. 165*; *Strab. VII. 1. 2*; *Tac. Germ. 4*; *Agr. 11*; *Manil. IV. 715–716*; *Syn. De regno. 20*). У Витрувия читаем: «...Племена, живущие на севере, бывают огромного роста, белотелы, с прямыми и русыми волосами, светлоглазы и полнокровны...» (*VI. 1. 3*. Пер. Ф.А. Петровского).

Для римлян голубые глаза, светлые волосы и высокий рост германцев являлись, скорее всего, теми самыми триггерами, которые автоматически воскрешали в коллективном сознании современников Горация, Цезаря и Тацита давние страхи, связанные с *metus Gallicus* и *furor Teutonicus*. Яркий тому пример — разгром в Тевтобургском лесу легионов Квинтилия Вара (*clades Variana*, 9 г. н.э.), после которого в Риме опасались германского нашествия на Италию. Как следствие, по приказу Августа галлы и германцы были изгнаны из Вечного города (Dio Cass. LVI. 23. 4). И это притом, что никакой реальной угрозы со стороны германцев (в данном случае херусков Арминия и их союзников) ни Риму, ни Италии в тот момент не было!

В дальнейшем в ходе римских военных экспедиций за Рейн осуществлялись жестокие репрессии по отношению к мирному населению; об одной такой резне сообщает Тацит (Ann. I. 51). Таковы были последствия римской паранойи в отношении германцев. Их римляне боялись не меньше, чем в свое время галлов, и тому было немало причин (Tac. Germ. 37); этот патологический страх перед северными варварами в том или ином виде существовал вплоть до окончательного распада Римской империи [см.: 18]. После *clades Variana* даже такие интеллектуалы, как Сенека Младший (De ira. II. 15), Иосиф Флавий (Bell. Jud. II. 16. 4), Марк Манилий (IV. 794), смотрели на германцев как на дикарей, уподобляя их хищным зверям. Парадоксально, но факт: «демонизация» германцев в античной традиции происходила параллельно с их идеализацией как «благородных дикарей» [20. P. 439]. Откровенная враждебность и затаенный страх просматриваются в следующих строках Марциала: «Марция влага, не Рейн здесь струится, германец, зачем же / Мальчику ты не даешь выпить обильной воды? / Варвар, не смей, от воды победителя прочь отстраняя / Граждан, напиться давать лишь побежденным рабам» (XI. 96. Пер. Ф.А. Петровского). Видимо, Тацит учитывал подобные настроения в римском гражданском коллективе, когда писал в своей знаменитой монографии об “*imperii urgentibus fatis*” именно в связи с воинственными германцами (Germ. 33). Этот пассаж в XX в. породил оживленную дискуссию [см.: 7. С. 96, прим. 9]. Э.С. Грузен считает, что в своем описании германцев Тацит отказался от позиции превосходства и стереотипов, традиционно присущих греко-римской «идеологии» в отношении варваров; по мнению исследователя, римский историк вовсе не противопоставляет германцев римлянам, характеризуя тех и других с равноудаленных позиций [17. P. 178. Ср.: 29. P. 121–122]. На наш взгляд, такой вывод далек от античных реалий.

Преодолевать панический страх по отношению к германцам римлянам помогал авторитет победоносных полководцев, таких как Гай Марий и Юлий Цезарь. В жизни первого из них однажды случился эпизод, весьма показательный с точки зрения его психологического воздействия на аудиторию. В 88 г. до н.э. Марий был объявлен вне закона, бежал из Рима, но был схвачен своими преследователями в Минтурнах. Веллей Патеркул так повествует

об этих злоключениях великого полководца: «Для казни его был послан государственный раб с мечом, германец. Случайно оказалось, что он был взят в плен Марием, когда тот возглавлял войну против кимвров. Узнав Мария, германец громким криком выразил свое негодование по поводу несчастья столь великого человека, отбросил меч и выбежал из тюрьмы» (II. 19. 3). Ту же сцену, только еще более беллетризованную, мы находим в Плутарховом жизнеописании Мария (Mar. 39). Таким образом, римляне как этнокультурная группа боялись германцев, однако при встрече один на один, как мы видели, даже воинственный и свирепый германец мог спастись перед харизматичным и известным своими воинскими подвигами римлянином.

Что касается Цезаря, то для него германцы, если можно так выразиться, были варварами в еще большей степени, чем галлы [см.: 24. P. 87]. В «Записках о Галльской войне» он мастерски описал атмосферу страха и подавленности в римском лагере (Bell. Gall. I. 39), отметив, что римляне боялись германцев и до побед Гая Мария над кимврами и тевтонами, и до подавления восстания Спартака (ibid. 40). Результатом «духоподъемной» и пафосной (в меру) речи Цезаря, обращенной к его соратникам, стал кардинальный перелом в настроении римских военных (ibid. 41).

Заключение

Помимо голубых глаз, высокого роста и белокурых волос германцев отличала одежда, а именно характерные плащи. Здесь стоит отметить, что, несмотря на резко выросший уровень враждебности римлян по отношению к германцам в период Маркоманских войн (166–180 гг.), о чем наглядно свидетельствуют леденящие кровь сцены насилия, запечатленные на мраморном фризе колонны Марка Аврелия [см.: 14. P. 260–261], уже во времена Северов (рубеж II–III вв.), когда начался процесс варваризации (читай: германизации) римской армии, негативный римский стереотип, связанный с германцами, начал постепенно трансформироваться в позитивный. Яркий тому пример — эпизод с сыном и наследником Септимия Севера, свирепым и брутальным Каракаллой (211–217 гг.), получившим от современников прозвище по названию германского плаща (*caracallus*), который он демонстративно носил из расположения к германцам (Herod. IV. 7. 3; SHA. Car. IX. 7–8). Взяв верх над германцами на поле боя, Каракалла стал ярким германофилом (SHA. Car. V. 6). Из германцев Каракалла сформировал отряд телохранителей (Herod. IV. 13. 6; Dio Cass. LXXVIII. 6. 1). По сообщению Геродиана, «всех тамошних германцев он (Каракалла. — *В.Н.*) расположил к себе и вступил с ними в дружбу; кое-кого из них брал к себе в отряды и в личную свою охрану, предварительно отобрав самых храбрых и цветущих. Часто, сняв с себя римский плащ, он менял его на германскую одежду, и его видели в плаще с серебряным шитьем, какой носят сами германцы. Он накладывал себе светлые волосы и зачесывал

их по-германски. Варвары радовались, глядя на все это, и любили его чрезвычайно» (IV. 7. 3–4. Пер. А.К. Гаврилова под ред. А.И. Доватура).

Здесь необходимо отметить такой важный момент: германцы, служившие под римскими знаменами (императоры охотно брали на военную службу германцев благодаря их воинской репутации) [см.: 29. Р. 129, п. 97], в глазах своих соплеменников становились «римлянами» [19. Р. 59]. Так думали и они сами. К примеру, одна из латинских эпитафий гласит: “Francus ego civis, Romanus miles in armis” («Как гражданин я франк, а на военной службе я — римский воин») (пер. авт.) (CIL III. 3567). Характерно, что и римские власти уже как бы и не считали этих воинов «варварами» или, по крайней мере, четко отделяли их от тех, «настоящих» варваров, нападавших на границы Империи. Яркий тому пример — описание битвы при Аргенторате (357 г.), в которой войска цезаря Юлиана противостояли отрядам алеманнской «конфедерации» под предводительством Хнодомара. Желая поднять боевой дух в рядах «своих» германских когорт (батавов и др.), Юлиан обращается к ним с такими словами: «Вот, товарищи, настал давно желанный день, который побуждает нас всех вернуть римской державе подобающий ей блеск, смыв все прежние пятна позора. Вот они, варвары, которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести на гибель себе» (Amm. Marc. XVI. 12. 31. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского). Таким образом, в рамках политического единства рах Романа постепенно происходило этнокультурное сближение римлян и германцев.

Библиографический список

1. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Институт археологии РАН, 1995.
2. *Ананьева К.И., Айметдинова О.В.* Роль контекста восприятия в оценке личностных особенностей человека // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М., 2016. С. 183–191.
3. *Бойцов М.А.* В шурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти : сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46–87.
4. *Лабунская В.А.* От психологии внешнего облика А.А. Бодалёва к построению эмпирических моделей изучения этнолукизма // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М., 2016. С. 73–97.
5. *Лабунская В.А., Погонцева Д.В.* Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М., 2016. С. 98–110.
6. Лицо человека как средство общения. Междисциплинарный подход / отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012.
7. *Никишин В.О.* Варвары и варварство в трудах Тацита: германцы, галлы и британцы // Древний Восток и античный мир : труды кафедры истории древнего мира. Вып. V. М., 2002. С. 86–99.
8. *Никишин В.О.* Metus Gallicus и его преодоление // *Studia historica*. Вып. VII. М., 2007. С. 77–92.

9. Никишин В.О. *Metus Gallicus* и *metus Punicus*: возникновение, эволюция и финал // *Studia historica*. Вып. XII. М., 2012. С. 119–135.
10. Никишин В.О. *Metus Gallicus*: возникновение и преодоление // *Древний Восток и античный мир : труды кафедры истории древнего мира*. Вып. VIII. М., 2012. С. 122–135.
11. Никишин В.О. О некоторых аспектах *metus hostilis* в Риме эпохи Республики // *Восток, Европа, Америка в древности*. Вып. 3. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений / Труды исторического факультета МГУ. Вып. 68. Сер. 2. Исторические исследования. №29а. М., 2014. С. 272–278.
12. Никишин В.О. Феномен *metus hostilis*: возникновение и эволюция // *Древний мир: история и археология : труды 1-й и 2-й Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова МПГУ (8 декабря 2012 г.) (6 декабря 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Куликова*. М., 2015. С. 77–88.
13. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993.
14. Beckmann M. *The Column of Marcus Aurelius // A Companion to Marcus Aurelius* / ed. M. van Ackeren. Chichester; Malden (MA), 2012. P. 251–263.
15. Carroll M. *Romans, Celts and Germans. The German Provinces of Rome*. Stroud: Tempus, 2001.
16. Geary P.J. *Barbarians and Ethnicity // Interpreting Late Antiquity. Essays on the Postclassical World* / eds. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (MA); London, 2001. P. 106–129.
17. Gruen E.S. *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
18. Grünwald T. Vom *metus Gallicus* zum *metus Gothicus*. *Roms Furcht vor den Völkern des Nordens* // *Ktema*. 26. 2001. S. 285–306.
19. Halsall G. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
20. Isaac B.H. *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
21. Kerremans B. *Metus Gallicus, tumultus Cimbricus? The possible promulgation of a tumultus in the Cimbrian War (105–101 BCE)* // *Mnemosyne*. 69. 2016. P. 822–841.
22. Mattern S.P. *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate*. Berkeley: University of California Press, 1999.
23. Müller K.E. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Teil II / Studien zur Kulturkunde*. 42. Wiesbaden: F. Steiner, 1980.
24. Ndiaye E. *L'image du barbarus gaulois chez Cicéron et César // Vita Latina*. 177. 2007. P. 87–99.
25. Norden E. *Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Stuttgart: Teubner, 1959.
26. Rawson E. *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London: Duckworth, 1985.
27. Rudberg G. *Zum antiken Bild der Germanen. Studien zur ältesten Germanenliteratur*. Oslo: J. Dybwad, 1933.
28. Saddington D.B. *Roman Attitudes to the “External Gentes” of the North // Acta Classica*. 4. 1961. P. 90–102.
29. Saddington D.B. *Race Relations in the Early Roman Empire // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. II. 3. 1975. P. 112–137.
30. Strasburger H. *Poseidonios on Problems of the Roman Empire // The Journal of Roman Studies*. 55. 1965. P. 40–53.
31. Thompson E.A. *The Early Germans*. Oxford: Clarendon Press, 1965.
32. Trüdinger K. *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Diss. Basel: E. Birkhäuser, 1918.

References

1. Abramzon MG. *Monety kak sredstvo propagandy oficialnoj politiki Rimskoj imperii* [Coins as a means of promoting the official policy of the Roman Empire]. M.: Institut arkhologii RAN, 1995. (In Russ.).
2. Anan'eva KI, Ajmetdinova OV. Rol' konteksta vospriyatiya v ocenke lichnostnykh osobennostej cheloveka [The role of the context of perception in assessing the personality characteristics of a person]. *Litso cheloveka v prostranstve obshheniya*. Anan'eva KI, Barabanshnikov VA, Demidov AA, editors. M., 2016, p.183–191. (In Russ.).
3. Bojtsov MA. V shkurakh ili v purpurne k obliku varvarskikh korolej vremjon «padeniya» Rimskoj imperii [In skins or in purple? To the appearance of barbarian kings during the “fall” of the Roman Empire]. *Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N.A. Khachatryan*. SPb., 2007, p.46–87. (In Russ.).
4. Labunskaya VA. Ot psikhologii vneshnego oblika A.A. Bodaljova k postroeniyu empiricheskikh modelej izucheniya etnolukizma [From the psychology of appearance of A.A. Bodalev to the construction of empirical models for the study of ethnolookism]. *Litso cheloveka v prostranstve obshheniya*. Anan'eva KI, Barabanshnikov VA, Demidov AA, editors. M., 2016, p.73–97. (In Russ.).
5. Labunskaya VA, Pogonceva DV. Lukizm: litso, telo, dusha [Lookism: face, body, soul]. *Litso cheloveka v prostranstve obshheniya*. Anan'eva KI, Barabanshnikov VA, Demidov AA, editors. M., 2016, p.98–110. (In Russ.).
6. *Litso cheloveka kak sredstvo obshheniya. Mezhdisciplinarnyj podkhod* [The human face as a means of communication. Interdisciplinary approach]. Eds. by Barabanshnikov V.A., Demidov A.A., Diveev D.A. M.: Kogito-Centr, 2012. (In Russ.).
7. Nikishin VO. Varvary i varvarstvo v trudakh Tacita: germancy, gally i britancy [Barbarians and barbarism in the writings of Tacitus: Germans, Gauls and Britons]. *Drevnij vostok i antichnyj mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira*. 2002;(5):86–99. (In Russ.).
8. Nikishin VO. Metus Gallicus i ego preodolenie [Metus Gallicus and its overcoming]. *Studia historica*. 2007;(7):77–92. (In Russ.).
9. Nikishin VO. Metus Gallicus i metus Punicus: vznikovenie, evolyuciya i final [Metus Gallicus and metus Punicus: origin, evolution and finale]. *Studia historica*. 2012;(12):119–135. (In Russ.).
10. Nikishin VO. Metus Gallicus: vznikovenie i preodolenie [Metus Gallicus: emergence and overcoming]. *Drevnij vostok i antichnyj mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira*. 2012;(8):122–135. (In Russ.).
11. Nikishin VO. O nekotorykh aspektakh metus hostilis v Rime epokhi Respubliki [On some aspects of metus hostilis in Republican Rome]. *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. Sbornik nauchnykh trudov XVIII Sergeevskikh chtenij / Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Vyp. 68. Ser. 2. Istoricheskie issledovaniya. №29a. M., 2014;(3):272–278. (In Russ.).
12. Nikishin VO. Fenomen metus hostilis: vznikovenie i evolyuciya [The metus hostilis phenomenon: origin and evolution]. *Drevnij mir: istoriya i arkhologiya*. Trudy 1-j i 2-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii “Dyakovskie chteniya” kafedry istorii drevnego mira i srednikh vekov im. prof. V.F. Semjonova MPGU (8 dekabrya 2012 g.) (6 dekabrya 2014 g.). By ed. Kulikova Yu.V. M., 2015, p.77–88. (In Russ.).
13. Likhachjov D.S. (Ed.) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. M., 1993. (In Russ.).
14. Beckmann M. The Column of Marcus Aurelius. *A Companion to Marcus Aurelius*. Ed. M. van Ackeren. Chichester; Malden (MA). 2012, p.251–263.
15. Carroll M. *Romans, Celts and Germans. The German Provinces of Rome*. Stroud: Tempus, 2001.
16. Geary PJ. Barbarians and Ethnicity. *Interpreting Late Antiquity. Essays on the Postclassical World*. Eds. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (MA); London, 2001, p. 106–129.

17. Gruen ES. *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
18. Grünewald T. Vom metus Gallicus zum metus Gothicus. Roms Furcht vor den Völkern des Nordens. *Ktema*. 2001;(26):285–306.
19. Halsall G. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
20. Isaac BH. *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
21. Kerremans B. Metus Gallicus, tumultus Cimbricus? The possible promulgation of a tumultus in the Cimbrian War (105–101 BCE). *Mnemosyne*. 2016;(69): 822–841.
22. Mattern SP. *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate*. Berkeley: University of California Press, 1999.
23. Müller KE. *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Teil II / Studien zur Kulturkunde. 42*. Wiesbaden: F. Steiner, 1980.
24. Ndiaye E. L'image du barbarus gaulois chez Cicéron et César. *Vita Latina*. 2007;(177):87–99.
25. Norden E. *Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Stuttgart: Teubner, 1959.
26. Rawson E. *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London: Duckworth, 1985.
27. Rudberg G. *Zum antiken Bild der Germanen. Studien zur ältesten Germanenliteratur*. Oslo: J. Dybwad, 1933.
28. Saddington DB. Roman Attitudes to the “External Gentes” of the North. *Acta Classica*. 1961;(4):90–102.
29. Saddington DB. Race Relations in the Early Roman Empire. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1975;(II)3:112–137.
30. Strasburger H. Poseidonios on Problems of the Roman Empire. *The Journal of Roman Studies*. 1965;(55): 40–53.
31. Thompson EA. *The Early Germans*. Oxford: Clarendon Press, 1965.
32. Trüdinger K. *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Diss. Basel: E. Birkhäuser, 1918.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119234, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2209-5357

Information about the author:

Nikishin Vladimir Olegovich — candidate of sciences (history), senior lecturer, department of ancient history, faculty of history, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 119234, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky prospect, building 27, block 4, e-mail: cicero74@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2209-5357

ИСКУССТВО АНТИЧНОСТИ THE ART OF ANTIQUITY

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-338-348

Научная статья / Research article

Декорация храма Аполлона Сминфея в Трояде: визуальная риторика в контексте эллинистического святилища

Н.А. Налимова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1
 nalim1973@mail.ru

Аннотация. Храм Аполлона Сминфея близ деревни Гюльпынар (северо-западная Турция, Трояда), несомненно, относится к числу важнейших памятников эллинистической эпохи. Последние исследования и публикации о храме позволяют точнее проанализировать особенности его архитектурного решения и программу скульптурного декора. Аполлон, носящий эпиклесу «Сминфей» («Повелитель мышей»), появляется в первых строках «Илиады», а само место действия локализуется в окрестностях Хрисы — древнего города, расположенного близ современного Гёзтепе, недалеко от Сминфейона. Эти «гомеровские» ассоциации отражены в скульптурной декорации храма: в его фризе представлены сцены из «Илиады» и более поздних эпических поэм. Такая репрезентация троянского цикла в виде непрерывного повествования с прямой отсылкой к гомеровским и постгомеровским текстам, не имеет прецедентов в более раннем храмовом декоре. Помимо непрерывного фриза в антаблементе, скульптурное убранство включало *columnae caelatae* (рельефные барабаны) двух типов — орнаментальные и фигуративные. Размещаясь на вершинах колонн, они составляли с фризом единое смысловое поле. Автор статьи демонстрирует, как в программе скульптурной декорации храма различные визуальные языки — повествовательный, ассоциативный, символический — задействуются в механизмах создания памяти, поддержания аристократической идеологии и фиксации специфических аспектов местного культа.

Ключевые слова: Аполлон Сминфей, Сминфейон, Трояда, Илиада, Гомер, эллинистическая скульптура

История статьи: Поступила в редакцию: 10.03.2022. Принята к публикации: 28.04.2022.

© Налимова Н.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Налимова Н.А. Декорация храма Аполлона Сминфея в Троаде: визуальная риторика в контексте эллинистического святилища // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 338–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-338-348>

Sculptural Display of the Smintheion in Troas: visual rhetoric in the context of a Hellenistic sanctuary

Nadezhda Nalimova

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory St, Moscow, Russian Federation, 119991
 nalim1973@mail.ru

Abstract. The temple of Apollo Smintheus near the village of Gülpınar (north-western Turkey, Troas) is undoubtedly among the most important monuments of the Hellenistic Age. The latest publications on the temple and sanctuary complex allow a more accurate and precise assessment of this remarkable building. Apollo bearing the epithet “Smintheus” (“Lord of mice”) appears in the opening lines of the Iliad and the very place of action is localized in the vicinity of Chrysa — an ancient town found near modern Göztepe, not far from Smintheion. These “Homeric” associations are reflected in the sculptural decoration of the temple: its frieze depicts scenes from the Iliad and later epic poems. Such a representation of the Trojan cycle, as a continuous narrative with direct reference to Homer and post-Homeric texts, has no precedent in earlier temple sculptures. In addition to the continuous frieze in the entablature, the sculptural decoration of the temple included *columnae caelatae* of two types — ornamental and figurative ones. Being placed on the top of the columns they formed a single semantic and visual unit with the frieze. In the present article the reach sculptural display of the temple is carefully analyzed. The author demonstrates the way in which various visual languages — narrative, associative, and symbolic — were involved in the mechanisms of creating memory, maintaining the aristocratic ideology and specific aspects of the local cult.

Keywords: Apollo Smintheus, Smintheion, Troas, *columnae caelatae*, Iliad, Homer, Hellenistic architectural sculpture

Article history: Received: 10.03.2022. Accepted: 28.04.2022.

For citation: Nalimova N. Sculptural Display of the Smintheion in Troas: visual rhetoric in the context of a Hellenistic sanctuary *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):338–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-338-348>

Введение

Архитектурная скульптура в Древней Греции — особый и чрезвычайно развитый вид искусства. Метопы, фризы фронтоны — каждый из этих элементов создавался как часть архитектурного сооружения, как функциональная деталь внутри тектонической конструкции. Вместе с тем эти конструктивные детали, будучи украшены рельефами или круглой скульптурой, несли на себе развитую изобразительную форму, интегрируя ее в окружающее пространство. Более того, архитектурная скульптура была, как правило,

не только изобразительной, но и повествовательной. Она представляла собой закреплённый в визуальной форме, «петрифицированный» миф, который для античного зрителя имел как минимум два уровня прочтения — нарративный (фабульный) и символический.

В семантическом измерении миф изображённый (как и миф вообще) несёт в себе важное послание, выражающее культурные и социальные ценности общества, в котором он бытует. Его выбор в качестве сюжета для храмовой декорации, разумеется, не бывает произвольным. Он может быть обусловлен связью мифа с культом или определёнными «генеалогическими» причинами — с помощью мифа можно напоминать о прошлом, о легендарных событиях, имеющих отношение к земле, на которой стоит святилище, или о мифических предках ктиторов.

С этой точки зрения особый интерес представляет богатая скульптурная декорация Сминфейона в Троаде — одного из важнейших, но до сих пор недостаточно широко известных памятников эллинистического времени.

Храм и культ Аполлона Сминфея

Руины храма близ деревни Гюльпынар в провинции Чанаккале были идентифицированы в середине XIX века как принадлежащие святилищу Аполлона Сминфея, известному по письменным источникам [1. P. 21–26]. Первую публикацию памятника предпринял в 1881 году Ричард П. Пуллан, проводивший раскопки от имени лондонского «Общества дилетантов» (*Society of Dilettanti*) [2. P. 40–43]. Временный интерес к храму сменился долгим периодом почти полного забвения, что весьма пагубно сказалось на состоянии постройки. Лишь много позже, в 1960е годы, архитектурные остатки были повторно исследованы Гансом Вебером, который возродил интерес к святилищу и вновь актуализировал дискуссию по ключевым вопросам, касающимся датировки, стиля, реконструкции храма и его скульптурной декорации [3. S. 100–114]. Именно Вебер был первым, кто проанализировал известные на тот момент фрагменты храмового скульптурного декора. Основываясь на сравнениях с другими эллинистическими комплексами, он датировал скульптуры и сам храм концом III в. до н.э. (позднее эта датировка была скорректирована¹).

В период с 1971 по 1973 год Археологический музей Чанаккале проводил кратковременные исследования в районе Гюльпынар. Систематические работы здесь начались лишь в 1980 году под руководством профессора А. Джошкуна Озгюнея, который является автором и редактором наиболее важных публикаций о Сминфейоне последних лет [1, 4, 5]. Благодаря

¹ Дж. Озгюнель и О. Бингёль на основании анализа архитектурных деталей и элементов декора предложили более позднюю дату, которая теперь принята большинством исследователей — между 160 и 130 гг. до н.э. [1. P. 27].

полученным данным и новым публикациям, мы на данный момент имеем достаточно полное представление об уникальном скульптурном убранстве храма, чья специфика связана с культом Аполлона и особенностями локации святилища.

Аполлон Сминфей был местным божеством Трояды, которому поклонялись в Гамаксите, Хрисе и позднее (с конца IV в. до н.э.) в Александрии Троядской, а также на некоторых островах, включая Родос [6. Р. 154–155]. Относительно происхождения эпиклеса Сминфей античные авторы в целом сходятся во мнении и связывают его со словом *σμίψος* (вероятно, эолийского происхождения) — полевая мышь. Согласно Полемону Илионскому, автору II в. до н.э. (Polemon, frg. 31), Аполлон Сминфей был повелителем мышей или защитником от мышей, переносчиков чумы и уничтожителей посевов, что указывает как на разрушительные, так и на благотворные функции божества. Страбон пишет, что мыши, обитавшие возле храма Аполлона, считались священными (Strab. XIII.1. 48). Элиан также свидетельствует о мышах, живших возле алтаря Аполлона Сминфея в Гамаксите (Ael. De Nat. Anim. 12.5). Культовая статуя, выполненная Скопасом для храма в Трояде (Strab. XIII.1.48; Eustath. Comm. ad Hom. II. 1. 39), представляла Аполлона Сминфея с мышью под ногой. Мышь, как териоморфное воплощение божества, могла указывать на пророческий дар Аполлона, на мантическую функцию святилища².

В античном мире самое раннее упоминание об Аполлоне, носившем эпиклесу Сминфей, мы находим в первой книге Илиады. Жрец Хрис обращается с молитвой к Аполлону, называя его «защитник Хрисы», «Сминфей» (Hom. II. I.37–39). Характерно, что Аполлон, отвечая на молитву Хриса, насылает на ахейцев чуму (а затем отвращает ее) — то есть, как у Полемона, управляет бедствиями, ассоциирующимися с нашествием мышей. Действие первой книги «Илиады» происходит, вероятно, в древней Хрисе — поселении, которое локализуют примерно в двух километрах к западу от Гюльпынара, недалеко от современного Гёзтепе (1. Р. 17)³. Эта привязка Сминфейона к Гомеру, к легендарным событиям вокруг Трои, очевидно, послужила одним из определяющих факторов при разработке сюжетной программы декорации храма.

² О том, что на территории святилища был оракул, свидетельствуют Овидий (Ovid. Fasti. 4. 625), Менандр Ритор (Menand. Rhet. Peri Epideiktikōn 3, 445, 11–20), Пакувий (Pacuv. frgg.02–106).

³ Никаких археологических фрагментов, предшествующих по времени эллинистическому храму, на территории Сминфейона пока не обнаружено. «Гомеровское» святилище Аполлона, возможно, существовало где-то рядом с Хрисой, а затем было перенесено в район Гюльпынар в среднеэллинистический период [1. Р. 20]. Доктор А. Корсо недавно предположил, что в период архаики и классики культ мог отправляться в пещере, обнаруженной в 200 метрах к югу от эллинистического храма [7. Р. 75].

Скульптурная декорация храма

Храм Аполлона Сминфея представлял собой псевдодиптер ионического ордера (8 x 14 колонн). Он имел простую целлу с глубоким пронаосом и опистодомом, вознесенную на высокий подиум с одиннадцатью ступенями. Имя знаменитого архитектора Гермогена часто упоминается в связи со Сминфейоном. Предполагается также, что храм Артемиды в Магнесии на Меандре — проект Гермогена — послужил образцом для диптера в Троаде [8]. Гермоген работал в конце III — начале II в. до н.э. Учитывая предложенную Дж. Озгунелем и О. Бингёлем датировку Сминфейона серединой II в. до н.э. [1. P. 27], можно допустить, что храм был спроектирован одним из учеников или последователей Гермогена.

Декор храма состоял из двух групп скульптур: внешнего фигурного фриза в антаблементе и рельефных барабанов колонн, так называемых *columnae caelatae*.

Фриз был сформирован плитами высотой 0,78 м и шириной 1.49 м. Сохранилось всего 19 рельефных блоков. Сюжеты, в них представленные — несомненно сцены троянского цикла. Более того, по мнению Озгюнея, вся сюжетная линия фриза, насколько ее можно проследить в сохранившихся плитах, может быть привязана к текстам «Илиады» и других эпических поэм: «Киприй», «Разрушения Илиона» и «Малой Илиады» [1. P. 17, 40].

Сюжеты наиболее сохранных плит определяют следующим образом: Пелей передает Ахилла на воспитание Хирону, Менелай и Аякс защищают тело Патрокла, скорбь Ахилла об убитом Патрокле, Зевс на горе Ида, смерть Гектора, надругательство над телом Гектора, Приам, покидающий Трою, чтобы посетить лагерь ахейцев, Андромаха, оплакивающая Гектора, Ахилл, подстерегающий Троила, взятие Трои, Ахилл, убивающий Пентесилею [1. P. 40–61]. Следует, однако, отметить, что даже в тех случаях, когда речь идет об «Илиаде» (не говоря уже о киклических поэмах, от которых остались лишь небольшие отрывки или краткие переказы), далеко не во всех рельефах можно проследить точное следование тексту, равно как и устоявшимся вариантам иконографии. В некоторых случаях состояние сохранности затрудняет прочтение сюжета. Как нам представляется, в числе наиболее сомнительных атрибуций, предложенных Озгунелем, следует назвать плач Андромахи по Гектору и поединок Ахилла с Гектором [9. 81–83].

Тем не менее, даже если идентификация некоторых сцен может быть поставлена под сомнение, маловероятно, что сюжетная линия фриза выходила за рамки троянского цикла и связанной с ним эпической традиции. Более того, мы имеем по крайней мере одно буквальное совпадение с текстом «Илиады» во фризе Сминфейона (плита 4 [1. P. 45, fig. 28]). Это сцена с Ахиллом, скорбящим о Патрокле, которая восходит к гомеровским строкам (II. XVIII.316–317):

*Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга. (пер. Н.И. Гнедича)*

В рельефе плиты 4 изображена сцена протесиса: на клинэ лежит тело (Патрокла), а рядом сидит воин (Ахилл), положивший левую руку на грудь покойного. Внизу слева у ног Ахилла стоит кираса, справа — щит, частично скрытый за фигурой женщины, возможно, Брисеиды (II. XIX.310–312). Трое других персонажей в гиматиях изображены сидящими на стволе срубленного дерева. Это могут быть соратники Ахилла — Нестор, Феникс и Одиссей, упомянутые в «Илиаде» (II. XIX.283–301). Мотив возложения рук на мертвое тело (который, насколько мне известно, не встречается в других изображениях протесиса, включая сцены оплакивания Ахиллом Патрокла), по-видимому, прямо взят из гомеровского текста.

Возможно, фриз Сминфейона действительно представлял собой нечто уникальное для храмовой скульптуры — непрерывное повествование, где история Троянской войны была показана от самых ранних эпизодов до падения Трои, с опорой Гомера и киклические поэмы. Такой интерес к буквальной «иллюстрации» текста, особенно гомеровского, актуализируется в эллинистическую эпоху. Один из ранних примеров проявления этой тенденции — знаменитый цикл мозаичных картин, украшавших корабль Гиерона II Сиракузского. В его каютах на среднем уровне полы были покрыты мозаикой, представляющей «всю историю Илиады» (Athen. Deipnosophistae 5. 206d–209b). Этот филологический интерес поощрялся и спонсировался эллинистическими правителями, выступавшими заказчиками наиболее значимых художественных проектов.

В то же время для декорации Сминфейона особый акцент на Гомере и эпической традиции был обусловлен спецификой места, его религиозно-историческими особенностями. Земля Трояды и область Хрисы всегда были полны гомеровских ассоциаций. Эта память особенно актуализировалась после посещения Александром Македонским Илиона (Arr. Anab. 1.11.7–8; Diod. 17.18. 2–3; Strab. 13.1.26; Plut. Alex. 15.2). Для преемников Александра троянская мифология имела особое значение, связи с Троей способствовали политическому и культурному престижу. Те, кто инициировал строительство и украшение храма Аполлона Сминфея, вероятно, хотели показать свою причастность к этому героическому прошлому. Политическая и историческая ситуация в регионе в середине II в. до н.э. позволяет выдвигать на эту роль пергамских Атталидов, успешно эксплуатировавших идею мифических связей Трои и Пергама со времен Аттала I [10. P. 7; 11].

В этой связи уместно вспомнить о храме Афины в Илионе, строительство которого было, вероятно, завершено при финансовой поддержке Атталидов [12. P. 107–132]. Другой пример — строительная деятельность Атталидов в Пессинунте (Фригия) с его древним и престижным культом Кибелы [13]. Святилище было монументализировано Атталидами посред-

ствам возведения эффектного портика из белого мрамора: *στοαὶς λευκολίθοις* (Strab. XII.5.3). Такие «благочестивые инициативы с политическим подтекстом» [13. P. 113], очевидно, способствовали укреплению политического авторитета и влияния в регионе.

Исследователи скульптур Сминфейона уже отмечали их иконографическое и стилистическое родство с рельефами Пергамского алтаря — гигантомахией и фризом Телефа [10. P. 10–11]. Следует, однако, обратить внимание и на важные семантические параллели. Так, во фризе Сминфейона явно акцентирована тема героизации. Она транслируется не только через нарратив, но и посредством использования устойчивых визуальных формул, таких как изображения скачущих колесниц (мотив, ассоциирующийся и с битвой, и с темой погребальных агонев), процессий с участием колесниц, напоминающих экфору, сцены протесиса, в которой акцентирована тема оружия и доспехов. Сходные образы, несмотря на различия в сюжете, можно заметить в пергамском фризе Телефа: здесь тоже есть сцена протесиса, вооружения и отбытия воинов, вообще большое внимание уделено оружию [14]. Фигура женщины, держащей шлем на плите 17 [14. P. 16], и другой — рядом с ней, настолько напоминают «Брисеиду» Сминфейона (плита 4 [1. P. 45, fig. 28]), что мы можем гипотетически представить последнюю со шлемом в несохранившейся левой руке. Подобная демонстрация воинской атрибутики хорошо известна в погребальных и votивных (связанных с культом героев) памятниках эллинизма⁴. Фризы Пергамского алтаря и Сминфейона демонстрируют проникновение этих мотивов в храмовую иконографию.

Самый необычный элемент скульптурного декора Сминфейона — *columnae caelatae* (буквально — резные или рельефные колонны, на деле же — рельефные барабаны, входившие в состав колонн). Их использование связано со специфической ионийской традицией, зародившейся еще в архаический период. *Columnae caelatae* — редкое явление в архитектуре, не встречающаяся на греческом Материке, и даже в Ионии подобные формы использовались лишь в исключительных случаях. Два великих ионийских диптера — Артемисион в Эфесе и храм Аполлона в Дидимах — имели колонны с рельефным фигуративным декором еще в VI в. до н.э. Эта черта, правда уже в обновленной форме, сохранилась при строительстве нового Артемисиона, который возводился в последней трети IV — начале III вв. до н.э. [17. S. 49–50].

⁴ В погребальном контексте яркий пример являет гробница Лисона и Калликла в Миезе (Лефкадия), наряду со многими другими примерами изображения оружия в живописной и рельефной декорации погребальных камер [15. P. 51–55]). Среди votивных памятников хотелось бы отметить группу так называемых «рельефов месембрийских стратегов», в которых представлен обряд жертвоприношения в честь ойкистов Месембрии (греческой колонии во Фракии). На одном из них ясно обозначено пространство героона с развешенным на стенах и расставленным на пилонах оружием [16. P.28, cat. 35–36]).

Скульптурные барабаны Сминфейона определенно располагались в верхней части колонн под капителями, о чем свидетельствуют сохранившиеся желобки каннелюр под рельефами. Этот факт играет важную роль в спорах о месте *caelatae columnae* в других архитектурных ансамблях. Некоторые исследователи допускают такое же размещение рельефных барабанов для нового эфесского Артемисиона [17. S. 50], который, в этом случае, послужил непосредственным прототипом для колоннады храма Аполлона Сминфея. Есть, однако, вероятность, что Сминфейон был первым зданием, в котором применили подобное решение. Во всяком случае, это первый храм, где положение рельефных барабанов под капителями надежно подтверждается археологически.

В отличие от Артемисиона в Эфесе, барабаны Сминфейона были двух типов. Первый тип можно назвать «орнаментальным». Эти барабаны украшают рельефные изображения бычьих голов (*boukephalia*), гирлянды и фиалы — мотивы, получившие довольно широкое распространение в архитектурном убранстве эллинистического периода. Наиболее близкую аналогию декорации барабанов Сминфейона мы находим во фризе пропилона святилища Афины Nikephory в Пергаме. Однако дело не только в характере декора, но и в его необычном сочетании с цилиндрической формой. Такое сочетание вызывает ассоциацию с круглыми алтарями, среди которых были декорированные гирляндами и букефалиями. Алтари такого рода получили распространение в эллинистический период на островах Додеканеса (с конца III или начала II в. до н.э.), особенно на Родосе и Косе (основных центрах производства), а также на кикладском Делосе и в некоторых регионах Малой Азии. Эти цилиндрические алтари могли быть вотивными и, еще чаще, погребальными, хотя для многих памятников контекст точно не известен [18. P. 202–206; 19].

Вторую группу рельефных барабанов Сминфейона можно назвать «повествовательными». По мнению Дж. Озгюнеля, они также представляют гомеровские сюжеты: визит Хриса к Агамемнону, Аполлона, насылающего чуму на ахейский лагерь, возвращение Хрисеиды к отцу, Фетиду у трона Зевса [1. P. 35–39]. Некоторые рельефы сильно повреждены, поэтому детали разглядеть сложно. Тем не менее их связь с начальными эпизодами «Илиады» представляется надежной. Выбор сюжетов и их иконография (насколько позволяет судить сохранность) соответствуют сценам в верхнем регистре *Tabula Iliaca Capitolina* (I в. до н.э. — начало I в.) [20. P. 4–8] — одной из наиболее полных «илионских» таблиц с текстами и рельефными изображениями эпизодов из знаменитых поэм о Троянской войне (в том числе «Илиады», «Эфиопиды», «Малой Илиады» и «Взятия Илиона»).

Интересно, что эта группа сюжетов «Илиады» не была включена в повествовательный фриз, но оказалась «вынесенной» за его пределы в пространство колоннады. Помещенные сюда, фигуративные *columnae caelatae* должны были быть семантически связаны с первой группой алтареподобных бараба-

нов. Надо отметить, что среди сохранившихся цилиндрических алтарей есть те, что имеют фигуративную декорацию, иногда даже с оттенком нарративности [18. P. 202–206]. Один из таких примеров являет круглый алтарь из пен- телийского мрамора, найденный в Афинах, к северу от Стои Атгтала. На нем, в несколько монотонном ритме, чередуются сидящие и стоящие фигуры двенадцати олимпийских богов. В других алтарях мы находим композиции более динамичные. Среди них — так называемый «Алтарь Доннелли» (вероятно, II в. до н. э.), который, согласно надписи, некий Зофир посвятил дому (*oikos*) Гестии и народу Делоса [21]. Основную зону алтаря занимают изображения женщин в драпировках (харит или нимф?): одни стоят фронтально, другие танцуют, приподнимаясь на цыпочках. Композиции на обоих алтарей весьма близки одному из барабанов Сминфейона, на котором изображены фигуры божеств (Зевса, возможно, Аполлона, Артемиды, Лето и Музы [1. P.35, fig. 22]).

Возможно, мы имеем дело с проникновением иконографии вотивных и погребальных алтарей в сферу архитектуры. О том, что такое сближение в принципе было возможно, свидетельствует памятник, предшествующий Сминфейону — скальная гробница некоего Архократа, который был жрецом в храме Афины в Линдосе (III в. до н.э.). Самым впечатляющим элементом этой гробницы является ее монументальный фасад длиной 22 м и высотой 9,5 м. Четыре цилиндрических алтаря с гирляндами и букефалиями были вознесены на уровень второго этажа над до- рическим портиком фасада [22. P. 157–158]. Это самые ранние цилиндрические алтари, известные в погребальной архитектуре Додеканеса. Не будучи функциональными, они использовались как элементы архитектурной композиции. Алтари не венчали колонны буквально, но, располагались прямо над ними, поднятые на высоту так, чтобы их можно было рассмотреть издали. Символически они, вероятно, должны были указывать на жреческий сан покойного и ассоциировать его гробницу с храмом или святилищем.

Заключение

Подводя итог, вернемся к программе скульптурного декора Сминфейона. Рельефы фриза и колонн очевидно считывались и в некоем единстве, и, одновременно, в противопоставлении. Прямая нарративность фриза была задействована в механизмах создания памяти через обращение к авторитетной эпической традиции. Рельефные сюжетные барабаны выделяли эпизоды, связанные конкретно с Хрисой, утверждая высокий сакральный статус этой земли. Их композиции с замкнутым круговым движением создавали атмосферу отличную от фриза с его нарративностью и героическими интонациями. Иллюстрируя отдельные сцены «Илиады», они в то же время акцентировали тему ритуала — здесь

были изображения животных, приготовленных для жертвы, сцены возливания на алтари, здесь же появлялись и сами божества, которым жертвы предназначались. Эти рельефы визуально напоминали вотивные, воспринимались в более символическом, нежели буквально повествовательном ключе — как отсылка к теме жертвоприношения, к теме мистической встречи богов и людей в ритуале. Это впечатление поддерживалось «орнаментальными» барабанами с их сакральной символикой (букефалиями и фиалами) и вероятной ассоциацией с круглыми алтарями.

Во фризе, очевидно, были заметны и некоторые погребальные интонации. Через изображение погребального обряда проявляла себя тема героизации, что, вероятно, было связано с идеологическими и династическими ценностями предполагаемых покровителей святилища — Атталидов. «Орнаментальные» барабаны также могли ассоциироваться с погребальной сферой и темой героического культа.

Таким образом самые разные художественные средства были задействованы в визуальной риторике скульптурного ансамбля Сминфейона: и эпическая продолжительность рассказа, и цикличность ритуального действия, и метафора — перенос сематических признаков алтаря на архитектурные формы, и использование визуальных формул героизации, важных в контексте политических амбиций и притязаний патронов святилища.

Библиографический список / Refereces

1. Smintheion. *In Search of Apollo Smintheus*. Ed. A. Coşkun Özgünel. Istanbul: Ege Yayinlari, 2015.
2. Pullan R. *The Sminthium. Antiquities of Ionia IV*. London: Macmillan, 1881, p. 40–43.
3. Weber H. Zum Apollon-Sminheus Tempel in der Troas. *Istanbuler Mitteilungen*. 1966; (16): 100–114.
4. Özgünel A.C. Das Heiligtum des Apollon Smintheion und die Ilias. *Studia Troica*. 2003; (13):261–291.
5. Özgünel A.C. Stilistische Untersuchungen der Reliefplastik des Tempels des Apollon Smintheios. In: *Dipteros und Pseudodipteros Bauhistorische und archäologische Forschungen*. Ed. T. Schulz-Brize. Istanbul: Ege Yayinlari, 2012.
6. Bresson A. Hamaxitos en Troade. In: *Espaces et pouvoirs dans l'Antiquité de l'Anatolie à la Gaule*. Hommages à Bernard Rémy / Ed. by J. Dalaison. Grenoble: Crhipa, 2007, p. 139–158.
7. Corso A. The Statue of Apollo Smintheus by Scopas and the Monumental Policy of the Satrap Artabazos. *Actual Problems of Theory and History of Art*. 2019; (9):75–79. DOI: 10.18688/aa199-1-7.
8. Bingöl O. Der Oberbau des Smintheion in der Troas. In: *Hermogenes und die hochhellenistische Architektur* / Ed. by W. Hopfner, E.-L. Schwander. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. S. 45–50.
9. Nalimova N. Symbolism and Narrative in the Sculptural Decoration of Apollo Smintheus Temple in Troas. *Numismatica e Antichità Classiche Quaderni Ticinesi*. 2019; (48):79–94.
10. Genovese C. Il ciclo troiano dello Smintheion di Chryse in Troade. Elaborazione e circolazione dei temi epici complessi monumentali di età ellenistica in Asia Minore. *Thiasos*. 2015;(4): 3–22.
11. Kosmetatou E. The Legend of the Hero Pergamus. *Ancient Society*. 1995;(26):133–144.

12. Kosmetatou E. Ilion, the Troad and the Attalids. *Ancient Society*. 2001; (31): 107–132.
13. Verlinde A. Monumental architecture in Hellenistic and Julio-Claudian Pessinus. *Bulletin Antieke Beschaving*. 2010; (85):111–139.
14. Pergamon. The Telephos Frieze from the Great Altar. (vol. 1). Ed. R. Dreyfus, E. Schraudolph. San Francisco: Fine Arts Museums of San Francisco, 1996.
15. Miller SG. *The Tomb of Lyson and Kallikles. A Painted Macedonian Tomb*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1993.
16. Kiyashkina P., Bozkova A., Marvakov T. *A Guide to the collections of the Archaeological museum of Nessebar*. Nessebar: Veaaela Publishers, 2012.
17. Bammer A., Muss U. *Das Artemision von Ephesos: das Weltwunder Ioniens in archaischer und klassischer Zeit*. Mainz am Rhein: von Zabern, 1996.
18. Ridgway BS. *Hellenistic sculpture II. The styles of ca. 200–100 BC*. Madison: University of Wisconsin press, 2000.
19. Berges D. *Rundaltare aus Kos und Rhodos*. Berlin: Gebruder Mann Verlag, 1996.
20. Petrain D. *Homer in Stone: The Tabulae Iliacae in their Roman Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
21. Williams D. Captain Donnelly's altar and the Delian Prytaneion. *Revue Archéologique*. 2004; (1): 51–68.
22. Broma V. Cylindrical Altars and Post-funerary Ritual in the South-eastern Aegean during the Hellenistic Period: 3rd to 2nd centuries BC. In: AEGIS. *Essays in Mediterranean Archaeology Presented to Matti Egon by the scholars of the Greek Archaeological Committee UK* / Ed. by Z. Theodoropoulou Polychroniadis, D. Evely. Oxford (UK): Archaeopress, 2015, p. 155–164.

Информация об авторе:

Налимова Надежда Анатольевна — старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. e-mail: nalim1973@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3697-0848

Information about the author:

Nalimova Nadezhda — Senior Lecturer, Department of General Art History, Lomonosov Moscow State University. e-mail: nalim1973@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3697-0848